СОДЕРЖАНИЕ

М. Н. Покровский

АМЕРИКА И ВОЙНА 1914 ГОДА[1]

II

«Соединенные штаты приходится рассматривать как особую, самостоятельную категорию (между державами)», говорит в своих воспоминаниях Грей. «Эта страна была столь могущественна, что на ее симпатии или политику не мог повлиять ход войны. Соединенные штаты могли сделать все, что они считали правильным или желательным, не боясь последствий. Это был фактор такой потенциальной важности, что занятая им позиция могла решить войну в пользу любой из воюющих сторон». «Недоброжелательство Соединенных штатов означало бы верное поражение союзников» (т. е. Антанты).

В чем же заключалась таинственная сила этого «фактора»? Грей ставит этот вопрос так конкретно, как только можно пожелать. «Германия и Австрия»,—пишет он,—могли сами создать необходимые для них запасы военного снаряжения. Союзники (т. е. Антанта) скоро оказались в этом отношении в полной зависимости от Соединенных штатов. Если бы мы поссорились с Соединенными штатами, мы не имели бы того, что нам было нужно». Для того, чтобы обеспечить себе дружбу «фактора», приходилось итти на тяжелые уступки—и Грей с гордостью говорит о жертвах, которые умела принести на алтарь американской дружбы английская дипломатия. Расчеты на победу Антанты над Германией строились, как всем известно, главным образом на строжайшем проведении новой «континентальной блокады»—с обратным, так сказать, знаком, потому что теперь не континент блокировал Англию, как в дни Наполеона I, но Англия блокировала континент, кроме стран, бывших ее союзницами. Мы видели (см. главу I), какое впечатление производила эта новая блокада на Америку, в особенности на аграрную, фермерскую и плантаторскую Америку, которую представляла демократическая партия,—а в руках этой партии была тогда власть. Мы видели также, что официальная верхушка этой партии готова была итти навстречу Англии очень далеко,—но не до конца однако. И Англии приходилось соглашаться на уступки. «Задачей дипломатии было поэтому обеспечить такой максимум блокады, который мог быть достигнут, не вызывая разрыва с Соединенными штатами... Могла быть одна дипломатическая ошибка, которая, если бы она была

[1] Продолжение. См. «Историк-марксист» № 13.

сделана, была бы роковой для дела союзников. Этой ошибки дипломатия последних не сделала, она ее тщательно избегала. Этой ошибкой было бы расхождение с Соединенными штатами, не непременно открытый разрыв, но такое положение вещей, которое повело бы к вмешательству американцев в дела блокады или к запрещению вывоза боевых припасов из Соединенных штатов»[2].

До чего важно было, что Вильсон читал только английские газеты! Этот скромный человек мог бы поставить Антанту на колени перед Германией буквально простым росчерком пера. Подписанный Вильсоном декрет об «амбарго» на английский военный вывоз из Штатов кончал войну самым простым путем, и то, что Вильсон не только такого декрета не издал, но даже ни разу серьезно не пригрозил им англичанам, кладет конец всяким разговорам о «пацифизме» Вильсона. Как, надо думать, чесались руки у Брайана,—но руки были коротки. А сколь велика была зависимость Антанты от Америки в этом вопросе, особенно в течение первых месяцев войны, покажет один маленький анекдотический пример, который мы опять берем из переписки Пэджа. 6 октября 1914 г. последний писал Вильсону: «Главный интендант британской армии вчера обратился к нашему военному атташе, полковнику Сквайеру, с вопросом: думает ли Сквайер, что стоило бы позондировать наше правительство насчет возможности получить от него или от кого-нибудь в Соединенных штатах от 100 до 150 тыс. спрингфильдовских ружей (американская пехотная винтовка—*М. П.*) и 5 миллионов пачек патронов»[3].

Когда Сербия перед убийством Франца Фердинанда обратилась к Николаю II за «воспособлением» в размере 120 тыс. русских винтовок и нескольких батарей артиллерии, то это в высокой степени выразительно, но совершенно понятно. То Сербия, а то Россия. Но когда видишь Англию в такой же точно позиции перед Соединенными штатами—и из-за такого же количества винтовок—, то, наоборот, перестаешь что бы то ни было понимать. Одно из двух: или Англией управляли, в военном отношении, столь безголовые люди, что под их управлением одна из величайших военных держав мира оказалась не в состоянии заготовить во-время лишнюю сотню тысяч ружей—и тогда Сухомлинов оказывается первоклассным военным организатором, ибо он такое количество ружей мог подарить Сербии; или Англия была до такой степени уверена, что она обеспечена непрерывным снабжением с того берега Атлантического океана, что ее военным организаторам и в голову не приходило отвлекаться от своей основной задачи, боевой подготовки английского флота, заботами о каких-то пехотных винтовках: понадобится—привезут из Нью-Йорка, сколько нужно. И конечно правильно только второе предположение. Америка была союзницей Англии еще до начала войны.

---

[2] Viscount Grey of Fallodon, Twenty-five Years; цитата у Page, III, 152-153. Разрядка моя—*М. П.*

[3] Page, ibid., 157.

Никогда не бывший полковником Хаус и будущий лорд Грей встретились впервые в Лондоне 3 июля 1913 г., почти ровно за год до начала мировой войны, и сразу же разговорились по душе. Разговор этот лучше всего привести целиком, как его записал в своем дневнике Хаус, тогда та почва, на которой начал складываться англо-американский союз, будет для читателя ясна почти без комментариев. «Пока лорд Крью и Пэдж обсуждали вопрос об истреблении злокачественного червя (hookworm) в Индии и других странах, сэр Эдвард и я заговорили о положении дел в Мексике. Я сказал ему, что президент не желает вмешиваться в тамошние дела и дал всяческую возможность различным партиям столковаться между собою. Он желал знать, относится ли президент враждебно к какой-нибудь одной определенной партии. Я ответил, что, поскольку дело касается нашего правительства, нам безразлично, какая партия стоит у власти, лишь бы поддерживался порядок (!). Я думаю, что наше правительство признало бы как временное правительство Гуэрты, если бы оно дало письменное обязательство как можно скорее произвести выборы и подчиниться их решению.

Сэр Эдвард сказал, что его правительство признало правительство Гуэрты только как временное и что, если бы Гуэрта предпринял борьбу за президентство вопреки своему обещанию не делать этого, вопрос о его признании встал бы снова как совершенно новое предложение. Он дал понять, что при подобных обстоятельствах они (англичане) не признали бы его.

Он желал знать, что случилось бы, если бы мы вмешались, и высказал предположение, что может быть тогда (в Мексике) установился бы тот самый порядок, какой установился на о. Кубе[4]. Я ответил, что это—вопрос будущего, но что персонально я не думаю, чтобы вопрос об интервенции стоял так серьезно, как кажется большинству.

Затем мы перешли к вопросу о пошлинах за право пользования Панамским каналом. Он сказал, что его правительство собирается прямо поставить перед нашим правительством вопрос: желаем ли мы продолжать обсуждение текста трактата[5], или же предпочитаем арбитраж. Его правительство не возражает, чтобы наше правительство свободно пропускало каботажные суда, поскольку это не мешает британскому мореплаванию или не создает для него неблагоприятных условий; но какой именно план намечен для достижения этой цели, он не знает. Однако он готов повести об этом разговор с нашим правительством в случае, если освобождение от пошлины (американских судов) не будет отменено биллем, который сейчас находится на рассмотрении сената.

Я предложил не торопиться с этим делом в настоящий момент, но оставить вопрос открытым до большой сессии конгресса, начинающейся

---

[4] Фактически являющемся американской колонией с призрачной самостоятельностью – *М. П.*

[5] Речь идет о трактате Гэя-Паунсефота, 1901 г., см. ниже.

в декабре. Я объяснил, что президент очень торопится провести в чрезвычайную сессию свою законодательную программу, что уменьшение таможенных пошлин и реформа нашей монетной системы являются почти вопросом жизни и смерти для его (Вильсона) администрации; что в сенате он имеет, в вопросе о пошлинах, лишь незначительное большинство и не желал бы спешить ни с чем другим, пока не будут проведены эти меры.

Сэр Эдвард сказал, что он совершенно понимает положение президента и сочувствует ему и что его правительство совершенно согласно повести дело так, как я предложил[6]».

Последние два абзаца я привел, чтобы показать, какая интимность существовала в переговорах вильсоновского кабинета с англичанами уже в эту раннюю пору. Грею откровенно объясняли всю внутрипартийную механику демократического правительства—и встречали полное сочувствие. Суть же дела ясна из предыдущих абзацев. В Мексике столкнулись две нефти: американская и английская,— т. е. нефть-то была одна, мексиканская, но наживаться на ней желали и английские, и американские капиталисты. «Британский посланник в Мексике, сэр Лайонель Кардэн, считался сторонником Гуэрты и, как думали, представлял английские нефтяные интересы лорда Каудрэя», пишет редактор бумаг Хауса профессор Сеймур. «О Гуэрте думали, что он готов предложить англичанам необычайно выгодные условия концессий в том случае, если его режим твердо установится. Американское правительство считало, что за английскими нефтяными интересами стоит британское министерство иностранных дел и что признание Англией правительства Гуэрты как временного означает враждебный акт по отношению к вильсоновской политике—непризнания Гуэрты»[7].

Все это, как мы сейчас видели, была чистая клевета. На английской политике не было ни единого нефтяного пятна. Как умные люди, английские империалисты прекрасно понимали, что всех кусков сразу в рот не положишь—и что лорд Каудрэй может подождать. На столе лежала ставка, гораздо более крупная. Согласно договору, заключенному Англией и Соединенными штатами в 1901 г. (так называемый «трактат Гея-Паунсефота», по имени подписавших его дипломатов обеих сторон), корабли всех стран при проходе Панамского канала платили одинаковые пошлины. Но в последний год президентства Тафта, перед выборами Вильсона, американские протекционисты, чувствуя, что приближается конец их господству, поспешили провести билль, освобождавший вовсе от пошлин при проходе через Панамский канал американские каботажные суда. Демократы, в погоне за голосами индустриальных штатов, вынуждены были включить сохранение этого протекционистского закона в свою избирательную платформу.

---

[6] House, I, 201—202.
[7] Ibid., 200.

Переоценить значение этого закона было трудно. Он создавал колоссальное преимущество фабрикантам Новой Англии, индустриальных штатов на берегах Атлантического океана, перед английскими предпринимателями. В то время как американские товары шли на тихоокеанский берег Южной Америки, острова Полинезии, отчасти даже в Австралию и на Дальний Восток, не платя в Панамском канале никаких пошлин, в цену английских товаров неизбежно входили эти пошлины. Конкуренция для англичан была невозможна. Половина бассейна Тихого океана оказывалась закрытой для английских товаров,—и как раз та половина, которая только что открылась для капитализма: на другой стороне этого океана уже была Япония.

«Если Соединенные штаты отменят пошлинные льготы в канале (для американских судов), мы будем иметь в распоряжении британский флот, британских фабрикантов—все, что нам угодно», писал Пэдж Хаусу в августе 1913 г. Конечно у англичан был «выход»: возить свои товары на американских судах, т. е. способствовать развитию американского торгового флота (авторы билля и имели в виду главным образом эту цель). Но если мы вспомним, что война Англии с Германией на 50% объяснялась успехами германского торгового флота, мы поймем, что значило для англичан прибегнуть к этому «выходу». Бедный лорд Каудрэй давал другой «выход», несравненно более приемлемый для английского капитала. Продав шкуру этого лорда—с Гуэртой в виде маленькой премии,—нельзя ли этим добиться отмены тафтовского билля? Так именно Грей и поставил вопрос.

Если бы на месте Вильсона и его друзей была более жесткая публика, одной шкурой лорда Каудрэя дело конечно не обошлось бы. Мы видели, как, понимая это, Грей осторожно ставил вопрос. Он готов был итти на уступки даже в вопросе о пошлинах, готов был торговаться. Европейская война была в виду—и не поссориться с Соединенными штатами уже тогда было одною из основных задач британской дипломатии. Но Вильсон и его друзья заранее готовы были растаять, увидев перед собою такого почтенного джентльмена, как Грей (внепсихологические причины этого добродушия читатель сейчас увидит). Когда в ноябре 1913 г. (перед упоминавшейся декабрьской сессией конгресса) в Вашингтоне появился личный секретарь Грея Уильям Тиррель, уже с формальными предложениями насчет панамских пошлин, Вильсон, к крайнему изумлению даже Хауса, был с ним еще откровеннее, чем Хаус с Греем. «По собственной инициативе» американский президент откровенно рассказал британскому дипломату, «все что у него было на уме, не только свои взгляды на вопрос, но и то, как он эти взгляды собирается проводить». Он не скрывал и препятствий, стоявших на его пути. Пакостили конечно ирландцы: их ведь хлебом не корми, а дай сделать что-нибудь неприятное англичанам. Ввиду только этого Вильсон просил англичан запастись терпением. Накануне этого дня, на завтраке в английском

посольстве, Тиррель категорически заявил Хаусу, что «у лорда Каудрэя нет никаких концессий от Гуэрты, и если бы он получил их в будущем, английское правительство их не признает». «Он сказал, что сэр Лайонель Кардэн отнюдь не враг американцам. Он человек порядочный и будет думать и действовать так, как ему прикажет его правительство. Он допускал, что он (английский посланник в Мексике) большой британский патриот,—но кроме этого его ни в чем нельзя упрекнуть» [8].

Пришлось, действительно, потратить некоторое время, чтобы уломать лидера ирландцев сенатора О'Гормана. Как-никак нарушалось формальное обещание, данное Вильсоном при вступлении в президентство, одно из условий, на которых он был избран. Но мексиканская нефть не могла не растопить самого жесткого сердца. В марте 1914 г.—во имя конечно только святости договоров, не подумайте чего-нибудь другого—условия трактата Гея-Паунсефота были восстановлены во всей неприкосновенности. Американские суда впредь должны были платить при проходе через канал те же самые пошлины, что и английские.

Для широкой публики это было впечатление разорвавшейся бомбы. Это впечатление великолепно передает донесение о событии царского посла Бахметева, который именно принадлежал к числу публики, смотрящей через забор. О нем почти никогда не упоминается в бумагах Хауса—и только один раз где-то брошено замечание, что это «злейший реакционер и что-то в роде помешанного». (Другой Бахметьев, времен Керенского, пользовался гораздо большими симпатиями и вниманием «полковника»). Сам Вильсон чувствовал видимо некоторую неловкость и очень боялся, как бы в зале конгресса вдруг не запахло керосином. Он ни слова не сказал о Мексике, он только просил отменить билль Тафта, «чтобы поддержать внешнюю политику правительства», да вскользь и глухо упомянул о каких-то «других материях, еще более деликатных», чем панамские пошлины. Для более узкого круга все было решено давным-давно—еще в ноябре, когда Тиррель показывал Хаусу депеши Грея Лайонелю Кардэну, запрещавшие тому поддерживать Гуэрту и в чем бы то ни было препятствовать американцам. Как видим, и обоюдное ознакомление с секретными дипломатическими документами вошло у друзей в обычай еще задолго до войны.

В июле 1914 г. Гуэрта бежал, и мексиканская нефть стала «отечественным» американским продуктом. Но мы очень ошиблись бы, если бы к этой нефти свели все дело. Планы Хауса были несравненно шире—и билль Тафта был продан вовсе не за такую дешевую цену, как можно подумать на основании предыдущего рассказа. Предполагалось возмещение гораздо более солидное: только, к несчастию вашингтонских друзей, лишь именно Гуэрта был в этом возмещении «чистыми деньгами»—остальное было написано на векселе, который не удалось учесть.

[8] Ibid., 205—207.

21 января 1914 г. Хаус записал в своем дневнике: «Мы (т. е. Вильсон и Хаус) решили, что лучше всего обратить внимание конгресса на это дело (соглашение с Англией) немедленно, чтобы британское правительство могло предпринять соответствующие шаги, когда 10 февраля соберется парламент. Мы решили, что лучше не разговаривать с сенатором О'Горманом в одиночку, но созвать всю сенатскую комиссию по иностранным делам как республиканцев, так и демократов, и объяснить им положение; что было бы хорошо сказать им, как нам важно не испортить своих отношений к Великобритании именно в настоящее время; что лучше сделать уступки в отношении к Панаме, нежели потерять поддержку Англии в наших мексиканских, центрально-и южно-американских делах [9]».

После бегства Гуэрты американский посланник в Чили писал Хаусу: «Успех президента в Мексике превратил положение, чреватое трудностями и опасностями для наших американских отношений, в триумф панамериканизма». «Полковник Хаус спешил использовать выгоды момента, чтобы развить положительную и устойчивую панамериканскую политику, основанную на принципе соглашений и кооперации» [10].

Прежде чем перебросить свои щупальцы через оба океана, отделяющие Старый свет от Нового, американский империализм хотел консолидироваться у себя дома, превратив обе Америки, Северную и Южную, от Гудзонова залива до Огненной земли, в один империалистский блок под главенством Соединенных штатов. «Это дело столь громадных последствий,—писал Хаус Вильсону после уже начала войны в Европе,—что я даже теперь чувствую себя обязанным уделять ему больше внимания, чем европейским делам, тем более, что, в случае счастливого исхода, одно может оказать решающее влияние на другое» [11].

Выступить перед распавшейся на части Европой «всей Америкой»—значило поднять кулак, во много раз более мощный, чем кулак одних Штатов, тем более, что без канадского и аргентинского хлеба и мяса воевать было так же невозможно, как и без снарядов, вырабатываемых заводами Новой Англии. «Спешить было необходимо,—не без наивности замечал Хаус еще несколько позже,—по той причине, что европейская война создавала крайне удобный момент (!), и если не провести дела до конца войны, его может быть никогда не удастся провести» [12].

Вот вам и «достаточное основание» для того, чтобы политический союзник Англии еще с 1913 г. стал ее военным союзником только в 1917 г. И та же причина, которая дала возможность реализовать это военное сотрудничество лишь еще годом позже, в 1918 г., —

[9] Ibid., 210.
[10] Ibid., 213.
[11] Ibid., 221.
[12] Ibid., 227.

сравнительно слабый флот и еще более слабая армия Соединенных штатов—лежала в основе того, что панамериканский мираж не стал реальностью даже и до сего дня, как и предвидел Хаус. Америку пришлось завоевывать в Европе, а для этого—как опять предвидел Хаус (см. главу I)—пришлось превратить Соединенные штаты в мощную милитарную державу. В 1914 г. ABC (Аргентина, Бразилия и Чили—Chile, три крупнейшие державы Южной Америки) просто не очень боялись Вашингтона,—а Канада прямо зависела от Англии. Нельзя найти лучшего примера тому, как конкуренция и монополия объединяются в империалистическом мире, чем отношения Англии и Соединенных штатов в эти годы. Обе союзницы были в то же время и соперницами: на пути к панамериканской монополии Штатов они сталкивались, и никакие лобызания Хауса с Греем не могли устранить этого объективного факта. Англия тянула со своим согласием, как только могла, Чили поняло это сразу—а следом за Сант-Яго де Чили разумение дошло постепенно и до Буэнос-Айреса и до Рио-де-Жанейро, где в первую минуту Хауса встретили тропически жаркими объятиями. 23 марта 1916 г. (!) Грей писал Хаусу, что он видел чилийского посланника. «Я нашел его очень довольным тем, что вы ему сказали, но он очень настаивает на том, что идея участия (всех американских держав) на равных правах должна быть подчеркнута, а идея опеки устранена (из договора)». Дальше следовала совсем иезуитская фраза насчет того, что против участия Канады в панамериканской федерации Англия не возражает—но вот положение с ABC деликатное. Уговорите, мол, сначала чилийцев с компанией. Но, говорит редактор хаусовских бумаг, соперничая в наивности с самим «полковником», «для Соединенных штатов было невозможно настаивать, не возбуждая у Чили подозрений, что «Пакт» (панамериканское соглашение) в действительности служит более нашим специально интересам, чем интересам Америки вообще» [13].

Повторяю, Америку пришлось завоевывать в Европе. Перипетии неудачных переговоров Хауса с ABC нас не интересуют в настоящий момент, но на одной статье несостоявшегося «Пакта» нельзя не остановиться. Во всех разговорах Хауса и Вильсона с Греем и Тиррелем есть один припев, повторяющийся с назойливостью «малой ектеньи» старой православной обедни: это разговоры о всеобщем мире и разоружении,—разговоры, которые до сих пор я тщательно опускал, поскольку они носили совершенно отвлеченный характер и были вполне бессодержательны. Но в «Пакте» пришлось их поневоле конкретизировать, и конкретное воплощение пацифистских мечтаний империалистской буржуазии не только очень интересно само по себе, но и в высокой степени актуально в связи с тем, что только-что происходило в Лондоне. IV пункт проекта панамериканского договора гласил: «С целью поддержания внутреннего

[13] Ibid., 235—237.

спокойствия на своих территориях, высокие договаривающиеся стороны, каждая за себя, соглашаются и обязуются не допускать отправления из местностей, находящихся под их юрисдикцией, какой-либо военной или морской экспедиции, враждебной существующему правительству одной из высоких договаривающихся сторон, и запретить вывоз из пределов своей юрисдикции оружия, боевых припасов или какого-нибудь другого военного снаряжения, предназначенных для употребления лицом или лицами, известными, как находящиеся в состоянии восстания или революции против существующего правительства одной из высоких договаривающихся сторон»[14].

Договор о взаимном разоружении был одновременно и договором о взаимной перестраховке от революции. В частных письмах это звучало конечно откровеннее, чем в официальных дипломатических текстах. «Наступило время,—писал Пэдж Хаусу незадолго перед началом европейской войны,—для какой-то великой, конструктивной, передовой идеи—надо что-то сделать. Если бы великие мировые силы, благодаря счастливым событиям и удачным комбинациям, могли объединиться и принялись бы очищать тропики, великие армии постепенно стали бы санитарной полицией, как в Панаме, постепенно забыли бы свое боевое назначение и наконец рассеялись бы». А вскоре после начала войны Хаус писал американскому послу в Берлине Джерарду: «Когда наступит мир... тогда сможет быть выдвинут и генеральный план разоружения, потому что тогда не будет надобности в армиях крупнее тех, какие необходимы для полицейских целей» [15].

Сначала «санитарная полиция», потом «полиция» просто, без всяких «санитарных» фиговых листков. Распустив дорого стоящие армии (и ликвидировав еще дороже стоящие флоты), заменить их хорошей вооруженной полицией—вот настоящий, не для парада, идеал буржуазного пацифиста. А так как есть опасность, что массы, даже кое-как вооруженные, смогут с такой полицией справиться, то надо лишить оружия массы. Большевистская формула навыворот. Мы стремимся заменить войну между народами войной между классами—и для этой цели вооружаем массы. Они тоже понимают, что дело идет к замене войны между народами войной между классами, и готовятся к ней по-своему: стремятся разоружить массы (особливо, ежели те находятся «в состоянии мятежа или восстания») и вооружить полицию.

С англо-американской «дружбой» (читатель вероятно уже заметил, что и это слово в данном сочетании не менее заслуживает кавычек, нежели полковничий чин Хауса) связаны не только не осуществившиеся мечтания Хауса о гегемонии Соединенных штатов в Америке, но и первое [16]

---

[14] Ibid., 240.

[15] Ibid., 247 и 325. Разрядка моя—*М. П.*

[16] Первое при Вильсоне: предыдущие случаи такого вмешательства—Рузвельта в 1903 и потом в 1905—1906 г.—выходят из рамок нашего рассказа.

вмешательство американцев в европейские дела, осуществившееся, но не давшее тех результатов, каких от него ждали в Вашингтоне.

В обширный кругозор «полковника» входили не только Англия и АВС, в него входила и Германия, притом со знаком, удивительным для того, кто не понял бы диалектического характера англо-американского союза. Разговаривая с одним своим знакомым в январе 1913 г. (до начала дружбы с Греем), Хаус говорил ему: «Я желал бы добиться лучших отношений между Англией и Германией; если бы Англия была менее нетерпима к германской экспансии, между ними могло бы установиться согласие. Я думаю, мы могли бы поощрить Германию в ее попытках эксплоатировать Южную Америку законными путями, т. е. разработкой ее природных богатств и высылкой туда излишков своего населения; это было бы хорошо для Южной Америки и вообще имело бы благодетельные последствия» [17]. В это время спор о мексиканской нефти и панамских пошлинах был еще во всей силе. Но и гораздо позже, когда Англия и Америка давно уже «похоронили топорик» [18], в мае 1914 г., Хаус писал Вильсону: «Лучшим шансом для мира было бы соглашение между Англией и Германией в вопросе о морских вооружениях, но для нас было бы не совсем выгодно, если бы они слишком тесно сблизились между собою» [19].

Явный перевес Англии над Соединенными штатами в Южной Америке вынуждал искать противовеса. Союзник Англии, Штаты не желали полного и окончательного разгрома Германии: если этот разгром осуществился, это было неудачей политики Вильсона. Из двух «друзей» тот, который жил по сю сторону Атлантического океана, был гораздо хитрее и ловчее заокеанского «брата Ионафана» [20]. Ионафан, несметно богатый, но неуклюжий и застенчивый провинциал (столичным жителем его сделала именно война) понимал иногда, что его водят за нос,—мы скоро увидим поразительные по своей откровенности афоризмы Хауса на этот счет,—но сопротивляться ловкому и нахальному Джон Булю [20] не мог—просто уменья нехватало—и давал себя использовать то тут, то там, являясь своего рода «эксплоатируемой» стороной почти везде.

Результатом этих противоречивых влияний, желания спасти Германию от разгрома и оказать услугу своему союзнику (а в то же время и оттянуть развязку до того момента, когда Соединенные штаты сделаются одною из решающих военных держав) явилась мало кому известная поездка Хауса в Европу в мае-июне 1914 г. перед самым началом войны.

---

[17] Ibid., 245—246.

[18] «Похоронить топорик» (или томагаук)—обычный символ мира у краснокожих Северной Америки, знакомый всякому, кто читал Купера.

[19] Ibid., 255. Разрядка моя—*М. П.*

[20] «Джон Буль» и «брат Ионафан»—старинные насмешливые прозвища англичан и американцев.

Об этой поездке Вильгельм сказал однажды, уже после своего падения, что она «едва не предупредила мировую войну». Это конечно такое же огромное преувеличение, как и то высокое мнение о своих подвигах, какое с неподражаемым самодовольством высказывает в своих письмах сам «полковник». Но что поездка Хауса в Берлин была чрезвычайно серьезной английской разведкой перед самой войной, разведкой, может быть, действительно в самом окончательном счете определившей решение Англии воевать, это не подлежит сомнению.

Мысль о поездке Хауса в Европу зародилась во время тех разговоров с Тиррелем, которые велись в декабре 1913 г. и непосредственным результатом которых было соглашение о мексиканской нефти и панамских пошлинах. Хаус приписывает инициативу себе, но его собеседник так быстро вошел в курс дела (в течение одного разговора, не попросив минуты на размышление), что невольно является подозрение: не привез ли Тиррель проекта с собою и лишь очень ловко заставил американца высказаться первым. Во всяком случае план поездки был дан Тиррелем—Хаус этого и не скрывает: сначала (!) в Берлин, там говорить с кайзером, канцлером и министром финансов (Тиррель едва ли не имел в виду «финансовые круги»), лишь потом в Лондон,—ехать безо всяких официальных полномочий, частным человеком—тут англичанин очень польстил «полковнику», предупредив его, что даже и в этом качестве ему придется отбиваться от чрезвычайных почестей, которыми будто бы готовы осыпать его немцы,—но тем не менее «частному человеку» было обещано снабдить его всеми документами, какими только располагает британское министерство иностранных дел по переговорам об обоюдном разоружении Англии и Германии на море.

Хаус готовился к поездке очень обстоятельно, подробно интервьюируя всех американцев, которые бывали в Берлине и вращались там в высших правительственных кругах. Характерно, что, чем лучше эти американцы знали придворный и крупнобюрократический Берлин, тем большее удивление вызывал у них проект Хауса. Характерно и то, что уже в этих разговорах в числе стран, куда можно допустить германскую экономическую экспансию, рядом с Центральной и Южной Америкой появляются «Малая Азия и Персия»—предметы отчасти вожделения, отчасти уже и обладания друга и союзника Георга V, Николая II. Мы сейчас увидим, что тут именно нащупывалась ось всей комбинации, и что ось была опять-таки английского изделия. Уже в январе 1914 г. «полковник» имел календарный план передвижений Вильгельма на всю первую половину года (до конца лета). Американский редактор бумаг Хауса имеет добросовестность отметить, что в этом плане имелась и поездка кайзера в Норвегию, каковую поездку антантовская публицистика стремилась изобразить как маскировку военных приготовлений Германии. Что Германия решила войну в июле уже с января 1914 г., этого не осмеливается утверждать даже антантовская публицистика—даже она датирует австро-германский

«заговор» с 5 июля. Таким образом бумаги Хауса дают лишний аргумент тем, кто думает, что война 1914 г. застала Германию врасплох.

Готова или не готова Германия воевать — в получении ответа на этот вопрос был повидимому главный смысл поездки Хауса для тех, кто эту поездку инсценировал. Планы самого Хауса были конечно шире, но с этими планами случилось то же, что с панамериканским «Пактом». Как видно из его письма к Вильсону от 26 июня 1914 г., перед «полковником» носилась картина некоего капиталистического (можно бы даже сказать ростовщического) рая, где «Америка, Англия, Франция, Германия и другие дающие взаймы и развивающие нации» великодушно распределяют деньги «за разумные проценты» и «на благоприятных условиях» — таких, однако же, при которых «займы могли бы быть разумно обеспечены» [21]. Англичане весьма учтиво соглашались разговаривать на эту тему, прекрасно понимая, что никаких практических последствий из этого получиться не может, не считая того, что разговор происходил за два дня до убийства Франца-Фердинанда, когда Европа сразу начала спускаться куда глубже ростовщического капитализма—в слои чистейшей «феодальной формации» и внеэкономического принуждения. Пусть читатель—ежели он изучал эту эпоху по книге академика Тарле—не волнуется чересчур: я вовсе не хочу намекнуть, что собеседники Хауса что-нибудь знали о готовящемся убийстве. Напротив, как сейчас увидим, есть основание думать, что организаторы последнего именно англичан в свои планы не посвящали—не потому что они были сверхъестественно высокого мнения об английских добродетелях, а потому, что скрывание подобных вещей именно от англичан определялось условиями игры. Ибо то, что в виде намека мы уже видели в одной записи Хауса, стало дальше лейтмотивом всей «авантюры» [22]: когда из-за всего этого миража стало выступать что-то реальное, это реальное оказывалось сделкой Англии и Германии—за счет России.

Нет сомнения, что Тиррель был очень откровенен со своим собеседником и рассказал «полковнику» гораздо больше, чем можно было прочитать не только в газетах, но и в разных «синих книгах». Отправляясь в Берлин, Хаус прекрасно представлял себе реальные европейские отношения—и, в сущности, новейшие американские историки мировой войны, Fay или Barnes, недалеко опередили его в этом. Между тем «полковник», будучи человеком весьма смышленым—умнее своего друга Вильсона, конечно—гениальным дипломатом и мыслителем исключительно сильной дивинации отнюдь не был. Ежели он так хорошо все понимал, очевидно, кто-то дал ему весьма толковые объяснения. Уже в первом письме из Берлина (от 29 мая) он писал президенту: «Как только

[21] Ibid., 271.

[22] The great adventure—название, под которым проф. Сеймур дает весь рассказ об этой поездке Хауса. Так называл ее и сам «полковник».

Англия согласится, Франция и Россия нападут на Германию и Австрию. Англия не хочет, чтобы Германия была совершенно раздавлена, потому что тогда ей придется одной считаться с ее старым врагом — Россией; но если Германия будет настаивать на постоянном усилении своего флота, у Англии не будет выбора»[23]. Дальше следовало уже цитированное мною место о невыгодности для Соединенных штатов и слишком тесного сближения Англии и Германии.

Любопытнее всего, что Хаус не только писал это в письме к своему интимному другу, но и говорил добрую часть этого таким людям, как адмирал фон-Тирпиц. С главой германского флота он встретился за обедом у американского посла Джерарда, почти на другой же день по своем приезде в Берлин. Они пробеседовали «почти час»,—и один из аргументов, пущенных в ход Хаусом, чтобы убедить главу не только германского флота, но и германской военной партии (что «полковник» опять-таки отлично знал) насчет желательности для Германии столковаться с Англией, был тот, что «Великобритания не хочет разгрома Германии, потому что этот разгром оставит ее одну лицом к лицу с ее старым врагом—Россией»: буквальное повторение фразы из письма к Вильсону, или лучше сказать, буквальное ее предвосхищение, поскольку разговор с Тирпицем происходил за два дня до написания этого письма; формулировка очевидно очень нравилась Хаусу. И то же самое, с еще большим подчеркиванием, было повторено при разговоре с самим Вильгельмом. Но разговор этот стоит привести подробнее.

«Полковник» очень добивался личного свидания с императором — притом не просто приема, «аудиенции», а непременно личной беседы. Когда одну минуту казалось, что это неосуществимо, Хаус пригрозил уехать из Берлина, не начиная дела. И тут обнаружилось, что Тиррель, рисуя перспективы, которые ожидают личного друга президента Вильсона в Берлине, не выдумывал на чистом месте, но только сгущал краски. Частное лицо, простого американского туриста, не только приняли—но встретились с ним в весьма торжественной обстановке и удостоили если не часовой, то получасовой беседы с глазу на глаз. Для будущих историков одного этого факта будет совершенно достаточно, чтобы притти к заключению, что в этот день, 1 июня 1914 г., Вильгельм воевать отнюдь не желал. Что за Хаусом стоит не только Вильсон, но и английское министерство иностранных дел, он, разумеется, прекрасно знал.

Встреча произошла на большом военном празднике германской армии, в Потсдаме, когда, по традиции, император сидел за одним столом с солдатами своей гвардии, ел их обед и пил с ними из одного стакана. Инсценировка для представителя американской «демократии» была подстроена весьма удачно. У нас, мол, тоже демократия—но со штыками... За обедом было только два иностранца: Джерард и Хаус. Им были отведены места прямо против императора и его семьи. По правую руку от

[23] Ibid., 255. Разрядка моя—*М. П.*

Хауса сидел военный министр фон-Фалькенгайн. Это уже была спекуляция на тщеславие американского мещанина. После этого обеда и состоялась та беседа, ради которой Хаус ехал в Германию. Из-за этой беседы был даже задержан на несколько минут экстренный поезд, который должен был отвезти императора и его гостей обратно в Берлин. Это очень волновало аккуратную хозяйку дома, германскую императрицу: но Вильгельм все говорил и говорил—и его не смели прервать.

Оказалось, что по части широты планов германский император ничуть не уступал американскому «полковнику» из Техаса и даже способен был «углубить вопрос». Он, в довершение ко всему прочему, поставил еще и расовую проблему. «Он говорил,—записывал Хаус в тот же вечер,—о том, как безумно со стороны Англии входить в союзы с латинской и славянской расами, которым чужды наши идеалы и цели и которые являются колеблющимися и ненадежными союзниками. Он говорил о них, как о народах полуварварских,—а об Англии, Германии и Соединенных штатах, что они представляют собою единственную надежду прогрессирующей христианской цивилизации». «Об Англии он говорил тепло и с восторгом. Англия, Америка и Германия—родственные народы и должны теснее сплотиться. О других народах он был неважного мнения...» В ответ на эти излияния Хаус и развил знакомую уже нам мысль еще более резко и определенно, чем в разговоре с Тирпицем—и даже чем в письме к Вильсону: «Я выразил мысль, что Россия является величайшей угрозой для Англии и что последней было бы выгодно, чтобы положение Германии было таково, чтобы она могла сдерживать Россию и служить барьером между Европой и славянами. Я без труда добился его согласия с этим мнением» (еще бы!). Думал ли в эту минуту Николай II, что его голову какой-то американец подносит на блюде «другу и кузену Вилли» и что друг и кузен с благосклонной улыбкой принимает дар?

Дело пошло гораздо туже, как только собеседники коснулись морских вооружений. Оказалось, что всей восторженной любви Вильгельма к Англии далеко недостаточно, чтобы уменьшить германский флот хотя бы на один броненосец. Причем император весьма ловко использовал аргумент, подсунутый ему Хаусом: как же, говорил он, я буду держать Россию под шахом без флота? Единственное, чего здесь мог добиться Хаус, было согласие вступить по этому предмету в переговоры с Англией—частным, неофициальным путем—через американцев. И тут Хаус должен был убедиться, что у феодального властелина руки гораздо более связаны, чем у демократического американского президента. С Вильсоном Хаус привык переписываться запросто, через голову Брайана и официальной американской дипломатии, а когда дело дошло до переписки Хауса с Вильгельмом, оказалось, что нужно писать через «нашего друга Циммермана в министерстве иностранных дел [24]...»

---

[24] Весь текст этой записи Хауса занимает с. 259—264 I тома.

В сущности, гора родила мышь: от великолепных планов Хауса не получилось никакого конкретного результата. Ясно было одно: Вильгельм воевать *сейчас* не хочет. Сейчас Германии война невыгодна: «Германия была бедна, она становится богаче, и еще несколько лет мира сделают ее совсем богатой», говорил Вильгельм все в той же беседе. Когда она будет совсем богата, тогда она, со своим водяным и воздушным флотом (значение последнего Хаус оценил сразу), начнет, с кем следует, серьезные разговоры, но пока ей воевать невыгодно. Это не был результат для Хауса, но это было ценное указание для пославших его англичан: если для Германии война сейчас не выгодна, то ясно, что нужно воевать как можно скорее. И с этой стороны поездка Хауса опять была весьма кстати: получив почти официальное предложение переговоров, и не такой простоватый человек, как кайзер, почувствовал бы себя, хотя на время, в безопасности. Это чувство безопасности можно было еще усилить, подарив—или даже только посулив—Германии часть шкуры русского медведя. Этот зверь становился все нахальнее. Он дерзко запускал лапу на стол, за которым англичане привыкли кушать одни, и тащил оттуда всякий кусок, какой ему приглянется. Отношения между Англией и Россией в Персии так обострились в это время, что союз объективно подвергался некоторому риску.

Трения начались давно. Уже в 1912 г. в Бальморале Сазонову пришлось разговаривать с Греем и на эту тему. Положение не улучшилось с тех пор. Только за первое полугодие 1914 г. в архиве бывшего министерства иностранных дел имеется до 30 крупных документов, посвященных этому сюжету. Переписка Лондона и Петербурга занята в эти месяцы персидским вопросом почти на 50%, а *личная*, конфиденциальная переписка Сазонова и Бенкендорфа—на 90%. Причины трений были разнообразные. Формальным аргументом англичан была военная оккупация русскими северной Персии (по конвенции 1907 г. признанной входящей в русскую сферу влияния), делавшая русских консулов фактическими правителями этих персидских провинций. На самом деле источником споров была «нейтральная зона» между русской и английской сферами влияния,—по существу неподеленная соглашением 1907 г., часть Персии, которой заранее было суждено стать яблоком раздора двух «дружественных» империализмов, ибо в Персии, как и в Монголии, столыпинская Россия выступала как подлинная империалистская держава, со всеми присущими такой державе атрибутами. Для характеристики настоящего, а не воображаемого «русского» империализма нет более ценного материала, чем дипломатическая переписка по персидским и монгольским делам за этот период [25].

---

[25] Последняя печатается в одной из ближайших книжек «Красного архива». Первая найдет себе место в соответствующих томах большой публикации документов империалистской войны.

Здесь мы берем выдержки только из тех «персидских» документов, которые непосредственно граничат с поездкой Хауса в Берлин и рисуют положение, как оно стояло вплотную перед убийством Франца-Фердинанда. Уже в личном письме Бенкендорфа Сазонову от 7/20 мая 1914 г. мы находим весьма любопытную постановку всего вопроса: «что отношения Антанты с державами Тройственного союза (т. е. с Германией в первую очередь— *М. П.*) стали менее натянутыми, даже улучшились, в этом не может быть сомнения», писал Бенкендорф. В Англии, заканчивал он свое письмо, складывается убеждение, которое нужно «вырвать с корнем»: это, что соглашение 1907 г. было по отношению к Англии надувательством («L'Angleterre a conclu un marché qui s'est trouvé être un marché de dupes»). Не менее выразительную цитату из рассуждений Грея мы находим в начале телеграммы от 29 мая/11 июня. Разговор шел по поводу статей «Таймса», инспирированных «Англо-персидской нефтяной компанией», которая особенно рьяно стремилась проникнуть в заповедную «нейтральную» зону. Совершенно неожиданно по обыкновенной формальной логике из-за этой компании у Грея вдруг выскочила Германия. «Он (Грей) сказал, что с Германией то же самое; что он не знает, какими средствами Германия обрабатывает (английскую) прессу, но что она пользуется всяким расхождением двух правительств (английского и русского) по поводу Персии». «Грей сказал мне, что с 1907 г., частью благодаря внешним обстоятельствам (но частично, значит, и вследствие сознательных усилий царского правительства?—*М. П.*), влияние России в Персии явно усилилось, тогда как английское влияние шло в обратном направлении, до такой степени, что это начинает затрагивать реальные английские интересы. Он мне сказал, что это прогрессирующее усиление (русского влияния) создает английскому правительству крупные и чрезвычайно серьезные затруднения и постоянно используется как противниками англо-русского соглашения в самой Англии, так и нашими врагами в Германии. Эту точку зрения он мне развивал особенно обстоятельно, чтобы я обратил на нее ваше внимание».

В частном письме, которое служило комментарием к этой телеграмме, Бенкендорф объясняет, что тактика Грея в этом вопросе диктуется английским общественным мнением (читай: «интересами нефтяников и колональной буржуазии»— *М. П.*), «с которым Э. Грей считается и не может не считаться. Если бы он этого не делал, он был бы сломлен, и с ним вместе были бы сломаны и конвенция (1907 г.) и Антанта (разрядка моя—*М. П.*)». «Если бы соглашение о Персии выродилось и потеряло силу, моральные узы Антанты были бы разорваны, и она перестала бы существовать».

«Великолепный тип старого славянина» был сильно напуган Греем. Конечно Антанта держалась на гораздо более прочных якорях, чем русско-английское соглашение по поводу Персии. Но на случай действительного соглашения Англии и Германии по морскому вопросу, Персия

могла сыграть роль великолепного предлога, чтобы повернуться к России спиной. Во всяком случае испуган был не один Бенкендорф. «Я должен вам передать сообщение, которое мне строго конфиденциально передал Камбон [26]. Он мне сказал, что по его личным сведениям, которые могут итти только из Тегерана, отношения между двумя посольствами (английским и русским—*М. П.*) внезапно чрезвычайно испортились,—и он мне выражал по этому случаю свои живейшие опасения».

Что тревога широко захватывала французские правящие круги, свидетельствуется тем фактом, что Пуанкаре ехал в Петербург, между прочим, и с целью поправить испортившиеся из-за Персии русско-английские отношения [27]: он понимал, что оставлять в начинающейся войне в руках Англии такой предлог выйти из Антанты было бы более чем рискованно. Дальнейшее поведение Англии, как мы увидим ниже, слишком оправдывало подобные опасения. Тем более, что Англия угрожала не только на словах. Почему не была подписана англо-русская морская конвенция, переговоры о которой начались, по инициативе Франции, еще в апреле? Предлогом были просочившиеся в Германию сведения о ней, причем стороны сваливали друг на друга—и на французов—вину за «нескромность» и «болтовню». Но «персидская» переписка почти не оставляет сомнений, что причиной неудачи было именно русско-английское охлаждение из-за восточных дел. Это охлаждение всего ярче отразилось в почти истерическом письме Сазонова Бенкендорфу от 11/24 июня 1914 г. Цитатами из этого письма я и закончу характеристику конфликта двух империализмов.

«Если бы дело шло только об обуздании чрезмерного усердия некоторых из наших консулов [28],—писал Сазонов,—дело не представляло бы трудностей, но есть нечто большее, и это большее, что меня смущает, это мое убеждение, сложившееся уже довольно давно, что англо-русское соперничество в Персии возобновилось. Ни Грей и ни один англичанин в этом не признается, но это так. Соглашение 1907 г. не дало Англии тех выгод, которых она ожидала с точки зрения своих местных интересов, потому что главный ее интерес, политическая безопасность индийской границы, перестал быть источником постоянного беспокойства каждого английского правительства и перешел в разряд исторических воспоминаний. Англичане чувствуют себя в безопасности, но в то же время они начинают замечать, что их торговля и их влияние в Персии уменьшаются, уступая место нашим».

Раздражение довело Сазонова в теории почти до экономического материализма, а в области практики до прямых угроз. «Прием, какой оказали французским предложениям Грей и английский кабинет, позволял

[26] Французский посол в Лондоне.

[27] См. Fay, Origins of the World war, II, 278.

[28] В одном письме Бенкендорф говорит, что русские консулы в Персии «держат в руках судьбу Антанты»!

нам надеяться на скорое заключение соглашения между нашими генеральными штабами. Проявляющаяся теперь тенденция оттянуть это соглашение не может нас успокоить. Я не могу от вас скрыть, что мне будет крайне трудно, если не невозможно, добиваться согласия императора на очень важные уступки, которые мы расположены сделать Англии в Тибете, если Англия уклонится от подписания морской конвенции, переговоры о которой начались по инициативе Франции». «Пусть англичане не забывают Ковейта, всего Персидского залива, Афганистана и Белуджистана. Напомните им при случае, в каком положении находятся эти страны [29]. От Лондона до Тегерана далеко, но от Москвы до Тавриза расстояние не очень большое».

Я не привожу других перипетий персидского вопроса—письма Георга V Николаю, английского меморандума и т. д. Это отвлекло бы нас слишком далеко от темы настоящего очерка. Для нас важно лишь влияние персидских «недоразумений» на отношения внутри Антанты. Влияние это было таково, что у Сазонова и его группы должно было явиться стремление вызвать европейскую войну раньше, чем Англия и Россия из-за Персии окончательно поссорятся, Англия же и Германия может быть на долгий срок помирятся. Не для возникновения войны 1914 г., но для момента этого возникновения англо-русский спор имел первостепенное значение. Для Сазонова это был безусловный мотив для того, чтобы спешить, для Грея условный, на случай невозможности добиться соглашения с Германией; ибо ведь заключить соглашение с Германией могла не только Англия, могла и Россия...

Когда 17 июня Хаус увиделся в Лондоне с Греем, Тиррелем и Пэджем (последний функционировал только в качестве хозяина дома: его друг находил, что американскому послу лучше не участвовать в подобных совещаниях, ибо «это может придать им официальный характер, которого следует избегать»), «отношения между Россией и Британской империей обсуждались совершенно свободно и с полнейшей искренностью. Сэр Эдвард объяснил, что Великобритания и Россия соприкасаются в стольких пунктах земного шара, что некоторого рода доброе согласие между ними необходимо. Я выразил мысль, что следовало бы (англичанам) позволить Германии содействовать развитию Персии. Он сказал, что, может быть, хорошо было бы их (Россию и Германию—*М. П.*) натравить одну на другую («it might be a good move to play the one against the other»), но немцы так агрессивны, что это могло бы быть опасно. Сэр Эдвард прекрасно понимал необходимость для Германии держать флот, соответствующий ее морской торговле, и достаточный, чтобы защищать ее от России и Франции (!)». Через несколько дней английский министр иностранных дел прибавил к этому, что «между Англией, Францией и Россией нет письменного договора и что их доброе

[29] Намек на слова Бенкендорфа, что англичане не потерпят, чтобы северная Персия превратилась в «русский Египет».

согласие основано только на (обоюдной) симпатии и решимости соблюдать интересы друг друга» [30].

Совершенно очевидно, что «симпатия» нисколько не помешала бы английским империалистам предать не только русских, но и французских, если бы только, разумеется, Вильгельм пошел на основное английское требование: отказ от всякого соперничества с Англией на море. Мы увидим впоследствии, что эта черта английской политики была очень устойчива и что еще в дебатах по поводу условий перемирия, в октябре 1918 г., англичане, требуя полного уничтожения Германии как морской державы, употребляли всяческие усилия, чтобы сохранить, что можно, от ее сухопутного могущества: они сдались в этом пункте только перед ультимативными требованиями Фоша и Клемансо, поддержанных американским военным командованием. Флотская проблема стояла в центре всего англо-германского конфликта,—с какого бы конца мы ни подходили к вопросу, решение всегда получается одно и то же. Мы видим также, какими «патриотами своего отечества» на свой лад—бессознательно конечно—являются те молодые русские ученые, которые придают ужасно какое большое значение «русскому» империализму в вопросе о возникновении войны 1914 г. Поскольку русский империализм был самостоятелен, он раскалывал Антанту, а не усиливал ее. Если бы такой самостоятельный русский империализм был достаточно развит и если бы именно он определял политику последнего Романова, а не интересы помещичьего государства с его хлебным экспортом и т. д., вся картина войны 1914 г. была бы совершенно иная. Мы имели бы тогда может быть военно-политический блок Англии и Соединенных штатов с самого начала (может быть, с участием Франции и Японии и наверное с участием Турции на стороне Англии) против Германии и России с главным русским фронтом в Закавказьи, Персии и Афганистане, а не на Висле и Карпатах. Если дело сложилось совершенно иначе, то лишь потому, что в глазах Америки, Англии и Франции царская Россия была только складом пушечного мяса, не больше. А поскольку она переставала быть только складом, она превращалась во враждебную силу, и надо было «натравить» на нее Германию.

Но это последнее предполагало англо-германское соглашение по морскому вопросу. При отсутствии этого соглашения—Хаус это совершенно отчетливо формулировал, как мы видели,—«у Англии не было другого выхода», как воевать вместе с Францией и Россией против Германии. В возможность этого соглашения со всем пылом неофита верил Хаус. В него, после опыта в 1912 г., почти совершенно не верил Грей. Но поддержать в Вильгельме иллюзию, что соглашение возможно, было практически полезно. 3 июля (NB: после убийства Франца-Фердинанда!) Тиррель сказал Хаусу, «что сэр Эдвард Грей хотел бы, чтобы я

---

[30] House, I, 267 и 270.

(Хаус) передал кайзеру те впечатления, какие у меня получились от нескольких разговоров с этим (т. е. английским) правительством, в отношении установления лучшего согласия между народами Европы—и попытался получить ответ до моего отъезда (в Америку). Сэр Эдвард сказал, что он не желал посылать что-либо официальное—или вообще письменное—из страха задеть чувствительность французов и русских, в случае если это станет известно. Он думает, что это одна из таких вещей, которые лучше всего делать неформально и неофициально. Он сказал также Пэджу, что у него был длинный разговор с германским послом по тому же сюжету и что (Грей) поручил тому передать об этом непосредственно императору»[31].

Хаус не заметил, что версии Тирреля и Пэджа исключают друг друга. Если Грей не хотел выступать официально, то зачем же было разговаривать с германским послом? Ведь с Лихновским Грей не мог беседовать «по душе», как с Хаусом[32].

7 июля Хаус написал наконец Вильгельму. В письме сообщалось, что Хаус «практически видел всех главнейших членов британского правительства и пришел к убеждению, что они (члены английского кабинета) желают соглашения, которое заложит основания вечного мира и безопасности. Англия должна по необходимости действовать осторожно, чтобы

---

[31] Письмо Хауса к Вильсону, House, I, 277.

[32] В германских документах за этот период имеются два длинных разговора Лихновского с Греем: первый 24 июня, второй 9 июля. Оба разговора весьма любопытны, но ни один из них не отвечает тому, что мы имеем в записи Хауса. Ни там, ни тут нет и намека на предложение повести переговоры о флотском вопросе. Напротив, в первом разговоре Лихновский, по его словам, даже «намеренно избегал касаться нашего флотского закона, так как я этой щекотливой темы еще ни разу не затрагивал в разговорах с министром (Греем) со времени моего прибытия в Лондон, и он до сих пор заботливо воздерживался от объяснений со мною по этому вопросу». Самый разговор происходил по инициативе не Грея, а Бетман-Гольвега, который, явно под впечатлением берлинских бесед с Хаусом, писал Лихновскому (16 июня), что войны, на которую науськивают германские и русские шовинисты, можно еще избежать, если «мы оба (Англия и Германия) дружно выступим как поручители за европейский мир, в чем нам, поскольку мы будем преследовать эту цель с самого начала по общему плану, не ставят препятствий взаимные обязательства ни Тройственного союза, ни Антанты». Таким образом не Грей по собственной инициативе, а немцы повели разговоры «в развитие» берлинских предложений Хауса, и английский «друг» явно надувал последнего, изображая дело как раз обратно. Сделано это было конечно с целью подтолкнуть Хауса поскорее написать письмо Вильгельму (а то, мол, и без тебя обойдемся!). Содержание этой беседы, где Грей распространялся о необыкновенном миролюбии России, нет надобности приводить. Все эти рассуждения были тогда же оценены по достоинству германской дипломатией. «При разговоре, как и следовало ожидать», написал на депеше Лихновского Циммерман, «Грей совершенно обошел Лихновского, укрепив в последнем убеждение, что он имеет дело с честным и правдивым государственным человеком» («Die deutschen Dokumente zum Kriegsansbruch», 1, 4 и 7-8). Тиррель, говоривший с Хаусом 3 июля, мог иметь в виду только этот разговор. Разговора 9 июля, еще более интересного, я коснусь ниже.

не задеть Франции и России; но, с изменением настроений во Франции, наступит постепенное улучшение отношений между Германией и этой страной,—улучшение, которому Англия будет рада помочь»[33].

Знаменательно, что о возможности изменения настроений в России ничего не говорилось: не подсказывать же было Вильгельму, что Россия и Англия чуть ли ни накануне разрыва из-за Персии? Подсказать нужно было другое: что Англия так же мало собирается воевать в данный момент, как и Вильгельм. Германские документы оставляли под вопросом один очень важный пункт: почему до 27-28 июля Вильгельм так твердо верил в английский нейтралитет? Бумаги Хауса заполняют этот пробел. Вильгельму в эти именно недели сознательно внушалось, что Англия не прочь с ним столковаться за спиной Франции и России.

Повторяю еще раз: у нас, пока что, нет оснований думать, что английский кабинет был посвящен в секрет сараевского покушения. Наоборот, мы видели, что именно опасение разрыва с Англией из-за Персии, опасение, что Константинополь еще раз уплывет из рук и на этот раз неизвестно на какое время, по всей вероятности и побудило Сазонова и К° пуститься во все тяжкие—и искать конфликта с Австро-Венгрией во что бы то ни стало. Что война с Австрией означает в то же время и войну с Германией, это было превосходно известно в Петербурге. Уилер, один из американских знакомых Вильгельма, передавал Хаусу: «Император (Вильгельм) говорил ему (Уилеру), что он (Вильгельм) предупредил Россию, что если та нападет на Австрию, он немедленно ее атакует»[34]. Стало быть, для того, чтобы получить европейскую войну и Константинополь, нужно было только вызвать на вооруженный конфликт Австрию. Что Англия вынуждена будет—при отсутствии морского соглашения с Германией—вмешаться в конфликт на стороне Франции и России, это Сазонов понимал также совершенно отчетливо.

«Нужно, чтобы англичане, с их исконной «островной» подозрительностью,—писал последний Бенкендорфу еще 2/15 апреля 1914 г.,—не теряли из виду, что они неизбежно должны будут принять активное участие в борьбе против Германии в тот день, когда последняя предпримет войну, целью которой может быть только нарушение в ее пользу европейского равновесия». Это было, в сущности, общим местом русской дипломатии. 15/28 июня Бенкендорф писал Сазонову: «То, что им (англичанам) дает Антанта, это—безопасность Индии и Персидский залив, в то время как мы являемся господами очень большой части Персии—части, которая может увеличиться, но главной достигнутой нами гарантией является (страховка) против англо-германского соглашения. Два слова в пояснение этого вопроса. Оставляя в стороне крикливые, но второстепенные элементы, кабинет и Грей остаются во главе решительного большинства

---

[33] Ibid., 279.

[34] Запись Хауса под 1 января 1914 г. House, I, 252.

либералов и решительного большинства юнионистов. В общественном мнении германские усилия достигли бесспорных успехов, но в глазах рядового обывателя единственная война, которая была и осталась популярной, это война с Германией. Вот анализ базы, на которой Грей располагает свои батареи» [35].

Со временем понял это и Хаус. Летом 1916 г. он говорил одному из своих знакомых: «Скучно слушать заявления англичан, что они дерутся за Бельгию и начали войну по этой именно причине. Я спросил (своего собеседника), думает ли он, что Великобритания объявила бы войну Франции, если бы та нарушила бельгийский нейтралитет, или что Великобритания не вмешалась бы в войну на стороне своих союзников, если бы Франция нарушила нейтралитет Бельгии? По-моему, цель вмешательства Великобритании в войну ничего общего с этим не имеет. Сила обстоятельств заставила ее стать рядом с Францией и Россией против центральных империй прежде всего потому, что Германия настаивала на том, чтобы иметь наиболее сильную армию и наиболее сильный флот, чего Великобритания не могла допустить во имя собственной безопасности» [36]. Эта мысль видимо занимала Хауса, и он к ней вернулся в разговоре с Пэджем, два месяца спустя. «Он (Пэдж) сказал, что британцам неприятны наши попытки добиться мира... Я не думаю, чтобы это было недостойным действием с нашей стороны, как это казалось Пэджу. Он заявляет, что никто из нас не понимает положения или тех высоких целей, которые британцы преследуют в этой войне. Я ответил, что нам тоже неприятны ломанье и лицемерие британцев, например, в вопросе о Бельгии. Пэдж согласился, что британцы были бы союзниками Франции даже в том случае, если бы Франция нарушила бельгийский нейтралитет, чтобы легче проникнуть на территорию Германии» [37].

Уже в 1916 г. даже несколько наивным, но близко стоявшим к делу практикам была ясна нелепость «ритуальной легенды», которую еще в 1927 г. преподносили еще более наивной русской публике в ученых книжках как непререкаемую научную истину. Но ближе чем Хаус стоявший к английской кухне Пэдж понимал больше этого. Еще за два года до цитированного сейчас разговора он писал Хаусу, восторгаясь по обычаю ловкостью британцев. Восторг относился непосредственно к военно-организаторской деятельности Китченера. «Но посмотрите на их дипломатию,— продолжал Пэдж,—конечно война идет в действительности между Германией и Англией; но Англия вмешалась не прежде, чем удостоверилась, что Россия и Франция воюют» [38].

---

[35] Даю выдержки из депеши Бенкендорфа по очень плохому переводу, сохранившемуся в архиве б. министерства иностранных дел. Оригинал конечно, как всегда у «старого славянина», на французском языке.

[36] House, II, 266.

[37] Ibid., 320. И то, и другое—записи из дневника Хауса.

[38] Письмо к Хаусу от 22 сентября 1914. Ibid., I. 340.

Итак, по мнению американского дипломата, для объявления войны Англией Германии нужно было, чтобы эта последняя уже была в войне с Россией и Францией. И это было не случайно, по оценке Пэджа: для этого, для создания такой комбинации понадобилось все искусство британской дипломатии. Это бросает свет на многое из предыдущего и кое на что последующее. Я сказал выше, что у нас нет данных, устанавливающих сопричастность английской дипломатии к сараевскому происшествию 28 июня 1914 г. Но вот что однако писал Пэдж 29 июля Вильсону: «Он (Грей) сказал мне через день или два после убийства наследника австрийского престола, что он боялся того, что случилось, и худшего, чем случившееся»[39]. Допустим, что тут была только чрезвычайная сила дивинации, свойственная очень хорошим дипломатам. Можно также допустить, что Пэдж ошибся датой и что разговор его с Греем происходил не «через день или два» после убийства Франца-Фердинанда, а значительно позже. Словом, не будем ничего строить на одной фразе,— правда, из дипломатического документа, а не из газетного интервью. Но у нас есть не одна фраза из дипломатического документа, а целый ряд дипломатических документов, непререкаемо устанавливающих другой факт: знал или не знал Грей заранее об убийстве, но об австрийском ультиматуме он знал за достаточное количество дней до его предъявления, вполне достаточное, чтобы, если Грей это находил нужным, предупредить ультиматум—и европейскую войну.

Тут нам американские документы не дают чего-либо нового, но тут нового и не нужно. Факты известны достаточно давно и хорошо, так, давно и хорошо известны, что само английское министерство иностранных дел не стало их скрывать, и соответствующая переписка опубликована в IX томе британских документов. 16 июля, ровно за неделю до предъявления австрийского ультиматума в Белграде, английский посол в Вене телеграфировал Грею: «Против сербского правительства выдвигается обвинение в соучастии в заговоре, который имел последствием убийство эрцгерцога. Обвинение будто бы основано на данных сараевского процесса. Мой информатор утверждает, что от сербского правительства потребуют определенных мер для обуздания националистической и анархической пропаганды и что австро-венгерское правительство не намерено разговаривать с Сербией, но будет настаивать на немедленном безусловном подчинении, в противном случае будет употреблена сила. Германия будто бы совершенно согласна с таким методом действий, и думают, что остальная Европа будет сочувствовать требованию Австро-Венгрии, чтобы Сербия в будущем заняла более подчиненное положение... Я спросил: ожидают ли, что Россия останется спокойной, если против Сербии будет употреблена сила? Мой информатор ответил, что, по его мнению, Россия вряд ли будет покрывать убийц-националистов, но что во всяком случае

[39] Page, III, 126.

Австро-Венгрия будет действовать, не считаясь с результатами. Она потеряла бы свое положение великой державы, если бы стала терпеть дальнейшие издевательства от Сербии».

На другой день в письме к одному из помощников Грея, Никольсону, посол давал дальнейшие подробности, указывая, от кого он получил свои сведения (это был бывший австрийский посол в Риме граф Лютцов). «Он видел обоих—Берхтольда и Форгача—на Балльплатц [40] накануне и имел с ними длинный разговор. У него было очень серьезное лицо, и он сказал, что не знает, понимаю ли я, как остро положение...»

Но, спросит читатель, мог ли Грей действовать на основании таких, хотя и вполне конкретных и в высокой степени авторитетных,—но частных сообщений? В том-то и дело, что были не одни частные сообщения. На депеше Бунзена (английского посла в Вене) есть пометка сэра Эйри Крау, другого помощника Грея: «Граф Траутмансдорф (австрийский поверенный в делах) говорил со мною об этом очень подробно сегодня (совершенно неофициально), высказывая те же самые взгляды...» [41].

Об австрийском ультиматуме в Лондоне знали от самих австрийцев за неделю. И как же на это реагировали? Вероятно так же, как реагировал Грей на самый ультиматум на другой день после его опубликования. Грей сказал тогда (это было 24 июля) Лихновскому, что это дело его, Грея, не касается, правда, на этот раз уже с оговоркой: «если это не вызовет осложнений между Австрией и Россией». Но что «это» не вызовет осложнений между Австрией и Россией, мог поверить только очень маленький ребенок, и сам Грей не надеялся на это ни одной минуты [42]. Накануне отъезда Хауса обратно в Америку Тиррель

[40] Берхтольд—австрийский министр иностранных дел, Форгач—его помощник, Балльплатц—место, где помещалось министерство иностранных дел Австро-Венгрии.

[41] Цитаты по Fay, The Origins of the World war, II, 247—248.

[42] Предварительно однако Грей давал Лихновскому очень определенные ручательства и на случай этих «осложнений». В разговоре 9 июля (по инициативе уже Грея!) английский министр сказал, что «к своим тогдашним (в разговоре 28 июня—*М. П.*) словам он и сегодня ничего не может прибавить и может только повторить, что между Великобританией, с одной стороны, Францией и Россией—с другой, не существует никаких тайных соглашений, которые налагали бы на Великобританию какие-либо обязательства в случае европейской войны. У Англии руки совершенно развязаны, и она в случае континентальных осложнений может действовать совершенно свободно». Грей соглашался, что между Англией и Францией были кое-какие разговоры о военных сюжетах в 1906 и потом в 1911 гг. но «и эти разговоры, о которых впрочем он никаких подробностей не знал (!), отнюдь не имели агрессивного значения, поскольку английская политика как раньше, так и после стремилась только к сохранению мира и попала бы в очень затруднительное положение, если бы вспыхнула европейскаа война». «На случай, если бы венский кабинет увидел себя вынужденным вследствие сараевского убийства решительно выступить против Сербии (eine schärfere Haltung gegen Serbien einzunehmen), он (Грей) стремился бы склонить русское правительство к спокойному взгляду на этот вопрос и к примирительной политике относительно Австрии». Правда, тут следовали дипломатические

передал ему, что «Грей желает, чтобы Хаус знал до своего отплытия, что австро-сербские отношения очень серьезно его (Грея) беспокоят...» [43]. Союзников надо было предупредить, что их услуги скоро понадобятся... Это было 20 июля, т. е. опять-таки за три дня до предъявления австрийского ультиматума.

Во время войны, когда гвалт антантовской публицистики заглушал все и вся и чисто механическим давлением влиял на нервы даже марксистов, в ходу было изображать события 1914 г. как предупредительную войну Германии против Антанты. Антанта готовилась напасть, Германия предупредила этот шаг Антанты, атаковав первая. Пущенный в ход немцами афоризм: «лучшая оборона есть нападение» (bie beste Deckung ist der Hieb) очень помогал распространению этой иллюзии. К своему несчастию, руководители германской политики лучше умели говорить, чем действовать. Англичане не оглашали воздуха звонкими афоризмами, но то, о чем немцы говорили, англичане осуществляли на деле. Война была, действительно, «предупредительной», но только—не со стороны Германии, а со стороры Англии. Неизвестно, когда эта истина проникнет в сознание историков: новейшие американские исследователи, стоящие на «ревизионистской» точке зрения [44], до сих пор уверены, что «виновниками войны» были только Франция и Россия,—а что Англия была втянута в войну почти случайно, чуть ли не благодаря личным ошибкам Эдварда Грея (дипломатическое искусство которого эти авторы совершенно несправедливо отрицают). Американские практики в этом вопросе давно уже обнаружили гораздо большую проницательность. Еще накануне первого из объявлений войны Хаус писал Вильсону: «Моим намерением было вернуться в Германию и еще раз повидать императора, но оттяжки (conservative delay) сэра Эдварда и его собратий сделали это невозможным» [45]. Уже тогда Хаус смутно догадывался, что «оттяжки» не были совершенной случайностью. Восемь месяцев спустя он формулировал свои мысли по этому поводу еще более отчетливо. «Для меня ясно,—писал Хаус в своем дневнике 15 апреля 1915 г.—что император (Вильгельм) не желал войны и не ожидал ее в настоящее время. Он глупо позволил Австрии создать острое столкновение с Сербией, решив, что если он твердо поддержит своего союзника, Россия ограничится более или менее энергичным протестом, как она сделала, когда Австрия аннексировала Боснию и Герцеговину,

---

оговорки насчет «славянских чувств», кои могут испортить все дело,—но в общем бедный Лихновский был опять «обойден» и заканчивал свою депешу словами: «Министр был в совершенно оптимистическом (zufersichtlich) настроении и заявил весело (in heiterem Tone), что нет никакого основания относиться к положению пессимистически» (!). См. Deutsche Dokumente I, 51—52.

[43] House, I, 282.

[44] «Ревизионистами» называются в соответствующей литературе те авторы, которые требуют пересмотра (ревизии) Версальского договора в той его части, где вина за войну возлагается исключительно на одну Германию.

[45] House, I, 284. Письмо от 31 июля 1914 г.

Бряцания ножнами и «блестящего вооружения» было бы достаточно в этом случае, и он думал, что этим и ограничится его участие,—по той причине, что он не верил, чтобы Великобритания пошла на войну из-за какого-то происшествия на Юго-востоке. Он дважды пробовал Англию на Западе и должен был ей уступать, поэтому не было большой опасности, что он возобновит попытку в вопросе, где Англия была бы замешана. Но на этот раз он думал, что отношения Германии и Англии настолько улучшились, что Англия в своей поддержке России и Франции не дойдет до войны с Германией. И он зашел так далеко в том, что может быть названо «блеффом», что в последнюю минуту для него было невозможно отступать, потому что положение стало сильнее его. Он был недостаточно предусмотрителен, чтобы предвидеть последствия, и недостаточно предусмотрителен, чтобы видеть, что создание громадной военной машины неизбежно ведет к войне. Германия была в руках группы милитаристов и финансистов, и это страшное положение стало возможно потому, что (те и другие) преследовали свои эгоистические интересы» [46].

Тут есть кое-какие отзвуки теплых воспоминаний о гостеприимном потсдамском хозяине, и есть вещи, одинаково относящиеся и к Германии, и к любой империалистской стране, начиная с самих Соединенных штатов, где тоже были и «милитаристы» (от них же первым был сам Хаус) и «финансисты». Вильгельм не только «бряцал ножнами», он готов был и воевать, с Францией весьма охотно, с Россией—скрепя сердце, но он был убежден, что разгром Франции быстро охладит военный пыл Николая II и Англия окончательно лишится этого «ненадежного» союзника. С кем он совершенно не готов был воевать, это с самой Англией. Что он был доведен до фантастического убеждения, будто Англия ни в каком случае «не дойдет до войны с Германией», в этом был величайший триумф политики Эдварда Грея, который войдет в историю английской дипломатии достойным наследником славы Питта младшего, Пальмерстона и Дизраэли.

В этой игре «брат Ионафан», в лице Хауса, сыграл роль приманки на удочке. Приманку продолжали бросать еще не один раз, но рыба стала умнее, она уже видела крючок, и дальнейшие «посредничества» встречали в Берлине все менее радушный прием. Увидеть Вильгельма еще раз Хаусу так и не удалось, несмотря на все старания. Ему приходилось ограничиваться разговорами с той самой «германской бюрократией», которую он готов был объявить главным врагом рода человеческого,—притом с наименее влиятельной ее частью, штатской, тогда как первая скрипка давно перешла в руки военного начальства. Так как при этом британская дипломатия всегда во-время умела пустить в ход свою систему «оттяжек», то практических последствий из его дальнейших поездок в Европу, в 1915 и

---

[46] Ibid., 277—278. Разрядка моя—*М. П.*

1916 гг., никаких не было. Тем не менее остановиться на них немного, в заключение этой части очерка, стоит хотя бы потому, что бумаги Хауса и Пэджа и здесь заполняют ряд пробелов русских документов.

«Между битвой на Марне и утоплением «Лузитании» были сделаны четыре попытки прекратить войну—все четыре по инициативе Германии», пишет издатель бумаг Пэджа [47]. С участием Хауса связана вторая из этих попыток—к первой (при свете всего описанного выше это весьма знаменательно!) Хаус не имел отношения; Германия пыталась использовать другие каналы, и вероятно поэтому в бумагах Хауса об этой попытке почти не упоминается. Но в русских документах эта именно попытка оставила довольно яркий след в виде сначала телеграммы Бахметева из Вашингтона, затем телеграммы Бенкендорфа Сазонову и наконец телеграммы Георга V Николаю и ответной телеграммы последнего [48]. Свет, который бросают эти документы на данный инцидент, оказывается весьма односторонним; от русских суть дела, как и следовало ожидать, была скрыта; по этому одному уже стоит проследить ход событий по бумагам Пэджа, издатель которых дает весьма обстоятельный рассказ об этом, но почему-то не дает в подлиннике всех документов.

Чтобы понять этот инцидент, нужно вспомнить, что вслед за дипломатической ловушкой, в которую так удачно—для ставивших ловушку—попал Вильгельм, ему была расставлена ловушка военная. Она лишь отчасти была делом рук его противников, отчасти же была создана стечением обстоятельств, которые, при более талантливой германской стратегии, могли этих противников погубить. По воспоминаниям 1870 г. французская буржуазия более всего боялась за успех мобилизации—тем более, что сами французские империалисты не ожидали, чтобы французские массы, угрюмым ропотом встретившие войну из-за какого-то Франца-Фердинанда и какой-то Сербии, беспрекословно пошли на ожидавшую их бойню. Все внимание было обращено поэтому на мобилизацию, и когда эта последняя удалась блестяще, запасных прибыло в назначенные сроки больше, чем могли вместить казармы, ликованию «патриотической» прессы не было пределов. Подготовке следующего момента, концентрации, было уделено гораздо меньше внимания, и хотя все великолепно знали, что немцы пойдут через Бельгию—больше им негде было итти,—к началу германского наступления на бельгийской границе далеко не было сосредоточено тех французских сил, которые предполагались планами. Окончательная концентрация армии Жоффра произошла на Марне. Опоздали и англичане: третий корпус их экспедиционной армии подоспел тоже только к Марне. Результатом был временный численный перевес германцев над их противниками и быстрый откат последних на две сотни километров. При этом спешном отступлении терялись конечно орудия и другой военный материал,—

[47] Page, удешевленное издание, I,398.

[48] Все эти документы опубликованы в моей статье «Царская Россия и война», см. сборник «Империалистская война».

терялись, правда, в количестве, совершенно ничтожном по сравнению с теми запасами, которые были сосредоточены в тылу и с которыми отступавшая армия все более сближалась, тогда как германцы от своей базы удалялись. Внешняя картина тем не менее была почти разгрома, и это наполнило душу Вильгельма и его начальника штаба самыми горделивыми мечтами. Рисовалась близкая возможность быстро и блестяще закончить навязанную Германии войну, подписать мир если не в Париже, то под стенами Парижа. Достаточно было двух недель, чтобы мечты рассеялись. Собранная в кулак армия Жоффра оказалась теперь и количественно сильнее противника и лучше снабжена; от удара этого кулака уже германская армия покатилась назад, и тут именно нашло себе полное выражение ее качественное превосходство: она отошла в полном порядке не на две сотни, а всего на несколько десятков километров и закрепилась так, что отныне все время значительно превосходивший ее количеством штыков противник не смог ее выбить до ее полного истощения в 1918 г.

Максимум германских успехов падал на самые первые дни сентября 1914 г., когда авангардные бои шли на линии внешних фортов Парижа, в 17 километрах от города, и французское правительство переселялось в Бордо. 5 сентября начали уже наступление французы и англичане. Именно на эти первые дни сентября падает и первая попытка германцев начать мирные переговоры. Подготовлена она была конечно десятком дней раньше, когда французы бежали, казалось, точно так же, как бежали они за сорок четыре года перед тем, в августе 1870 г., и «план Шлиффена» выполнялся как будто с точностью хорошо подготовленных маневров. 3 сентября в Лондоне уже знали о предполагающейся попытке. В этот день Пэдж телеграфировал Вильсону: «Все в этом городе убеждены, что германцы, если они возьмут Париж, предложат мир и что германский император обратится к вам с заявлением, что он не желает более пролить ни одной капли крови». Пэдж ошибался только в том, что связывал предложение Вильгельма со взятием Парижа: занятие города не входило в германские планы, достаточным считалось уничтожение французской армии. Это последнее считалось в германском главном штабе обеспеченным, и в тот самый день, когда военное счастье начало поворачивать к немцам спину, предложение, о котором писал Пэдж, было сделано. 5 сентября германский посол при правительстве Соединенных штатов, Бернсторф, через старого и заслуженного американского дипломата Штрауса, завзятого англофила,— что для всей комбинации было очень важно,—обратился к Брайану с просьбой о посредничестве Штатов в деле прекращения европейской войны. «Не оправдавшего доверия» Хауса явно обошли, не подозревая, что в этот самый день, 5 сентября, «полковник» со своей стороны отправил письмо Циммерману с предложением посредничества Вильсона. Два предложения в буквальном смысле слова шли навстречу друг другу.

На основании телеграммы Бахметева я высказал в свое время предположение, что поколебались французы, англичане же были тверды, как

адамант. Телеграмма Бенкендорфа как будто подтверждала это целиком. Но письмо Хауса совершенно опровергает эту гипотезу. Личный друг Эдварда Грея мог написать свое письмо только с ведома этого последнего, и договоренность по этому пункту должна была существовать опять-таки за несколько дней до 5 сентября. Соответствующая переписка (или обмен телеграммами) не вошла ни в одно из наших собраний. Но в бумагах Пэджа нашла себе место одна депеша Грея британскому послу в Вашингтоне,—депеша очень поздняя, от 9 сентября, т. е. после Марны, когда даже читатели газет уже знали, что германская армия отступает. И даже в этой поздней депеше Грей два раза повторяет, что «в принципе» он «относится сочувственно к посредничеству» Вильсона и ставит лишь вопрос об «условиях»: «на каких условиях может быть окончена война?» [49]. В такой момент так мог писать только человек, связанный своими предшествующими обещаниями. Фактически, конечно, Марна уничтожила всякие надежды на скорый мир, тем более, что «тупика», который получился благодаря стойкости германских солдат и превосходству германского вооружения, никто тогда не подозревал, и все мечтали об обратном триумфальном марше через Бельгию в Германию. Но двумя неделями раньше царили не только необузданные мечтания в германской главной квартире, но и порядочная паника, не только в Париже, но и в Лондоне. Если бы во главе германской армии стоял настоящий Мольтке 1870 г., а не его плохой суррогат, война действительно могла бы окончиться в сентябре 1914 г.

Чрезвычайно характерно, что французы, видимо, были посвящены в англо-американские планы. На совещании союзных послов в Вашингтоне, в британском посольстве (Бахметевым, разумеется, и не пахло), французский, Жюссеран, наиболее энергично настаивал на переговорах с немцами. «Если у нас есть хоть один шанс из сотни сократить войну, мы должны его использовать», говорил он. Но, прибавляет биограф Пэджа, «оба посла, и британский и французский, думали, что к предложению (Бернсторфа) следует отнестись серьезно» [50]. Напомним, что это происходило 6 сентября, когда исход марнского сражения еще не был ясен.

Почему же русским внушали, что союзники «даже между собою» не должны говорить о мире? Да потому, что сторож при складе пушечного мяса вовсе не должен быть посвящен в коммерческие секреты, которые обсуждаются в закрытом заседании правления бойни. Когда склад надо будет закрыть, ему скажут.

Совершенно бесполезно гадать, по чьей инициативе переговоры были сорваны. Издатель бумаг Пэджа сваливает всю вину на Вильгельма. Русские документы скорее заставляют подозревать англичан. Но это вопрос мало существенный. Повторяю, Марна решила дело,—точнее сказать, осудила его на то, чтобы остаться нерешенным. Блестящая победа Герма-

[49] Ibid., 408—410.
[50] Ibid., 407—408.

нии означала мир, блестящая победа Антанты—войну до разгрома Германии. Полупобеда союзников и полупоражение германцев означали «тупик» и целый ряд новых попыток переговоров. Так что в сущности очень трудно сказать, что и когда «кончилось» и «началось».

Вторая попытка отделена от первой почти неощутимым промежутком времени. Возможно, что это было даже простое повторение первой попытки через другого посредника: что посредничество Хауса надежнее всякого другого, этого могли не понимать в Берлине, где продолжали «дуться» за июньское свидание, поставившее кайзера в смешное положение, но это отлично понимали в Вашингтоне даже немцы. 18 сентября (а последняя депеша Грея была, мы помним, от 9) Бернсторф посетил Хауса, который сразу заговорил о свидании германского посла с английским,—к некоторому даже удивлению Бернсторфа, заметившего, что во время войны это «не водится». «Полковник» плохо знал дипломатические формальности и, видимо, имел столь солидные полномочия от Грея, что не находил нужным об этих формальностях заботиться. Несмотря на то, что знавший эти формальности Спринг-Райс (британский посол) упирался всеми четырьмя конечностями, Хаус вытащил-таки его из Вашингтона в Нью-Йорк, где жил сам «полковник» и где должно было происходить свидание с Бернсторфом. Здесь Спринг-Райс должен был объяснять Хаусу, что Великобритания не может вести секретных переговоров с Германией, «если бы даже и хотела, потому что Германия не станет вести честную игру и впоследствии разоблачит Великобританию как изменницу ее союзникам». Спринг-Райс ужасно боялся, что даже одна его поездка в Нью-Йорк уже даст повод к разговорам, и, в целях военной маскировки, придумал совершенно ненужное свидание с британским генеральным консулом в Нью-Йорке,—как будто он, главное начальство, не мог вызвать своего подчиненного в Вашингтон, если бы было нужно.

В конце-концов дипломатические формальности победили: послам пришлось разговаривать через посредство Хауса. Аргументация последнего продолжала быть столь же удивительной для наивных зрителей—и наивных историков—империалистской войны, как и раньше. «Я объяснил сэру Сесилю (Спринг-Райсу), как я смотрю на положение», писал Хаус в своем дневнике 20 сентября. «Первое—в данный момент Великобритания господствует над своими союзниками, чего может быть не будет позже. Второе—Великобритания по всей вероятности получит от Германии для союзников обязательство разоружения, с компенсацией для Бельгии. Великобритания желает именно этого, а не раздела Германии, который произойдет конечно только вопреки ее протестам в том случае, если союзники одержат решительную победу. Он (Спринг-Райс) согласился со всем этим, но сказал, что германцы так недобросовестны, их политическая философия так эгоистична и так безнравственна (!), что он затрудняется открыть с ними переговоры. Он боялся также, что время еще не созрело для мирных переговоров»[51].

---

[51] Для этой и предыдущей цитат см. House I, с. 333. Разрядка моя—*М. П.*

Эту мысль, что «Великобритания в данный момент господствует над союзниками» (французы начали уже чувствовать стену тупика, а русские были разбиты при Танненберге) Хаус считал особенно ценной: мы находим ее и в письме «полковника» к Вильсону, под ближайшим наблюдением которого велось все дело [52]. В телеграмме Спринг-Райса Грею о о посредничестве президента Соединенных штатов говорится вполне определенно [53]. Мы видели, что с этою мыслью согласился и английский посол: но Хаусу удалось убедить собеседника больше, чем в этом. «Мне удалось показать сэру Сесилю, что со стороны Великобритании не умно было бы делать из этого конфликта большую игру. Если она получит разоружение и компенсацию за Бельгию, лучше это принять, чем рисковать колоссальными последствиями поражения. Я также показал ему, что если союзники победят и Германия будет совершенно разбита, тогда ничем не удержишь Россию (there would be no holding Russia back), и будущее положение будет едва ли лучше прошлого» [54]. Что Спринг-Райс и с этим согласился, показывает его телеграмма Грею: «Если война будет продолжаться, возьмет верх или Германия, или Россия. Оба исхода будут роковыми для европейского равновесия. Следовательно, настоящий момент является более подходящим для соглашения, укрепляющего принцип равновесия» [55].

Хаус конечно жестоко ошибался, если он думал, в этот ранний период его дипломатической карьеры, когда цинические откровенности насчет бельгийского нейтралитета были еще далеко впереди, что для Англии «этот конфликт» не был «большой игрой». Это была несомненно большая игра—но на море. Разоружение Германии на суше не только не было обязательным условием для Англии, но вовсе не отвечало ее интересам. «Иначе не удержишь Россию...». Беда была в том, что на суше-то немцы уже потерпели поражение, а флот их был цел, и чем дальше, тем больше морское оружие оказывалось решающим оружием в их борьбе против Антанты.

Если это может быть не вполне отчетливо представлял себе Хаус, это было совершенно ясно ближе соприкасавшемуся с английскими военными и морскими верхами Пэджу. «Не обманывайте себя,—писал последний «полковнику» 15 сентября 1914 г.—Если германский флот не выйдет в море и не будет разбит очень скоро, война будет продолжительнее, нежели думает большинство». С другой стороны, в Германии наконец начали понимать настоящую роль Соединенных штатов. «Германия очень возмущена тем, что американцы продают военное снаряжение Франции и Англии,—писал из Берлина в ноябре Джерард.—Мое положе-

[52] Ibid., 331.
[53] Ibid., 335.
[54] Ibid., 334.
[55] Ibid., 334. Разрядка в обоих случаях моя—*М. П.*

ние становится все труднее благодаря продаже САСШ снарядов Франции и Англии...» [56]. Хаус, со своей стороны, начал наконец понимать, что переговоры, пока они ведутся в Вашингтоне, вертятся в порочном кругу. Это еще раньше стал понимать Бернсторф, которого «нейтральное» правительство Штатов лишило права непосредственно сноситься с Берлином: мы видели, что Спринг-Райс сносился с Греем так же свободно, как в мирное время. И несомненно от Бернсторфа шла мысль, что «кто-то» (он избегал называть Хауса, понимая очевидно, как мало популярно теперь это имя в Берлине) «от имени президента должен поехать сначала в Англию, а потом через Канал» (т. е. в континентальную Европу, проще говоря,—в Германию). Это было еще в конце сентября. Но чтобы поехать «через Канал» в Германию, нужно было оттуда иметь приглашение или хоть намек на приглашение. Этого намека не было до декабря. Циммерман ответил на письмо «полковника» от 5 сентября только 3 декабря. Ответ был очень сухой и неопределенный. Во всяком случае «в принципе» немцы не отклоняли посредничества Вильсона и соглашались выслушать конкретные предложения «другой стороны». Только при очень либеральном толковании можно было назвать это «предложением мирных переговоров со стороны Вильгельма». Но союзникам дозарезу нужно было такое предложение иметь, ибо тупики на обоих фронтах, западном и восточном, вырисовались с ужасающей отчетливостью, и сухопутное военное командование союзников начало наконец искать вневоенных выходов из положения.

В середине января 1915 г. Пэдж официально писал Брайану: «Я завтракал сегодня с генералом Френчем (тогда—английским главнокомандующим во Франции—*М. П.*), который приехал сюда (т. е. в Лондон) для секретного военного совещания. Он говорил конечно совершенно конфиденциально. Он говорит, что военное положение—безвыходное. Германцы не могут взять ни Парижа, ни Кале. С другой стороны, союзникам понадобятся год, может быть два года, и бесчисленные потери людьми, чтобы выгнать германцев из Бельгии. Понадобятся может быть четыре года и неограниченное количество людей, чтобы вторгнуться в Германию. Он мало верит в помощь русских, поскольку дело идет о победе над Германией. Русские вздули Австрию и вздуют Турцию, но на большее от них он не надеется. Говоря только за себя и совершенно доверительно, он сказал мне о мирном предложении, которое, по его словам, президент, по просьбе Германии, переслал в Англию. Предложение это, сказал он, состоит в том, чтобы закончить войну на условии очищения германцами Бельгии и взятия ими на свой счет ее восстановления. Личное мнение Френча, что Англия должна принять это предложение, если оно будет сопровождаться еще дополнительными предложениями, удовлетворяющими других союзников, как например возвращения

---

[56] House, I, ibid., 340 и 434.

Франции Эльзас-Лотарингии и согласия, чтобы Россия заняла Константинополь [57].

В бумагах Пэджа напечатана «памятная записка» о том же свидании, дающая кое-какие интересные дополнительные подробности. По изложению этого «меморандума» (адресованного повидимому Хаусу), Френч еще резче подчеркивает полную безвыходность положения с чисто военной точки зрения, говоря между прочим: «Германия располагает вполне достаточным количеством и людей, и продовольствия для продолжительной борьбы; и если она использует всю медь, которая находится в домашнем употреблении в ее пределах, она будет иметь достаточное количество боевого снаряжения. Она еще далека от своего конца как в военном, так и в экономическом отношении». «Генерал Френч высмеивал популярную идею «сокрушения милитаризма» раз навсегда. Даже если бы это не было неизбежно, было бы желательно сохранить Германию как первоклассную державу. Мы не можем обезоружить ее народ навсегда. Мы должны предоставить ей и всем другим делать то, что они находят нужным; и мы должны вооружаться сами против них так хорошо, как только мы можем» [58].

Ссылка Френча на переданное будто бы через Вильсона предложение Вильгельма начать переговоры на условиях признания поражения Германии (к чему, к слову сказать, никаких объективных оснований не мог указать и сам Френч,— понимавший, как мы сейчас видели, что Германия располагает еще средствами для продолжительной борьбы) должна была вызвать сильное смущение в Вашингтоне. Там же ведь ничего подобного не имели, — было только письмо Циммермана с согласием выслушать мирные предложения союзников, не больше. В ответ на жалобы Пэджа, что германское мирное предложение ему даже не сообщили к сведению — не говоря уже о том, чтобы переслать его через американское посольство,— Хаус сконфуженно писал, что «собственно говоря, никто не делал никаких прямых предложений. Я только имел неоднократные неофициальные разговоры с различными послами, да получил сообщение Циммермана, которое навело президента и меня на мысль, что теперь могли бы быть начаты неофициальным путем мирные переговоры» [59].

По существу дела на этот раз предложение начать мирные переговоры пришло в Вашингтон из Лондона. 20 декабря 1914 г. «полковник» записал в своем дневнике, что Спринг-Райс неожиданно вызвал его от Вильсона на их конспиративную квартиру (см. главу I) и сообщил, что есть «кое-что от сэра Эдварда Грея касательно наших мирных предложений; он [60] думает, что было бы нехорошо со стороны союзников про-

[57] House, I, 360—361.

[58] Page, удешевл. издание, I, 427—428. Разрядка моя—*М. П.*

[59] Ibid., 425—426.

[60] По буквальному смыслу — Спринг-Райс, но из дальнейшего видно, что Грей.

тивиться предложению, которое заключало бы в себе вознаграждение Бельгии и удовлетворительный план разоружения. Сэр Эдвард просил мне сообщить, что это его личный взгляд. Я вернулся в Белый Дом. Президент... был в восторге и желал знать, могу ли я поехать в Европу в ближайшую субботу...» [61]. Через три дня Спринг-Райс сообщил Хаусу новую телеграмму Грея по тому же сюжету, где еще раз подчеркивалось, что это только его, Грея, личное мнение и что он об этом не говорил даже еще с английским кабинетом, «тем менее с союзниками. Он чувствовал, что будут затруднения с Францией и Россией...». Спринг-Райс высказал предположение, что Франция вероятно пожелает иметь «французскую часть Лотарингии» и что Россия пожелает иметь Константинополь (вот откуда пошло «предложение Вильгельма» в том виде, в каком оно дошло до Френча!). Хаус был очень недоволен всей этой вереницей подводных камней, которая вырастала на пути его проекта, и заявлял, что сначала нужно говорить об эвакуации и вознаграждении Бельгии и о разоружении, а об этих подробностях потом... «К моему удивлению он (Спринг-Райс) сказал, что с вознаграждением Бельгии дело легко уладить, так как все державы охотно распределят между собою возмещение убытков, которые понесла эта маленькая храбрая нация. Не без удивления я также услыхал от него, что он видит признаки того, что он называл «общей паникой среди европейских народов», как он думал, потому, что большинство из них боится революции...» [62].

Наши документы не дают никакого ответа на вопрос, почему Хаус не исполнил желания Вильсона «ехать в следующую субботу». Сам «полковник» признавал, что надо было ковать железо пока горячо. «Я думаю,—писал он впоследствии,—что если бы можно было начать переговоры в ноябре, мы добились бы очищения Франции и Бельгии и в конце-концов вынудили бы мир, который покончил бы с милитаризмом на суше и на море...» [63]. Так как дневник Хауса за промежуток от 24 декабря по 11 января не опубликован (и вероятно не даром), остается гадать. Повидимому англичане требовали, чтобы, в случае неудачи переговоров с немцами, Соединенные штаты немедленно вступили в войну, чего и Вильсон, и Хаус, еще занятые тогда панамериканским проектом, в тот момент хотели всячески избежать. На связь с южноамериканскими переговорами есть прямое указание в записи дневника от 20 декабря: «Он (Вильсон)... думал, что, прежде чем я уеду, мне нужно закончить наши южноамериканские дела, чтобы иметь руки свободными...» [64]. А что именно в эти недели делалась попытка втянуть Штаты в войну, свидетельствует хронологическое совпадение начала переговоров с поездкой на англо-французский фронт известного нам полковника

[61] House, I, 347.
[62] Ibid., 348.
[63] Page, ibid., 423.
[64] House, I, 347; многоточия оригинала.

Сквайера (конец ноября — декабрь 1914 г.). Целью этой поездки, когда (нейтральному!) американскому офицеру показывали и рассказывали положительно все, не скрывая от него никаких деталей, так что он пять недель был фактически членом штаба английской армии, могло быть только одно: подготовить вступление американской армии в войну. Инициатором поездки был Китченер, который, в противоположность Френчу, видел выход из тупика не в мире, а в вооруженном вмешательстве Америки [65].

Хаус отплыл на «Лузитании» только 30 января 1915 г., и потерянный месяц очень испортил дело. За этот месяц начались систематические налеты цеппелинов на Лондон,—германское выступление, которое по своему психологическому эффекту мало чем отличалось от потопления «Лузитании» в следующем мае месяце: и то, и другое, имея самое ограниченное военное значение (если вообще имели какое-либо) страшно раздували антигерманскую травлю. В Лондоне создалось такое настроение, что Грей испугался своих авансов и поспешил «прикрыться», послав Спиринг-Райсу официальную депешу, где ругательски ругал американцев за их якобы германофильство. Хаус буквально «Христом-богом» (for the love of Heaven) умолял Бернсторфа как-нибудь повлиять в Берлине, чтобы нелепая цеппелиниада прекратилась. Но что мог сделать Бернсторф, даже если бы он был более непосредственно связан с Берлином, когда и его самое высшее начальство, канцлер и министр иностранных дел, было совершенно бессильно перед взбесившимся юнкером (порода, много более опасная, чем «взбесившийся обыватель» Энгельса)? [66].

Нервный и впечатлительный Спринг-Райс (о его болезненности постоянно упоминается в дневниках и письмах Хауса) хорошо отражал путаницу лондонских настроений: он «говорил одну минуту оптимистически, следующую минуту пессимистически, абсолютно противореча самому себе...» В Вашингтоне просто переставали понимать что бы то ни было, и уже одно это было достаточным основанием для того, чтобы ехать в Лондон. Хаус попробовал сначала вести дело очень быстрым темпом: в субботу вечером он был в Лондоне, в воскресенье утром у него было первое свидание с Греем. Это было то самое свидание, где английский министр трактовал друга президента Вильсона как одного из членов английского кабинета (см. главу I). Грей видимо старался всячески избежать охлаждения англо-американских отношений,—считая что допустить такое охлаждение было бы величайшей ошибкой британской дипломатии. И он легко достиг того, что впечатление от его грубой депеши Спринг-Райсу быстро изгладилось из воспоминаний «брата Ионафана». Но дальше был подводный камень, которого никак нельзя было обойти: «Грей решительно настаивал на том, что мы (Соединенные штаты) должны войти в число поручителей за сохранение всеобщего мира» (come into some

[65] См. обо всем этом Page, III, с. 201 и сл.
[66] См. House, 19, 359 и 353—355.

general guaranty for world—wide peace) [67]. В другой, несколько смягченной форме, это было все то же требование—чтобы Штаты воевали с Германией, если та не подчинится. Хаусу пришлось «уклоняться»—и разговор в сущности кончился ничем... Он был началом длинной серии таких же разговоров. Проходил день за днем, неделя за неделей, а Хаус все сидел в Лондоне, и его все убеждали, что Америка должна вмешаться; почему-то он «очень удивился», что эту точку зрения разделял и Пэдж, хотя от Пэджа этого можно было ждать с первого дня войны. Тем временем стало выясняться, что военного тупика больше нет. Открыто Грей ссылался на то, что германцы предприняли обширные наступательные действия против русских и что, пока эта операция не дала тех или других результатов, бесполезно начинать разговоры в Берлине, так как ясно, что этими результатами определятся германские требования. Но постепенно выяснилось, что дело не в восточном фронте, или, точнее, не в русском его участке. Уже 13 февраля Грей посвятил своего американского друга в план английской интервенции на Балканах. «Он рассказал мне о плане перевезти английские войска в Салоники и таким путем проникнуть в Сербию. Он думает, что 200 тыс. британских солдат безопасно могут быть выделены туда, Греция охотно присоединится к союзникам». А 20 февраля «сэр Эдвард сказал, что союзники намерены форсировать Дарданеллы и что это возьмет у них от трех до четырех недель» [68].

«Пэдж имел случай наблюдать, как оптимистически были настроены британские правительственные круги, — пишет биограф американского дипломата. — В марте 1915 г. он был в гостях у первого министра в Уольмер-Кастле; однажды вечером Асквит отвел его в сторону, сообщил ему о подготовке к прорыву Дарданелл и объявил, что союзники через две недели будут в Константинополе. Это не было выражением надежды со стороны первого министра; это была полная уверенность» [69].

Раз немцы не шли ни на какие уступки в морском вопросе—налеты цеппелинов, если они имели какой-нибудь военный смысл, можно было рассматривать только как начало атаки англичан в собственном доме, через голову английского флота,—раз они в это именно время сделали первую попытку заблокировать Англию подводными лодками, идея сдерживать Россию германской армией должна была все более и более терять под собою почву. Пэдж был весьма посредственным дипломатом и политиком, но недурным психологом-наблюдателем. Когда он писал Хаусу: «Англия конечно не хочет завоевывать Германии. Если Германия покажет, что она не хочет завоевывать Англии, война может кончиться завтра», он был совершенно прав. Но Германия в эти месяцы именно показывала, что она хочет завоевать Англию, и, что хуже всего, показывала это, не имея для осуществления такого проекта никаких реальных средств.

---

[67] House, ibid, 370. Письмо к Вильсону от 9 февраля 1915.
[68] Ibid., 379 и 386.
[69] Page, удешевленное издание, I, 430.

Англичане должны были искать других способов «удерживать Россию», и им казалось, что один такой способ они нашли: подчинить себе Балканы и захватить Константинополь—и царь лишний раз должен будет кланяться в ноги английским империалистам. О том, что и царская дипломатия обнаружила в этом деле достаточную смышленность и изворотливость, и о том, как эта дипломатия добилась от Англии хотя и бронзового, но все же векселя на Константинополь и проливы, я рассказал в другом месте [70].

При такой обстановке успех поездки Хауса зависел всецело от желания немцев заключить мир. Если верить Джерарду, как раз в середине февраля последний шанс на это еще не был потерян. Конечно, писал он Хаусу 15 февраля 1915 г., «Германия не станет платить вознаграждения Бельгии или кому бы то ни было», но «разумный мир она примет». Только, предупреждал он, «это вопрос дней и, может быть, часов». Раз начнется подводная блокада (она только, что была провозглашена), не может быть речи о переговорах, пока не обнаружится ее успех или полная неудача: тогда мир будет невозможен «до следующей фазы войны» [71]. «Это вопрос почти часов», повторял он еще раз: а Грей заставлял Хауса терять в Лондоне недели. «Эти люди (англичане) медленно двигаются,— отвечал Джерарду на его настояния Хаус,—когда я попробовал говорить им о вашем мнении, что необходимо действовать быстро и что вопрос стоит скорее о часах, чем о днях, я увидал, что это безнадежно. Конечно это до известной степени и неизбежно, независимо от их желания или нежелания двигаться быстро, по той причине, что они не могут действовать одни; а столковаться с союзниками требует невероятно продолжительного времени, особенно с Россией»... Из силы, которую должна была уравновешивать Германия, русский союзник превращался в один из аргументов системы «оттяжек».

Грей сначала хотел оттянуть поездку Хауса в Берлин до прорыва англичанами и французами Дарданелл,—но становилось все очевиднее, что, если откладывать еще, ехать вообще будет не за чем. Письма Циммермана становились все суше и холоднее. Один раз он подчеркивал, что Германия ничего не намерена платить Бельгии, другой раз, что основным условием мира является отказ Англии от ее монопольного положения на море—т. е. что противник должен уступить в том именно пункте, из-за которого он начал воевать... «Я надеюсь, что вы приедете скоро», писал Джерард 6 марта. «Фон-Ягов (германский министр иностранных дел—*М. П.*) говорит, что он надеется на ваш приезд, и хотя я не вижу теперь никаких перспектив на мир, вы могли бы познакомиться с общим положением и были бы лучше подготовлены к разговорам в других столицах...»

[70] См. статью «Царская Россия и война» в сборнике «Империалистская война». «Бронзовым» векселем в старое время называли вексель, по которому нельзя было или очень трудно было что-нибудь получить.

[71] House, I, 382—383.

«Канцлер больше не имеет влияния (is not boss now). Гораздо влиятельнее фон-Тирпиц и Фалькенгайн (начальник штаба), в особенности потому, что канцлер надоел императору, и между всеми этими борющимися властями идут большие интриги. Как это ни странно, наиболее благоприятно расположен к принятию разумного мира главный военный штаб,—а фон-Тирпиц не желал принять наши последние предложения» (Вильсон предлагал Германии отказаться от подводной блокады, если англичане исключат из списка контрабанды съестные припасы) [72].

Именно фон-Тирпиц теперь, когда ставка была поставлена на подводную блокаду,—а на сухопутном фронте германцы еще не вышли из «тупика» (они начали выходить двумя месяцами позже, когда началось наступление Гинденбурга на восточном фронте)—был главной фигурой.

7 марта Грей решил отпустить Хауса. Никакой опасности, что мирные переговоры начнутся до прорыва Дарданелл, не было,—была скорее опасность, что, в данной стадии войны, они не начнутся совсем. Ознакомиться же с общим положением в Германии англичанам было еще гораздо интереснее, чем Хаусу: его поездка, опять не имея реального значения для восстановления мира, снова была «глубокой разведкой» в лагере противника, притом в такой форме, против которой противнику—пока он не решил разорвать с Америкой вообще—трудно было возражать. Хаус поехал через Париж. По собственной инициативе он пожелал иметь беседу с Делькассе. Грей сначала был против этого, но потом согласился, предупредив Хауса, чтобы он в разговорах с французским министром иностранных дел «был поосторожнее». В Берлин «полковник» приехал только 20 марта—и дальше вечного Циммермана сначала не пошел. Ни канцлера, ни фон-Ягова не было в городе, о Вильгельме (помня прошлую настойчивость Хауса в этом вопросе) говорили в предположительном смысле: «может быть пожелает видеть». Джерард прямо предупреждал, что не пожелает. Хаус сделал несколько новых и интересных знакомств,—с Ратенау, фон-Гвиннером, Гельферихом—но это была либо Германия прошлого, либо Германия будущего, а не решающие люди Германии эпохи войны [73]. Постепенно на сцене появились фон-Ягов и канцлер. «Я нашел, что гражданское правительство так же разумно и хорошо настроено, как его партнеры в Англии,—писал 26 марта «полковник» Вильсону,—но в данный момент оно бессильно» [74].

Чтобы вообще иметь какое-нибудь подобие переговоров, пришлось поставить совершенно академический вопрос о «свободе морей» (конкретнее—о неприкосновенности частной собственности в открытом море и о праве всех невоюющих свободно пользоваться океанскими путями: мы видели, что Англия фактически блокировала весь континент). Никакой

---

[72] House, ibid., 377, 383, 395—396.

[73] Имя Ратенау всем известно, Гельфериха—очень многим. Ф. Гвиннер—инициатор багдадской ж. д.

[74] House, ibid., 404—407.

уверенности, что Англия согласится хотя бы разговаривать на эту тему, не имея предварительного согласия противника ограничить его морские вооружения, у Хауса быть не могло. Но надо же было о чем-нибудь говорить с германскими министрами. Смысл поездки все больше и больше сводился к разведке. Написать о ее результатах Хаус мог только с обратного пути, из Парижа, уже в апреле. Платя тою же монетой, немцы поставили Джерарда почти в то же самое положение, по части секретной корреспонденции, в какое был поставлен в Вашингтоне Бернсторф,—не совсем однако в такое, поскольку в Берлине больше боялись Вильсона, чем в Вашингтоне Вильгельма.

«В первый раз я могу разговаривать с вами свободно с тех пор, как я уехал сюда», писал Хаус Вильсону 11 апреля 1915 г. «Сюда» значило «на континент Европы»—с Англией американские связи были безупречны. «Моя поездка в Берлин была чрезвычайно утомительна и во многих отношениях неприятна. Я не встречал там ни одного человека какого бы то нибыло общественного положения, который бы немедленно не припер меня к стене и не начал бы со мною спора о продаже нами военного снаряжения союзникам, и тон этих разговоров был иногда оскорбителен. На улице затрудняешься говорить по-английски из страха подвергнуться издевательствам...» «Я нашел в правительственных кругах отсутствие слаженности, что предвещает плохое будущее. В гражданском правительстве раздоры... Военное и гражданское начальства действуют несогласованно... Фалькенгайн и фон-Тирпиц имеют больше влияния на императора, чем кто бы то ни было, но Фалькенгайн не популярен в армии вообще... Популярный герой—Гинденбург, и он один осмеливается возражать императору» [75]. Заканчивалось письмо утешительной надеждой на будущую «более демократическую» Германию: что во главе и этой «демократической» Германии будет все тот же Гинденбург, этого Хаусу вероятно не снилось, хотя имели же Штаты в прошлом восьмилетнее президентство Гранта, главнокомандующего северян в гражданской войне... Противополагать монархию демократии как войну миру—более чем поверхностная точка зрения.

В этом Хаус мог бы убедиться сразу из своей переписки с Греем по поводу «свободы морей». В Берлине, писал он Грею, единственный сюжет, «которым я вызвал достаточный энтузиазм» (попросту говоря, единственный, о котором там соглашались говорить)—была эта самая «свобода морей». «Ваши новости из Берлина не очень ободряют», отвечал ему Грей (24 апреля—на письмо от 12 из Парижа...). Выходит, что разговоры Бернсторфа о мире были просто мошенничеством. То, что вы слышали из Берлина и нашли там, подтверждают мне из другого источника, нейтрального, но не американского. Что касается «свободы морей», то если Германия думает, что ей позволят свободно

[75] Ibid., 417—418.

вести морскую торговлю во время войны, в то время как она будет свободно вести войну с другими нациями, как она хочет, это не серьезное предложение. Но если Германия захочет после этой войны войти в некоторого рода Лигу наций, дав и получив те же самые гарантии против возобновления войны, какие дадут и получат другие нации, ее издержки на вооружение могут быть сокращены, и созданы порядки, обеспечивающие «свободу морей». В мирное время море во всяком случае свободно» [76].

Последняя фраза звучала явным издевательством. Хотя прорыв Дарданелл к этому времени уже имел первую неудачу, балканская программа Англии далеко еще не была исчерпана—и мир сейчас ей не был нужен. «Полковник» был близок к истине, когда он писал президенту Вильсону еще в феврале: «Психологический момент для того, чтобы кончить войну, был в конце ноября или в начале декабря, когда все имело такой вид, как будто война зашла в безвыходный тупик. Вы помните, что мы пытались втолковать это сэру Сесилю и пытались действовать быстро, но без успеха...» [77].

В марте поездка Хауса могла иметь значение только разведки в неприятельском стане. «Я не нашел в Берлине благоприятных условий для разговоров о мире,—писал он Грею 12 апреля,—поэтому я и не оставался там долго—и не много разговаривал. Поездка однако же имеет большую цену, и я чувствую, что теперь я знаю истинное положение там, что делает возможной более разумную линию поведения» [78]. Это было приобретение не только для вашингтонского правительства, но и для лондонского кабинета. Особенно, если прибавить, что из своей берлинской поездки Хаус вынес впечатление, что германцы «видимо пытались культивировать хорошие отношения как с Францией, так и с Россией, с целью заключить с ними сепаратный мир» [79]. Грей был прав, что с Делькассе нужно было разговаривать осторожно. С русскими совсем не разговаривали—на них в это самое время пытались надеть намордник—в Дарданеллах.

(Продолжение следует)

[76] Ibid., 428—429. Разрядка моя—*М. П.*
[77] Ibid., 385. Разрядка моя—*М. П.*
[78] Ibid., 427.
[79] Ibid., 405—письмо к Вильсону из Берлина от 20 марта 1915 г.

А. Малышев

О ФЕОДАЛИЗМЕ И КРЕПОСТНИЧЕСТВЕ

(В связи с выступлениями и книгой т. Дубровского «К вопросу о сущности „азиатского" способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала»).

* * *

Центральным звеном марксистской методологии истории является понятие общественно-экономической формации. Марксизм рассматривает историческое развитие как естественно-исторический процесс развития общественно-экономических формаций.

Для Маркса нет общества вообще, есть общество на определенной ступени своего развития, есть общество, как определенная специфическая совокупность производственных отношений. «Отношения производства в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития—общество с своеобразным отличительным характером. Античное общество, феодальное общество, буржуазное общество представляют собою такие совокупности отношений производства—совокупности, каждая из которых вместе с тем отмечает особую ступень развития в истории человечества» [1].

Задача историков-марксистов заключается в том, чтобы вскрыть специфическую структуру производственных отношений докапиталистических общественно-экономических формаций так же, как Маркс вскрыл эту специфичность для капиталистической общественно-экономической формации, и тем самым получить мощное методологическое орудие для конкретного исторического анализа данной общественно-экономической формации. Только тогда будет плодотворен этот исторический анализ, когда он будет вестись, опираясь на четкое представление об основных специфических чертах данной общественно-экономической формации, о законах развития данной общественно-экономической формации. Только при таком условии хаотическое нагромождение фактов может приобрести характер составных звеньев в цепи явлений, являющихся результатом борьбы классов на основе определенных производственных отношений и т. д.

---

[1] Маркс, Наемный труд и капитал, т. V, Собр. соч., с. 429.

Но сама задача определения специфических черт докапиталистических общественно-экономических формаций должна быть решена, с одной стороны, исходя из анализа уже имеющегося фактического материала, а с другой—исходя из многочисленных замечаний Маркса о специфических чертах докапиталистических общественно-экономических формаций, на которые Маркс указывал, изучая генезис капитализма, или в связи с тем, чтобы оттенить ярче и полнее специфичность капитализма по сравнению с другими формациями.

Тов. Дубровский в своей книге и выступил с такой попыткой вскрыть специфичность докапиталистических общественно-экономических формаций. Работа т. Дубровского без сомнения отвечает давно назревшей потребности осмыслить теоретически фактический материал и привести в стройную систему взгляды Маркса на специфические черты докапиталистических общественно-экономических формаций. Но т. Дубровский неудачно разрешает эту задачу. Не считая себя компетентным для разбора вопроса о специфических чертах всех докапиталистических формаций, я остановлюсь на рассмотрении характеристики феодализма, данной т. Дубровским, и на его теории крепостничества как особой общественно-экономической формации, отличной от феодализма.

Важность «открытия» новой общественно-экономической формации—крепостнической—для всех историков-марксистов ясна. Прежде всего выделение крепостных отношений из феодальных совершенно меняет наше представление о сущности феодальной общественно-экономической формации. Выходит, что марксистская историческая наука, изучающая средневековую феодальную историю, в течение долгого времени (до Дубровского) оперировала совершенно неправильным представлением о сущности феодализма как общественно-экономической формации. Выделение крепостничества в особую общественно-экономическую формацию, находящуюся в порядке исторической последовательности между феодализмом и капитализмом, в корне меняет наше представление о генезисе капитализма. Капитализм оказывается вызревал в недрах не феодальной, а крепостной общественно-экономической формации. В то время, как раньше (до Дубровского) эпоха XVI—XVIII вв. изучалась как эпоха разложения феодализма под воздействием начальных стадий развития промышленного капитализма (капиталистической простой кооперации и мануфактуры) и связанного с этим периодом широкого размаха торгового капитала, опиравшегося на великие географические открытия, на расширение рынка в XVI—XVII вв., то теперь приходится изучать этот период как эпоху развития крепостной общественно-экономической формации. Проблема специфичности разложения феодализма и развития капитализма для каждой страны в отдельности снимается введением новой экономической формации.

Такой переворот в обычных для марксиста-историка установках, произведенный т. Дубровским, заставляет нас внимательно присмо-

треться к методологической и фактической доброкачественности его теории.

В нижеследующем мы покажем, что «открытие», произведенное т. Дубровским, является плодом как неверного понимания основных признаков, по которым Маркс определяет специфические черты общественно-экономической формации, и в частности непонимания замечаний Маркса о сущности феодализма, так и прямого насилия над фактическим историческим процессом. Вся бесплодность выделения крепостничества в особую общественно-экономическую формацию будет видна из нашего анализа происхождения и сущности русского крепостничества XVI—XIXвв., которое главным образом и соблазнило т. Дубровского на его «открытие». Русское (и прусское) крепостничество можно будет понять только как своеобразную форму разложения феодализма под воздействием определенного типа развития начальных стадий капитализма и торгово-денежных отношений в России XVI—XVIII вв.

1. ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ФЕОДАЛИЗМА КАК ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

Основания для выделения крепостничества из феодальной общественно-экономической формации в самостоятельную т. Дубровский приводит следующие:

«Теперь мы уже можем подвести итог,—пишет он,—и рассмотрению вопросов о том, можно ли *считать крепостничество особой общественной формацией или же оно является лишь только развитием феодализма*. И, действительно, разница, например, в России между феодализмом и крепостничеством являлась столь большой, что даже невооруженному марксизмом историческому взгляду абсолютно бесспорным казался вопрос о том, что крепостничество в России существовало, тогда как вопрос о том, существовал ли в России феодализм, еще являлся спорным. Достаточно сравнить феодализм с крепостничеством, чтобы видеть, что это—различные общественные формации, а вовсе не разновидности одной формации. Например, некоторые товарищи считают, что крепостничество к феодализму относится приблизительно так, как империализм относится к промышленному капиталу. Некоторые товарищи рассматривают крепостничество как последнюю стадию развития феодализма.

Однако это сравнение глубоко ошибочно. Империализм, характеризующийся развитием монопольного капитала, ростом экспорта капитала и пр., и пр., однако не изменяет основу производственных отношений, свойственных капитализму. Он не изменяет капиталистического способа производства, как производства, основанного на эксплоатации наемной рабочей силы капиталистами. Между тем *крепостничество отличается от феодализма совершенно особым, только ему присущим способом производства* и классовыми отношениями.

В самом деле, феодализм в основном характеризуется производством и прибавочного и необходимого продукта в хозяйстве непосредственных производителей (с извлечением феодалами ренты продуктами). При крепостничестве же необходимый продукт создается в хозяйстве непосредственных производителей, прибавочный продукт—на барщине. При феодализме крестьянин является относительно самостоятельным производителем, при крепостничестве крестьянин не только не является продуктопроизводителем, не говоря уже о товаропроизводителе, он не только не производит продукта или товара, а он сам является в известной мере товаром. По выражению Ленина, «сами производители очень мало отличались от какого-нибудь средства производства» [3].

При капитализме крестьянину противостоит целая иерархия феодалов от вассалов до сюзеренов, делящих между собой прибавочный продукт в виде ренты продуктами, которая поступает к ним от крестьянства. При крепостничестве крестьянству противостоит класс крепостников, который, свергнув власть аристократов-феодалов, утвердил собственную диктатуру. Некоторые товарищи не понимают, что землевладельцы феодального и крепостного общества — классы разных общественных формаций. То же нужно сказать и о крестьянах. Обычно за общностью терминов не видят разного социального их содержания. Например, землевладельцы могут являться классами следующих формаций: 1) рабской, 2) феодальной, 3) крепостнической и 4) капиталистической. Формы земельной собственности будут соответствовать, как видим, четырем разным способам производства. Нужно указать, что крепостнический землевладелец отличается от феодального, пожалуй, не меньше, чем, скажем, капиталистический земельный собственник отличается от крепостнического. Что два последние являются разными классами разных общественных формаций, это еще ни у кого из марксистов не вызывало сомнений. То же можно сказать про крестьянство эпохи феодализма и крепостничества. За общим термином «крестьянин» обычно не видят совершенно различного содержания этого термина при разных способах производства. Между тем термин «крестьянин» употребляется по отношению к непосредственным производителям следующих различных способов производства: 1) патриархального (бесклассовое общество), 2) феодального, 3) крепостного, 4) простого товарного производства, основанного или на национализированной земле или на парцеллярной земельной собственности. Что же касается капитализма, то он при последнем распадении крестьянства приводит к созданию двух новых классов—пролетариата и сельской буржуазии.

Со стороны политической феодализм отличался децентрализацией власти, сосредоточением у отдельных феодалов функций государственной

---

[3] Ленин, Собр. соч., т. II, с. 88.

власти. Крепостничество отличается централизацией власти, оно характеризуется абсолютной монархией, осуществляющей диктатуру крепостников.

Различие между феодализмом и крепостничеством можно было бы провести гораздо дальше и по линии техники, поскольку в эпоху крепостничества техника, несмотря на ее отсталость, хотя и очень медленно, все же идет вперед, и по линии организации промышленности, поскольку при крепостничестве отделение ремесла от земледелия делает шаг вперед и, кроме того, появляются крепостнические мануфактуры. Можно было бы указать большую разницу и в развитии торгового капитализма, поскольку последний при крепостничестве делает значительный шаг вперед по сравнению с феодализмом. Нужно подчеркнуть также и существенную разницу в степени внеэкономического принуждения при феодализме и крепостничестве, о чем мы говорили выше» [4].

Так как т. Дубровский в подтверждение своей характеристики феодализма и крепостничества как особых общественно-экономических формаций ссылается на Маркса, Энгельса и Ленина [5], то мы прежде всего попытаемся установить подлинные взгляды Маркса—Энгельса по этому вопросу [6].

У Маркса и Энгельса мы не найдем указаний на то, что они считают крепостничество особой общественно-экономической формацией, отличной от феодализма и находящейся в исторической последовательности между феодализмом и капитализмом.

Формулируя свою социологическую теорию во «Введении к критике политической экономии», Маркс указывает на следующие общественно-экономические формации: «В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства могут быть установлены как прогрессивные эпохи экономической формации общества» [7]. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс, характеризуя историческое развитие форм собственности, связанных с различными ступенями развития общественного разделения труда, перечисляют следующие формы собственности: родовая, античная и, наконец, феодальная форма собственности [8]. Как видим, у Маркса и Энгельса нет места для особой крепостнической общественно-экономической формации.

---

[4] Дубровский С. М., К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала, с. 92, изд. Научной ассоциации востоковедения, 1929 г. В дальнейшем ссылки на эту книгу.

[5] См. указанную книгу Дубровского, с. 98, глава «Маркс, Энгельс и Ленин о крепостничестве как особой формации».

[6] Взгляды Ленина, решительно противоположные взглядам Дубровского, будут нами изложены ниже в связи с характеристикой русского крепостничества.

[7] Маркс, К критике политической экономии, изд. Института Маркса и Энгельса, с. 56.

[8] «Архив Маркса и Энгельса», т. I, с. 255.

Изучая генезис капитализма, Маркс выводил его не из крепостнической, а из феодальной общественно-экономической формации. «Экономическая структура (хозяйственный строй) капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого»[9]. Это—выводы не только из истории происхождения капитализма в Англии, а обобщение исторического происхождения капитализма в странах Западной Европы. Точно так же Энгельс в «Развитии социализма от утопии к науке» выводит происхождение капитализма от разложения феодализма, давая сжатую характеристику последнего: но характеристики крепостнической общественно-экономической формации и даже указаний на существование таковой в этой (как и в других) работе Энгельса, излагающей основы марксизма, мы не найдем.

Тов. Дубровский ссылается на характеристику барщинной системы (в Румынии), данной Марксом в разделе «Ненасытная жажда прибавочного труда. Фабрикант и боярин» I тома «Капитала»[10], считая, что там Маркс дал характеристику крепостничества как особой общественно-экономической формации. Маркс поводов для такого вывода в названной главе не дает. Он не противопоставляет барщинные отношения феодальным и не считает их основой крепостнической формации.

Маркс в этой же главе пишет: «Барщинный труд, соединявшийся в дунайских княжествах с натуральными рентами и прочими атрибутами крепостного состояния, составляет крупную дань, уплачиваемую господствующему классу», т. е. Маркс считал натуральную ренту таким же атрибутом крепостного состояния, как и баршину. Данная глава интересна для историка тем, что в ней Маркс указывает на усиление барщины в связи с втягиванием феодала в рыночные отношения, в торговлю хлебом. Маркс дает выпуклую экономическую характеристику итога приспособления феодалов к работе для рынка на основе старой феодальной системы организации труда. Он пишет: «Как только народы, у которых производство совершается еще в сравнительно низких формах рабского, крепостного труда и т. д., начинают втягиваться мировым рынком, на котором господствует капиталистический способ производства и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу, там к варварским ужасам рабства, крепостничества и т. д. прививается цивилизованный ужас чрезмерного труда». Указывая на перелом эксплоатации рабов в Южных американских штатах в связи с развитием экспорта хлопка, Маркс пишет дальше: «Тут дело шло уже не о том, чтобы вышибить из него известное количество полезных продуктов. Дело заключалось в производстве самой прибавочной стоимости. То же самое происходило с барщиным трудом например в дунайских княжествах». Можно прибавить, что то же самое происхо-

---

[9] Маркс, Капитал, т. I, с. 573.
[10] Там же, с. 165—168.

дило в России и в Пруссии. Сущность эволюции русского крепостного хозяйства, как мы увидим ниже, и заключалась в переходе от производства потребительских ценностей к производству меновых, к производству хлеба как товара, в особенности в связи с развитием в начале XIX в. экспорта хлеба. Но эта эволюция происходила на основе феодальной системы организации труда [11].

Сомнений быть не может. Маркс и Энгельс крепостничество не считали особой общественно-экономической формацией, отличной от феодализма. Они крепостнические отношения считали характерной чертой феодальных производственных отношений. Давая характеристику феодализма в связи с изучением генезиса капитализма и для того, чтобы ярче оттенить специфические черты капитализма, Маркс и Энгельс неоднократно указывали на крепостничество как на специфическую черту феодальных отношений эксплоатации. В «Нищете философии» Маркс пишет, что феодализм тоже имел своих пролетариев-крепостных, заключавших в себе все зародыши буржуазии [12]. В «Принципах коммунизма» Энгельс пишет, что «средние века, зависящие от земледелия, дают барона и крепостного» [13]. Можно привести еще много мест, где Маркс и Энгельс[14] указывают на крепостные отношения как на характерную черту феодализма.

Исходя из разбросанных в различных местах указаний Маркса и Энгельса на основные моменты, которыми вообще определяется понятие общественно-экономической формации, и, в частности, из отдельных характеристик сущности феодальной общественно-экономической формации, мы попытаемся показать всю никчемность рассечения т. Дубровским живого тела феодализма путем выделения из него элементов крепостничества.

В основе феодализма, в качестве его производственного базиса, по мнению т. Дубровского, «лежит способ производства, основанный на натуральном хозяйстве непосредственных производителей-земледельцев, в хозяйстве которых натуральное земледелие соединено с домашней промышленностью» [15]. Тов. Дубровский выделяет городское, цеховое ремесло из производственного базиса феодализма, считая его (ремесло) особым укладом в недрах феодализма. «Этот свойственный феодализму способ земледельческого производства и свойственнные ему производственные

---

[11] Что же касается ссылок Дубровского на главу III тома «Капитала» о генезисе капиталистической земельной ренты, детальный анализ этой главы, который мы произведем ниже, покажет, что и в данном случае Дубровский не понял Маркса и пытается навязать Марксу свои выводы, совершенно не вытекающие как из текста, так и из общего смысла изложенных там Марксом мыслей. Неправильная интерпретация Дубровским писем Энгельса о германском крепостничестве будет нами вскрыта в главе о германском и русском крепостничестве.

[12] Маркс, Нищета философии, с. 117, изд. Института Маркса и Энгельса.

[13] Собр. соч. Маркса и Энгельса т. V, с. 473.

[14] Мы приведем эти места ниже.

[15] Книга Дубровского, с. 63.

классовые отношения переплетаются с другими общественно-экономическими укладами. В частности при феодальном строе большую роль играют города с их ремесленным строем и также торговый и ростовщический капитал»[16]. В другом месте т. Дубровский считает города с их ремесленным строем в недрах феодализма представителями другой формации[17]. Выделяя города с ремесленными цехами из производственного базиса феодализма, из феодальной общественно-экономической формации, т. Дубровский становится на точку зрения Бюхера, выделявшего городское хозяйство в особую ступень хозяйственного развития.

Маркс считал производственным базисом феодализма «мелкое земледелие с его подсобной домашней промышленностью и городское ремесло»[18]. В другом месте Маркс пишет, что «как мелкое крестьянское хозяйство, так и производство самостоятельных мелких ремесленников частью составляют базис феодального способа производства, частью же, после его разложения, продолжают существовать наряду с капиталистическим производством»[19].

Маркс считал, что и организация ремесла (цехи) носила феодальный характер. «У народов с оседлым земледелием,—пишет Маркс,—эта оседлость уже являлась большим прогрессом: где земледелие преобладает, как в античном и феодальном обществе, сама промышленность, ее организация и соответствующие ей формы собственности имеют в большей или меньшей степени такой же характер, как и землевладение; (общество) или совершенно зависит от земледелия, как у древних римлян, или подражает складывающимся в нем отношениям, как в средние века в организации городов»[20].

В «Коммунистическом манифесте» Маркс—Энгельс говорят о «феодальной организации земледелия и промышленности»[21]. В «Немецкой идеологии» они пишут, что «феодальному расчленению земельной собственности соответствовали в городах корпоративная собственность и феодальная организация ремесла»[22].

Город с ремесленным строем, являясь составной частью феодального способа производства, в то же время выступает как сила, разлагающая феодализм. Феодальный город, по Марксу, выражает собой внутреннее противоречие феодального способа производства,—противоречие, которое составляет основную пружину развития феодализма как общественно-экономической формации. Только считая города с ремесленным строем

[16] Там же, с. 67.
[17] См. статью Дубровского в № 2 журнала «Аграрные проблемы», с. 30.
[18] Маркс, Капитал, т. I, с. 290—291.
[19] Там же, с. 251.
[20] Маркс, Введение к критике политической экономии, с. 44.
[21] Маркс—Энгельс, Коммунистический манифест, Собр. соч., т. V, с. 488.
[22] «Архив Маркса и Энгельса», т. I, с. 255.
[23] К. Бюхер, Возникновение народного хозяйства, с. 65.

составной частью феодальной системы, мы можем понять эту систему в движении.

Считая, что в основе феодальной экономики лежит не только мелкое крестьянское сельскохозяйственное производство с подсобной домашней промышленностью, но и городское ремесло, т. е. что в его основе лежит процесс общественного разделения труда в его первичной форме, мы должны решительно выступить против бюхеровской трактовки феодального хозяйства как натурального (самодовлеющего, замкнутого, безобменного). Попытка же т. Дубровского выделить ремесленный город из производственной базы феодализма должна привести к утверждению этого бюхеровского взгляда. Это нужно т. Дубровскому для оправдания своего основного утверждения о господстве ренты продуктами в эпоху феодализма. Натуральная рента господствовала в силу господства натурального хозяйства.

«Различные человеческие общества находят в окружающей их природе различные средства производства и существования. Отсюда — различия в их способах производства, образе жизни и продуктах. Эти-то естественные, стихийные различия и вызывают взаимный обмен продуктов и вследствие этого превращение продуктов в товары»[24].

Эти географические естественные различия и выросший на их основе обмен дают толчок общественному разделению труда, т. е. отделению обрабатывающей промышленности в виде ремесла от целокупного крестьянского и помещичьего хозяйства. Это связано с усложнением сельскохозяйственного производства в связи с переходом к трехпольной системе, с ростом индивидуальной собственности внутри общины, с расширением сферы эксплоатации рабского труда. «Степень развития производительных сил какого-нибудь народа лучше всего показывается степенью развития у него разделения труда»[25]. «Разделение труда у какого-нибудь народа влечет за собой прежде всего отделение промышленного и торгового труда от земледельческого, а значит и отделение города от деревни и противоречие интересов обоих. Дальнейшее развитие его приводит к отделению торгового труда от промышленного»[26].

Вот этот-то процесс отделения обрабатывающей промышленности в виде ремесла от целокупного крестьянского хозяйства, лежавший в основе развития производительных сил феодализма, и не позволяет нам хозяйство этой общественно-экономической формации считать натуральным. Феодализм развивается на основе этого общественного разделения труда в его ремесленной форме; эволюция феодальной общественно-

---

[24] Маркс, Капитал, т. I.

[25] Маркс и Энгельс, Немецкая идеология, «Архив Маркса и Энгельса», т. I, с. 254.

[26] Там же.

экономической формации отражает в себе темп и характер общественного разделения труда.

Однако, считая, что феодальное хозяйство нельзя характеризовать как натуральное, вместе с тем методологически совершенно неверно было бы называть это хозяйство денежным. Маркс во втором томе «Капитала» указывает, что нельзя брать в основу классификации экономических организаций обмена, ибо здесь подчеркивается и берется в качестве отличительного признака не хозяйство, т. е. не самый производственный процесс, а соответствующий хозяйству способ сношения [27]. В таком случае совершенно стирается разница между феодальным хозяйством, в котором обмен происходит посредством денег, и капиталистическим, где также обмен происходит посредством денег.

Маркс не считал феодальное хозяйство ни натуральным в бюхеровском смысле слова, т. е. самодовлеющим, замкнутым, безобменным, ни денежным. Он считал феодальное хозяйство натуральным по системе организации труда и эксплоатации, т. е. по системе производственных отношений: рабочая сила не выступала как товар, прибавочный труд отдавался непосредственным производителем феодалу во вполне натуральной, осязательной форме, т. е. в форме барщины или оброка. Экономическую же сущность феодального хозяйства Маркс характеризовал не по вторичному признаку — натуральное или денежное, а по внутренней экономической структуре связанной непосредственно с уровнем развития производительных сил и системой производственных отношений,—как хозяйство, производящее потребительные ценности, а не меновые; феодальное хозяйство выступает как продуктопроизводящее, а не товаропроизводящее.

Следовательно, не противопоставление денежного хозяйства натуральному, а товаропроизводящего — производящему потребительные стоимости. Но тот факт, что феодальное хозяйство выступает перед нами как хозяйство, основой которого является производство потребительных ценностей, не исключает обмена, товарно-денежных отношений между отдельными хозяйственными единицами. Выносимый крестьянином и феодалом на рынок продукт не производится как товар, а только в процессе обмена становится товаром. «Самостоятельное купеческое имущество,—пишет Маркс,—как господствующая форма капитала означает обособленность процесса обращения от его крайних членов, а эти крайние члены— сами обменивающиеся производители. Эти крайние члены остаются самостоятельными по отношению процесса обращения, как и этот процесс по отношению к ним. Продукт становится здесь товаром, благодаря торговле. В этом случае именно торговля приводит к тому, что продукты принимают форму товара, а не производство товаров движением последних образует торговлю. Денежное и товарное обращение может обслуживать

---

[27] Маркс, Капитал, т. II, с. 69.

сферы производства самых разнообразных организаций, которые по своей внутренней структуре все еще имеют главной целью производство потребительной стоимости» [25]. «Товарное производство и товарное обращение, — пишет в другом месте Маркс, — может существовать, несмотря на то, что подавляющая масса продуктов, предназначенная непосредственно для собственного потребления, не превращается в товары и, следовательно, общественный процесс производства далеко еще не во всем объеме подчинен господству меновой стоимости» [28].

Термин «натуральное хозяйство» нужно устранить из научного обихода, когда мы имеем дело с феодальной общественно-экономической формацией, так как с этим термином связана целая теория экономического развития, именно бюхеровская, кладущая в основу совершенно неверный признак при определении ступеней хозяйственного развития, т. е. обмен, а не внутреннюю экономическую структуру данной хозяйственной формы. Маркс такого термина по отношению к феодальному хозяйству обычно не употреблял, а если и употреблял, то оговаривал, например, «производство является натуральным, т. е. сосредоточивается на потребительной стоимости» [29]. Для характеристики сущности феодального хозяйства важно указание на то, что оно производит потребительные ценности, вместе с указанием, что в нем играют роль товарно-денежные отношения, которые постепенно изменяют потребительскую сущность этого хозяйства. Только исходя из этого, мы поймем феодальную систему в ее движении, наметим процесс изменения феодализма в сторону его разложения и зарождения в недрах феодализма исходных моментов капиталистического способа производства.

Выступая против точки зрения Бюхера, который рассматривает феодальное хозяйство, как натуральное, мы вместе с тем, как это следует из вышеизложенного нашего взгляда на сущность феодального хозяйства, должны решительно высказаться против точки зрения Допш—Петрушевского, которые из факта наличия торгово-денежных отношений в среде крестьянских и помещичьих хозяйств феодальной эпохи делают вывод, что феодальное хозяйство было капиталистическим. К этому выводу неминуемо должны притти и те товарщи, которые считают феодальное хозяйство денежным. Петрушевский, совершенно правильно указывая, что «ни о замкнутости поместья в хозяйственном отношении, ни о натуральном хозяйстве барского двора и дворов крестьянских не может быть и речи: и барский двор и дворы крестьянские во все периоды средневековой истории в той или иной мере связаны с рынком», сейчас же делает ошибку, продолжая: они «преследуют в своей хозяйственной деятельности коммерческие цели и работают на сбыт» [30]. «Несомненно, капиталистическим является и

[28] То же, т. I, с. 112.

[29] «Капитал», т. III, ч. 2, с. 121.

[30] Петрушевский, Очерки из экономической истории средневековой Европы, с. 69.

вотчинное хозяйство средних веков»[31]. Основная ошибка этого направления есть ошибка всей буржуазной исторической науки, заключающаяся в непонимании истории как смены общественно-экономических формаций, которые имеют свои собственные закономерности в развитии и свои собственные специфические черты. Не умея вскрыть эти специфические черты производственных отношений и экономической сущности феодализма, Петрушевский просто переносит понятия капиталистического строя на феодальный, лишив тем самым и капиталистический строй его специфических черт.

Марксизм стоит методологически выше, чем Бюхер и Допш — Петрушевский.

Мы выше указали, что феодальный город с цеховым ремеслом и выделившимся классом купцов, являясь составной частью производственного базиса феодализма и феодальной экономики, в то же время выступают как сила, разлагающая феодализм, подготовляющая элементы нового способа производства в недрах феодализма. С выделением ремесла в город начинается развитие товарно-денежных отношений в крестьянских и помещичьих хозяйствах, а развитие этих товарно-денежных отношений и является исходным моментом для нарастания предпосылок нового способа производства, характерной чертой которого будет производство товаров. От глубины и размаха развития самостоятельного ремесла в эпоху феодализма зависят глубина и размах товаризации помещичьих и крестьянских хозяйств, а тем самым степень разложения феодальной экономики, т. е. степень превращения помещичьих и крестьянских хозяйств из производящих потребительные ценности в товаропроизводящие. Но ремесло не в состоянии разложить феодализм до конца, оно только подготовляет почву для этого разложения, разрыхляет почву для внедрения капитализма в сельское хозяйство. Разложение феодализма и проникновение капитализма в среду помещичьих и крестьянских хозяйств связаны с развитием первых стадий промышленного капитализма, т. е. простой кооперации и мануфактуры. Только мануфактурный период дает мощный толчок превращению феодального хозяйства в товаропроизводящее и способствует ликвидации старых феодальных производственных отношений в сельском хозяйстве. Капиталистический способ производства, пишет Маркс, начинается в мануфактуре и потом лишь подчиняет себе земледелие[32]. Но эти начальные стадии развития промышленного капитализма в своем развитии опираются, с одной стороны, на определенный уровень развития товарно-денежных отношений, рыночных отношений, созданных периодом феодального ремесла, а, с другой стороны, на ремесленную технику, хотя, развиваясь на основе ремесленной техники, капиталистическая простая кооперация и мануфактура с самого начала выступают

[31] Там же, с. 211.

[32] Маркс, Теории прибавочной ценности, т. III.

как совершенно новые формы промышленности, принципиальнс отличные от феодальной ремесленной.

«Спорадическое (в отдельных случаях) применение кооперации в крупном масштабе в античном мире, в средних веках и современных колониях покоится на отношениях непосредственного господства и подчинения, обыкновенно на рабстве. Напротив, капиталистическая форма кооперации уже с самого начала предполагает свободного наемного рабочего, продающего свою рабочую силу капиталу. Однако исторически она развивается, как противоположность крестьянскому хозяйству и самостоятельному ремесленному производству, независимо от того, обладает ли это последнее цеховой формой или нет. По отношению к этим формам капиталистическая кооперация выступает не как особая историческая форма кооперации, но самый принцип кооперации противопоставляется им как характерная для капиталистического процесса производства и составляющая его специфическую особенность историческая форма» [33].

В другом месте Маркс пишет: «Таким образом, хотя обособление, изолирование и развитие отдельных отраслей труда цеховыми организациями послужило материальной предпосылкой мануфактурного периода, сами цеховые организации исключили возможность мануфактурного разделения труда. В общем и целом рабочий срастался со своими средствами производства настолько же тесно, как улитка с раковиной, и, следовательно, недоставало первой предпосылки мануфактуры: обособления средств производства, противостоящих рабочему в качестве капитала» [34].

Следовательно, ошибочен и тот взгляд, который считает, что ремесло в недрах феодализма выступает как зачаточная форма капитализма. Капиталистические формы промышленности выступают с самого начала как принципиально-противоположные феодальному ремеслу.

Выделяя крепостничество в качестве особой общественно-экономической формации, т. Дубровский должен связать его с определенным уровнем и типом развития производительных сил, отличным как от уровня и типа развития производительных сил феодальной общественно-экономической формации, так и от такового же в эпоху капитализма. Но этого при всем желании сделать нельзя. Между производственным базисом феодализма (мелкое крестьянское производство и городское ремесло) и производственным базисом капитализма, исходным этапом в развитии которого является простая капиталистическая кооперация и мануфактура, нет никакого промежуточного типа развития производительных сил, общественной формой которых была бы крепостническая общественно-экономическая формация.

Но все же т. Дубровский пытается наметить производственный базис крепостничества. «Оказывается (как великолепно это «оказывается»!—

---

[33] «Капитал», т. I, с. 273.
[34] Там же, с. 271.

А. М.), что этот строй натурального земледелия в соединении с домашней промышленностью и вдобавок с общинной организацией на определенном этапе развития крепостного хозяйства не только не отрицается крепостничеством, а, наоборот, является прочной основой последнего» [35].

В другом месте (в приведенной выше общей характеристике феодализма и крепостничества) т. Дубровский в прямом противоречии с вышеприведенной цитатой пишет, что производственный базис крепостничества отличается от феодального количественным расширением ремесла («поскольку при крепостничестве отделение ремесла от земледелия делает шаг вперед») и количественным расширением торгово-денежных отношений («последний— т. е. торговый капитал—*А. М.*—при крепостничестве делает шаг вперед по сравнению с феодализмом»). Итак, в первом случае никакой разницы, по мнению самого же Дубровского, в производственном базисе феодализма и крепостничества нет. Во втором же—разница чисто количественного порядка: разница, не выводящая нас из пределов производственной базы феодальной общественно-экономической формации.

Этих количественных изменений в феодальном производственном базисе недостаточно для формирования новой общественно-экономической формации. Общественно-экономическая формация, согласно учению Маркса (а не Дубровского), базируется на целом, законченном этапе в развитии производительных сил, на определенном типе развития этих производительных сил. Поэтому Маркс и подчеркивает качественное отличие мануфактуры от ремесла как производственной базы капитализма. Вместе с тем, к сведению т. Дубровского, крепостничество XVI—XVIII вв. в России и Германии как раз развивается в эпоху, когда рядом с ремеслом начинает развиваться простая капиталистическая кооперация и мануфактура. Но если исправить эту ошибку т. Дубровского, то получается еще хуже для его теории. Оказывается, что начальные стадии капитализма в области обрабатывающей промышленности порождают крепостническую общественно-экономическую формацию в деревне. Пускай сам т. Дубровский скажет, как можно охарактеризовать «теорию», приводящую к таким бессмысленным, с точки зрения марксизма, выводам.

Таким образом т. Дубровский сконструировал новую общественно-экономическую формацию, не имеющую под собой определенного этапа и типа развития производительных сил. Очень «ценное» для марксизма открытие!

Объяснить факт развития барщины в деревне параллельно развитию первых стадий капитализма в области обрабатывающей промышленности возможно, не прибегая к конструированию новой общественно-экономической формации, а рассматривая крепостничество XVI—XVIII вв. как своеобразную форму разложения феодализма, как результат воздействия торгово-денежных отношений, связанных с начальной стадией развития

[35] См. его книгу, с. 81.

промышленного капитализма, на феодальную экономику, как своеобразную форму проникновения капитализма в сельское хозяйство.

В особенности ярко выступает все непонимание Дубровским учения Маркса об общественно-экономических формациях, когда он пытается выделить производственные отношения крепостничества из феодальных производственных отношений в самостоятельную общественно-экономическую формацию. При ближайшем рассмотрении вся искусственность такого расчленения становится совершенно ясной.

Для выяснения специфических черт общественно-экономической формации недостаточно указания на характер производственного базиса данной формации. Необходимо остановиться—и это основное—на специфических чертах производственных отношений, ибо, как говорит Маркс, «совокупность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу, отношений, при которых они производят, эта совокупность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры» [36].

Каково же содержание понятия производственных отношений и чем определяется специфичность их для каждой общественно-экономической формации? Тов. Дубровский приводит цитату из III тома «Капитала» («Генезис капиталистической земельной ренты»), где Маркс выдвигает в качестве содержания понятия производственных отношений «отношения собственников условий производства к непосредственным производителям».

«Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям,—пишет Маркс,—отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и производительной силе последнего, вот в чем мы раскрываем самую глубокую тайную, сокровенную основу всего общественного строя» [37].

Но эти отношения суть в то же время отношения эксплоатации. «Капитал не изобрел прибавочного труда. Всюду, где часть общества обладает монополией на средства производства, рабочий, свободный или несвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, необходимое для того, чтобы произвести средства существования для собственника средств производства» [38]. «Только та форма,—пишет Маркс,—в которой этот прибавочный труд выжимается из рабочего, отличает экономические формации общества, например, общество рабства от общества наемного труда».

Итак, с одной стороны, специфические формы непосредственных отношений собственников условий производства к непосредственным произ-

[36] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, с. 290.
[37] Там же, с. 327.
[38] «Капитал», т. I, с. 165.

водителям, а с другой—специфические экономические формы выжимания прибавочного труда—вот что составляет содержание производственных отношений. Дубровский считает специфическими формами отношений собственников условий производства к непосредственным производителям и специфическими экономическими формами выжимания прибавочного труда для феодализма ренту продуктами и денежную, для крепостничества—отработочную ренту.

Мы считаем, что сводить специфические черты производственных отношений феодализма и крепостничества к тому, какая форма ренты господствовала, видеть в формах ренты специфические формы отношений феодала к крестьянам, специфические общественно-экономические формы эксплоатации их феодалом—это значит не понимать того, что Маркс вкладывает в понятие специфических форм отношений между классами, специфических форм эксплоатации. Здесь центральная ошибка т. Дубровского. По Марксу, это понятие гораздо глубже, шире, содержательнее.

Для Маркса важны те специфические общественные формы, в которые отливаются отношения владельцев условий производства к непосредственным производителям, а тем самым важны те специфические общественные формы, в которые отливается процесс эксплоатации. В качестве определяющего момента специфичности форм этих отношений и специфичности форм выжимания прибавочного труда, т. е. эксплоатации Маркс выдвигает характер и способ соединения рабочей силы и средств производства.

«Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но находясь в состоянии отделения друг от друга, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того, чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи социальной культуры. В исследуемом случае (т. е. при капитализме—*А. М.*) отделение свободного рабочего от его средств производства есть наперед данный исходный пункт, и мы уже видели, как и при каких условиях рабочий и средства производства соединяются в руках капиталиста,—именно соединяются как производительная форма бытия его капитала» [39].

И Маркс во многих местах «Капитала» указывает на ту специфическую форму отношений между рабочим и капиталистом, на ту специфическую форму эксплоатации, которая определяется уровнем развития производительных сил и способом соединения средств производства и рабочей силы и которая характеризуется тем, что рабочий продает свою рабочую силу, что отношения между рабочим и владельцем средств производства, отношения эксплоатации принимают здесь форму продажи и покупки рабочей силы.

---

[39] Маркс, Капитал, т. II, с. 10.

В противоположность капитализму наделение средствами производства непосредственных производителей-крестьян, превращая их в мелких самостоятельных производителей—есть наперед данный исходный момент феодального способа производства. Неразвитость производительных сил, господство земледелия, слабое развитие товарных отношений (товарные отношения не захватили еще производства) не превращают здесь средства производства в капитал, землевладельца-феодала в капиталиста и крестьянина—в продавца своей рабочей силы.

Специфической формой отношений между землевладельцами и наделенными средствами производства крестьянами, специфической формой эксплоатации их будет не та или другая форма ренты, а отношения личной зависимости, внеэкономическое принуждение.

«Но оставим светлый остров Робинзона,—пишет Маркс,—перенесемся в мрачное европейское средневековье. Вместо нашего независимого человека мы находим здесь людей, которые все зависимы—крепостные и помещики, вассалы и сеньоры, миряне и попы. Личная зависимость характеризует тут общественные отношения материального производства в такой же степени, как и иные воздвигнутые на этой основе сферы жизни. Но именно потому, что отношения личной зависимости составляют основу данного общества, отдельным работам и продуктам не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму. Они входят в круговорот общественной жизни в качестве натуральных служб и натуральных повинностей. Непосредственно общественной формой труда является здесь его натуральная форма, его особенность, а не его всеобщность, как в обществе, покоящемся на основе товарного производства. Барщинный труд измеряется временем точно так же, как и труд, производящий товары, но каждый крестьянин знает, что на службе своему господину он затрачивает лишь определенное количество своей собственной личной рабочей силы. Десятина, которую он должен уплатить попу, есть нечто несравненно более отчетливое, чем то благословение, которое он получает от попа.

Таким образом, как бы мы ни оценивали те характеристичные маски, в которых выступают средневековые люди по отношению друг к другу, несомненно во всяком случае, что общественные отношения лиц в их труде проявляются здесь именно как их собственные, личные отношения, а не облекаются в костюм общественных отношений, вещей, продуктов труда» [40].

Итак, основу феодального общества составляют отношения личной зависимости. Именно в силу господства отношений личной зависимости выжимание прибавочного труда из непосредственных производителей

[40] «Капитал», т. I, с. 35.

происходит в совершенно осязательной натуральной форме, в форме барщины или оброка.

Почему же отношения между крестьянами и феодалами принимают форму отношений личной зависимости?

Маркс выводит эти специфические черты производственных отношений феодализма из характера и способа соединения рабочей силы и средств производства в эпоху феодализма.

«Далее ясно, что во всех формах, при которых непосредственный рабочий остается „владельцем“ средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности необходимо будет выступать как непосредственное отношение господства и подчинения, следовательно, непосредственный производитель—как несвободный: несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства.

Согласно предположению, непосредственный производитель владеет здесь своими собственными средствами производства, вещественными условиями труда, необходимыми для реализации его труда и для производства средств его существования; он самостоятельно ведет свое земледелие, как и связанную с ним деревенско-домашнюю промышленность. Эта самостоятельность не уничтожается тем, что, как, например, в Индии, эти мелкие крестьяне соединяются между собою в более или менее естественно выросшую производственную общину: здесь идет речь о самостоятельности только по отношению к номинальному землевладельцу. При таких условиях прибавочный труд для номинального земельного собственника можно выжать из них только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее» [41].

И именно в связи с этим, как обобщение своей мысли о специфических формах выжимания прибавочного труда в эпоху феодализма, Маркс приводит цитируемую Дубровским формулу:

«Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и подчинения, каковым оно вырастает непосредственно из производства и в свою очередь оказывает на последнее определяющее обратное действие» [42].

После этого становится совершенно понятным, что Маркс под специфической экономической формой понимал не форму ренты, а те специфические общественные отношения, в которые облекается процесс эксплоатации.

В «Немецкой идеологии» Маркс—Энгельс указанные выше специфические черты феодальной общественно-экономической формации объяс-

---

[41] «Капитал», т. III, ч. 2, с. 266.

[42] То же, с. 267.

няют, исходя из характера господствующего в ту эпоху орудия производства. «Таким образом здесь выступает различие между данными природой орудиями производства и орудиями, созданными цивилизацией. Пашню (воду и т. д.) можно рассматривать как данное природой орудие производства. В первом случае, в случае данного природой орудия производства, индивиды подчиняются природе, во втором—продукту труда. Поэтому в первом случае и собственность (земельная собственность) представляется в качестве непосредственного, данного природой господства, во втором—в качестве господства труда, в частности накопленного труда, капитала. Первый случай предполагает, что индивиды объединены какой-нибудь связью—семейной, племенной, даже земельной и т. д., и т. д.,—второй случай предполагает, что они независимы друг от друга и связаны только обменом...

В первом случае господство собственности над несобственниками может опираться на личные отношения, на своего рода общественную организацию, во втором случае оно должно принять вещественную форму в чем-то третьем—в деньгах» [43].

Тов. Дубровский пытается ослабить значение выше приведенной нами характеристики общественных отношений эпохи феодализма, заявляя, что «между прочим во внеэкономическом принуждении некоторые товарищи пытаются найти основание для затушевания разницы между феодализмом и крепостничеством. Между тем для каждого марксиста ясно, что внеэкономическое принуждение в различных, конечно, его формах, может быть при разных способах производства, как-то при 1) рабстве, 2) феодализме и 3) крепостничестве» [44]. Принципиального различия феодализма от крепостничества т. Дубровский, по нашему мнению, не доказал. По поводу же рабства мы можем продолжить приведенную цитату из Маркса: «Данная форма как-раз тем и отличается от рабского или плантаторского хозяйства, что раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно» [45].

Повидимому т. Дубровский вполне сознательно обошел действительно специфические формы, в которые отливаются производственные отношения при феодализме, сведя их просто к господству той или иной формы ренты, ибо эти действительно специфические формы производственных отношений одни и те же как для феодализма, так и для крепостничества. И там и здесь производственные отношения между феодалами-помещиками и крестьянами облекаются в форму личной зависимости вторых от первых, и там и здесь необходимо внеэкономическое принуждение, которое способствует выжиманию прибавочного труда из наделенного средствами производства непосредственного производителя. Выдвигая же на

---

[43] «Архив Маркса и Энгельса», т. I, с. 233.

[44] Дубровский, указанная книга, с. 94.

[45] «Капитал», т. III, ч. 2, с. 266.

первый план в качестве характерных черт общественно-экономических формаций форму ренты, т. Дубровский имеет возможность оторвать крепостничество от феодализма, придав последнему в качестве специфической черты натуральную ренту, а первому ренту отработочную.

Выдвигая на первый план в качестве определяющего момента формы ренты, т. Дубровский затушевывает действительные специфические черты производственных отношений. Как это ни странно для историка-марксиста, но т. Дубровский в специальной главе своей книги, которая носит название «Основные черты феодального строя», даже не упоминает о действительно основной черте феодального строя—об отношениях личной зависимости и о применении внеэкономического принуждения в процессе эксплоатации крестьян. Считая специфическими чертами феодализма формы ренты, т. Дубровский совершенно не дает оснований для различения, например, отношений между лэндлордом и фермером и отношений между феодалом и денежным оброчником—и там и здесь рента отдается в виде денег (денежная форма); почему же первую мы называем капиталистической рентой, а вторую—докапиталистической? Для объяснения этого необходимо спуститься от формы ренты к тем общественным отношениям, которые складываются между фермером и лэндлордом, феодалом и денежным оброчником. «Во всех более ранних формах,—пишет Маркс,—землевладелец, а не капиталист является непосредственным присвоителем чужого прибавочного труда. Рента (как ее понимают также физиократы) исторически (также у азиатских народов на высшей ступени развития) является общей формой прибавочного труда, безвозмездно выполняемого труда. Здесь присвоение этого прибавочного труда происходит не посредством обмена, как у капиталиста; основой его служит насильственное господство одной части общества над другой» [46]. Следовательно, дело не в формах ренты, а в том, что эти формы ренты покоятся на разных общественных отношениях.

Тов. Дубровский утверждает, что Маркс в главе «Генезис капиталистической земельной ренты» III тома «Капитала», разбирая различные формы докапиталистической земельной ренты (отработочную ренту продуктами и денежную), считал их выразителями различных общественно-экономических формаций (феодальной и крепостнической). «Маркс в т. III, ч. 2 «Капитала»,—пишет Дубровский,—для различных исторических эпох выделяет следующие формы ренты, которые являются выражением определенных отношений между земледельцами и землевладельцами или, точнее, тех отношений, которые порождаются наличием собственности на землю (будь то частная собственность или государственная): 1) отработочная рента, 2) рента продуктами, 3) денежная рента и 4) капиталисти-

[46] Маркс, Теории прибавочной ценности, т. III, с. 310.

ческая [47]. Денежная рента, по мнению Дубровского, соответствует переходным формам [48], но он однако не выясняет нигде самого содержания понятия переходной формы, а также того, от какой общественно-экономической формации и к какой денежная рента является переходной. В другом месте Дубровский заявляет, что рента отработочная столь же принципиально отличается от ренты продуктовой, как рента отработочная от ренты капиталистической.

Никаких оснований для понимания Маркса в духе Дубровского Маркс в данной главе не дает. Дубровский приписал свои собственные неверные мысли Марксу. Прежде всего все три формы ренты у Маркса связаны с одним уровнем развития производительных сил, зиждятся на одном производственном базисе. Производственной базой как отработочной, так и продуктовой ренты Маркс считает мелкое крестьянское хозяйство, которое «самостоятельно ведет свое земледелие, как и связанную с ним деревенско-домашнюю промышленность» [49]. Только развитие денежной ренты показывает, что «характер всего способа производства более или менее изменяется» [50], т. е. феодализм идет навстречу своему разложению.

Отработочная рента, по Марксу (в данном случае, в данной главе), не связана с развитием торгово-денежных отношений, а наоборот, соответствует примитивному и неразвитому состоянию общественного производства [51]. Так что т. Дубровский никак не может в данной главе найти подтверждение своей теории о том, что барщина, как правило, является результатом развития товарно-денежных отношений. Рента же продуктами, по Марксу, «предполагает более высокий культурный уровень непосредственного производителя, следовательно, более высокую ступень развития его труда и общества вообще» [52]. Отсюда совершенно понятно, что Маркс рассматривает и отработочную, и продуктовую ренту как форму получения прибавочного труда на базе одного и того же способа производства, но в связи с различными ступенями в развитии этого способа производства. Далее Маркс считает, что «превращение отработочной ренты в ренту продуктами, рассматривая дело с экономической точки зрения, ничего не меняет в существе земельной ренты» [53]. Переходя к денежной ренте, Маркс пишет, что он здесь имеет в виду земельную ренту, «возникающую из простого метаморфоза ренты продуктами, которая в свою очередь была лишь превращенной отработочной рентой» [54]. Переход к денежной ренте Маркс рассматривает как разложение того

---

[47] Книга Дубровского, с. 50.
[48] То же, с. 51.
[49] «Капитал», т. III, ч. 2, с. 266.
[50] То же, с. 272.
[51] То же, с. 268.
[52] То же, с. 270.
[53] То же, с. 270.
[54] То же, с. 271.

способа производства, с которым связаны эти три формы ренты, т. е. феодального. «Хотя непосредственный производитель попрежнему продолжает производить сам, по крайней мере, наибольшую часть своих средств существования, однако часть его продуктов должна теперь быть превращена в товар, произведена как товар». И дальше: «Сначала спорадическое, потом все более и более приближающееся к национальному масштабу превращение ренты продуктами в денежную ренту предполагает уже сравнительно значительное развитие торговли, городской промышленности, товарного производства вообще, а вместе с тем и денежного обращения» [55].

Исторически процесс разложения феодализма, как правило, для большинства европейских стран выражается в переходе от ренты натуральной и барщины (ренты отработочной) к денежной ренте, а не от натуральной или денежной ренты к барщине, и только в странах Восточной Европы в силу своеобразных черт развития первых стадий капитализма идет вместе с развитием денежной ренты возврат и усиление барщинных отношений (оброчная и барщинная полосы в крепостной России). Но Маркс в данной главе на этих вариантах разложения феодализма не останавливается.

Для Маркса рента отработочная, рента продуктовая и рента денежная связаны с одним типом производственных отношений, специфической чертой которых являются отношения личной зависимости, внеэкономическое принуждение. Эти специфические черты определяются, как мы уже указывали выше, тем, что непосредственный производитель наделен средствами производства, он самостоятельный производитель; при таком положении отношения собственности выступают как отношения личной зависимости, а выжимать прибавочный продукт (в той или иной форме) можно только через внеэкономическое принуждение. Но степень внеэкономического принуждения при отработочной и продуктовой ренте разная, и это вполне понятно. По Марксу несвобода «от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства» [56]. Маркс следующим образом определяет разницу в степени эксплоатации при отработочной и продуктовой ренте. Указывая на то, что продуктовая рента предполагает более высокий культурный уровень непосредственного производителя, он далее пишет: «...и отличается она от предыдущей формы (т .е. отработочной) тем, что прибавочный труд приходится совершать уже не в его натуральном виде, а потому уже не под прямым надзором и принуждением земельного собственника или его представителя, напротив, непосредственный производитель должен выполнять его под своей собственной ответственностью, подгоняемый силой отношений вместо непосредственного принуждения и постановлением

---

55 «Капитал», т. III, ч. 2, с. 272.

56 То же, с. 266.

закона вместо плети... При этом отношении непосредственный производитель более или менее располагает употреблением всего своего рабочего времени, хотя часть этого рабочего времени, первоначально почти вся избыточная часть его, попрежнему даром принадлежит земельному собственнику с той только разницей, что последний уже не получает его непосредственно в его собственной натуральной форме, а получает в натуральной форме того продукта, в котором это время реализуется»[57].

Следовательно, внеэкономическое принуждение усиливается и принимает форму крепостного права, когда нужно привлекать самостоятельных производителей к барщине, так как здесь самостоятельность крестьянского хозяйства нарушается гораздо больше, нежели при ренте продуктами, где самостоятельный производитель более независим.

С развитиеи денежной ренты начинает отмирать внеэкономическое принуждение. «При денежной ренте традиционное, обычноправовое отношение между зависимым непосредственным производителем, владеющим частью земли и обрабатывающим ее, и между земельным собственником необходимо превращается в договорное, определяемое точными нормами положительного закона, чисто денежное отношение»[58].

Из проделанного нами анализа главы Маркса «Генезис капиталистической земельной ренты» мы можем сделать следующие выводы: Маркс отработочную, продуктовую и денежную ренты считал формами изъятия прибавочного продукта на основе одного и того же типа производственных отношений, характерной чертой которых является личная зависимость, внеэкономическое принуждение. Эти формы ренты связаны с определенным этапом в развитии производительных сил и экономики общества, когда труд извлекался в его натуральной форме непосредственно. Преобладание той или иной формы ренты, по Марксу, связано с развитием культурного уровня непосредственного производителя и развитием производительных сил, т. е. развитием общественного разделения труда но в рамках одного и того же типа их.

Фактическая история феодализма в вопросе о формах ренты и о типе отношений между крестьянином и феодалом также не на стороне т. Дубровского. Не случайно, что он в своей книге не приводит ни одного факта из истории западноевропейского феодализма, могущего подтвердить его теорию господства продуктовой ренты и мягких форм зависимости в эпоху феодализма. А факты нужны. Для того, чтобы перевернуть установившееся в исторической науке представление о феодализме и оправдать конструирование новой общественно-экономической формации,—крепостнической, необходимо было бы построить целую систему фактической аргументации.

---

[57] «Капитал», т. III, ч. 2, с. 270.
[58] То же, с. 273.

Не приводя ни одного факта, т. Дубровский голословно декретирует, что в эпоху феодализма «крестьяне уплачивали в основном натуральный оброк», потом появляется барщина. «Однако появившаяся в рамках феодального хозяйства отработочная рента сначала выражается лишь в нерегулярном труде крестьян в хозяйстве феодала, скажем, один день в неделю; по мере роста эксплоатации она вырастает до двух дней в неделю, но это не создает еще нового качества» [59].

Мы уже указывали, что Маркс и Энгельс, неоднократно обращаясь к характеристике феодализма, указывали на барщину и на оброк как на форму извлечения прибавочного труда в эпоху феодализма и на крепостного крестьянина как на типичную фигуру эксплоатируемого непосредственного производителя. Мы выше приводили соответствующие места из Маркса, приведем здесь еще. Говоря о феодальной форме собственности, Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологи» [60] пишут: «Она (т. е. феодальная собственность—*А. М.*), подобно родовой и общинной собственности, тоже покоится на общественной организации, которой в качестве непосредственно производящего класса противостоят, однако, не рабы, как в древности, а мелкие крепостные крестьяне». В «Капитале» Маркс пишет: «При рабовладельческих отношениях, при крепостных отношениях, при отношениях, в основе которых лежит обложение данью (поскольку имеется в виду первобытная община), присваивает, а следовательно, и продает продукты рабовладелец, феодал или взимающее дань государство» [61]. Говоря об экономической мистификации, присущей капиталистическому способу производства, Маркс пишет: «По самой природе дела она исключена, во-первых, там, где преобладает производство ради потребительной стоимости, для непосредственного собственного потребления; во-вторых, там, где, как в античную эпоху и в средние века, рабство или крепостничество образует широкую основу общественного производства» [62].

Вслед за Марксом Каутский в своем «Аграрном вопросе» дает следующую характеристику хозяйственной организации феодализма. «В средние века каждый землевладелец обыкновенно вел собственное хозяйство только на некоторой части своей земли лично или через управляющего. Остальную часть своих владений он предоставлял крепостным, которые были обязаны частью платить ему оброк натурой, частью исполнять барщинные работы в его хозяйстве, на его дворе» [63]. Роза Люксембург в своем классическом «Введении в политэкономию» дает четкую характеристику системы организации труда, на которой базировался

---

[59] Книга Дубровского, с. 88.
[60] «Архив Маркса и Энгельса», т. I, с. 255.
[61] «Капитал», т. III, ч. 2, с. 251.
[62] То же, с. 300.
[63] Каутский, Аграрный вопрос.

феодализм. «Из коммунистического общества германцев в Средней Европе вырастает на развалинах античного мира новая хозяйственная форма— барщинное хозяйство, на котором основан средневековый феодализм» [64].

Возьмем классические работы проф. Виноградова, крупнейшего авторитета в области средневекового аграрного развития Англии. Вот характеристика тех повинностей, которые несли крестьяне в XIII в. (век, без сомнения, падающий на феодализм). «Барщина разного рода была самым тяжким и обыкновенным выражением экономической зависимости сельского люда». Мы также видим, что вилланство было крупным слоем непосредственных производителей—крестьян. А «крепостной виллан— тот, кто лично принадлежит господину; крепостное держание то, которым держатель владеет по произволу помещика без всякого обспечения относительно срока пользования, количества и характера повинностей» [65].

В другой своей монографии «Средневековое поместье в Англии» Виноградов дает следующую характеристику системы эксплоатации крестьян в средневековом маноре Англии: «В манориальной экономии организация барщины и оброков играет весьма важную роль. Содержание лорда и поддержание его хозяйства обеспечивалось личными повинностями держателей, хотя в центре манориальной системы почти всегда существовала, кроме того, усадьба. Мы можем описать работу, выполняемую держателями с точки зрения хозяйства лорда, которое стремилось к тому, чтобы держатели удовлетворяли все его потребности. Для обработки пахотной земли крестьянское держание обыкновенно посылает свои запряжки дня три в неделю, каждая запряжка снабжена нужным количеством животных и рабочих и работает с восхода солнца до полудня». Английские крепостные выполняли в XIII в. те же самые повинности и в том же приблизительно размере, что и русские барщинные крестьяне в XVII—XVIII вв.

Эти барщинные работы так же, как и у нас, были очень часто связаны с оброком. «Во многих случаях,—пишет дальше Виноградов,— оброки в рассматриваемую эпоху еще выплачиваются натурой: караваями хлеба, сыром, медом, рыбой и т. д., смотря по тому, чем занималось население округа».

Часто встречаются и денежные оброки. «Держатель на оброке естественно считался более свободным, чем такой же держатель, обязанный барщиной, ибо при исполнении им его повинностей никто не распоряжался его личностью и не требовал от него подчинения известной дисциплине. Поэтому среди крестьянства замечалось постоянное стремление. заменять личные повинности денежными платежами» [66].

---

[64] Роза Люксембург, Введение в политэкономию.

[65] Виноградов, Исследование по социальной истории Англии в средние века.

[66] Виноградов. Средневековое поместье в Англии, с. 317—319.

Новейшая историческая наука о феодализме не дает оснований для коренного пересмотра (в духе Дубровского) роли барщины и крепостничества в эпоху феодализма. В своей работе «Очерки из экономической истории средневековой Европы», которая в известной степени представляет собой суммирование этих новых веяний в области истории феодализа, академик Петрушевский по вопросу о роли барщины в эпоху феодализма стоит на старой точке зрения, т. е. на точке зрения широкого распространения барщины и органической связи ее с оброком. Анализируя знаменитый Полиптик аббата Ирминона, составленный в начале IX века, Петрушевский пишет: «Порядки, давным-давно сложившиеся на землях Сен-Жерменского аббатства, очень похожи на те, какие мы изучали по данным Капитулярия о виллах, в свою очередь свидетельствуя об исконности и этих порядков, и соединения барщинной и оброчной системы [67] и дальше Петрушевский приводит фактический материал о характере барщины и оброка. Этот материал показывает органическую связь между барщиной и оброком, и то и другое делали или платили одни и те же крестьянские хозяйства. Что же касается крепостничества, то здесь новейшая историческая наука о феодализме усиленно выдвигает наличие свободных элементов в вотчине, борется против точки зрения, которая считала все население вотчины сплошь крепостным, а также против представления о том, что вотчины покрывали всю территорию феодальной Европы.

Однако это новое направление ни в коей степени не подрывает нашего представления о. крепостничестве, как наиболее характерной черте отношений между феодалом и крестьянином, она только указывает на наличие рядом с крепостными крестьянами свободных и находящихся в отношениях зависимости, но не крепостничества.

Где тонко, там и рвется. Видя, что Маркс и Энгельс считали барщину и крепостного крестьянина категориями феодализма, и не имея возможности фактически обосновать свой тезис о преобладании продуктовой ренты и мягких форм зависимости в эпоху феодализма, т. Дубровский следующим образом пытается найти выход из создавшегося для его теории тяжелого положения: «Почему же обычно смешивают феодализм и крепостничество? —задает сам себе вопрос т. Дубровский.— Почему, например, у Маркса, Энгельса и Ленина при наличии определенных указаний о том, что крепостничество является особой общественно-экономической формацией (как мы выше видели Маркс и Энгельс нигде не высказывали своего мнения о крепостничестве, как особой общественно-экономической формации—*А. М.*), очень часто в отношении конкретной истории крепостничество и феодализм употребляются как тождественные термины?» и отвечает:—«Последнее объясняется тем,

---

[67] Акад. Петрушевский, Очерки из экономии и социальной истории, с. 200.

что в особенности на Западе Европы мы не имели, пожалуй, чистых форм феодализма и чистых форм крепостничества. Феодально-крепостнические отношения между собой переплетались так же, как, например, при переходе от крепостничества к капитализму, допустим в России, переплетались формы капиталистические с крепостническими. В Западной Европе, например, в эпоху средневековья наряду с юридически свободными крестьянами, обязанными только рентой продуктами по отношению к земледельцам, т. е. наряду с чистофеодальным хозяйством имелось и барщинное хозяйство, основанное на труде крепостных крестьян» [68].

Отсюда он вводит для характеристики этого пероида, т. е. периода переплетения, термин «феодально-крепостническая формация» [69]. Этот выход, найденный т. Дубровским, по существу есть самоликвидация теории Дубровского. Все, что говорилось Дубровским о крепостничестве как общественно-экономической формации, теряет свое значение, поскольку в конкретной истории Западной Европы нельзя выделить эту общественно-экономическую формацию, как господствующую, определяющую весь общественный строй. Указание т. Дубровского на то, что Маркс, Энгельс и Ленин употребляли очень часто, как синонимы, термины феодальный и крепостнический ввиду того, что эти формации переплетались, ставит перед нами альтернативу: или в данном случае дело идет об одной формации,—тогда теория Дубровского должна быть отброшена, или вообще теория общественно-экономических формаций, созданная Марксом и применявшаяся им для анализа капитализма, теряет свое методологически-познавательное значение, ибо какая же это теория, которая при применении ее к конкретному историческому анализу не может отличить элементы одной общественно-экономической формации от другой?

Но напрасно т. Дубровский свою собственную путаницу прикрывает тем, что приписывает эту путаницу Марксу, Энгельсу и Ленину. Вопрос придется решить в первом смысле, т. е. отвергнуть теорию т. Дубровского, как методологически недоброкачественную. Пример, приводимый Дубровским, о переплетении в России элементов крепостничества и капитализма после реформы 1861 г. бьет по т. Дубровскому, ибо Ленин, несмотря на это переплетение, великолепно вскрыл преобладающее значение элементов капитализма и роль остатков крепостничества, а не отказался от анализа на том основании, что здесь все переплеталось, и не называл экономический строй России после реформы 1861 г. капиталистически-крепостническим, что должно было бы вытекать из аналогии т. Дубровского.

Конечно, в конкретной истории мы не найдем чистых форм. Производственные отношения данной общественно-экономической формации

[68] Книга Дубровского, с. 95–96.
[69] Там же, с. 16, 21 и т. д.

всегда сопровождаются остатками прошлой и зародышами новой, но мы всегда сможем вскрыть подчиненное значение остатков прошлого, так как они привязаны к отношениям данной общественно-экономической формации, систематически перерабатываются ими, видоизменяются под воздействием новых отношений, исчезают и т. д. (например, при феодализме первобытная община, при капитализме ремесло и т. д.). Что же касается зародышей новой, общественно-экономической формации, то их место и роль в данной общественно-экономической формации рельефно ясны, ибо элементы новой формации уже в недрах старой вступают в противоречие с последней, борются и т. д. (буржуазия городов в недрах феодализма, организации рабочего класса и т. д.). Учение об общественно-экономических формациях не есть учение об укладах, мирно сосуществующих в недрах одной общественно-экономической формации, как это думает т. Дубровский [70], а учение о господствующем способе производства, типе производственных отношений, государственном строе, которые подчиняют, перерабатывают элементы старого и вступают в конфликт с элементами нового. Господствующее старое и возникающее новое находятся в борьбе; в этой борьбе растут и зреют новые отношения, новые силы, чтобы, созрев, сбросить старые отношения. Поэтому отношения старого и нового не просто переплетаются и потому как бы скрывают свою специфичность, а довольно чеканно выявляются в этой борьбе. Это чеканное выявление элементов крепостничества в недрах феодализма, как элементов новой, принципиально отличной общественно-экономической формации, мы не можем установить при всем нашем желании.

Барщинные отношения и суровые формы крепостничества не борются с оброком и мягкими формами зависимости. Барщинник-феодал не борется с оброчником; наоборот, в одном хозяйстве уживаются обе формы эксплоатации одного и того же крестьянина—и барщина и оброк,—и эксплоатирует тем и другим способом один и тот же феодал. Борьба помещика (среднего) против феодала крупного как борьба двух общественно-экономических формаций,—это плод исторической фантазии т. Дубровского.

Предложенная Дубровским теория растворения двух общественно-экономических формаций, одной в другой, выбивает методологическое оружие из рук исследователя-историка, он становится перед сложным переплетом в лице одних и тех же классов, одних и тех же хозяйственных ячеек двух общественно-экономических формаций, которые мирно уживаются друг с другом; он не имеет возможности расчленить, проанализировать такое переплетение, ибо, как сам т. Дубровский признает, сделать это очень трудно; недаром даже такие аналитики, как Маркс, Энгельс и Ленин, путали феодализм и крепостничество.

---

[70] Книга Дубровского, с. 19.

Но мы поймем переплетение барщины и оброка, суровых форм крепостничества и мягких форм зависимости, отбросив теорию крепостничества как особой общественно-экономической формации и тем самым ликвидировав теорию сплетения двух формаций. Мы должны взглянуть на специфические черты феодализма не с точки зрения преобладания барщины или оброка, а с точки зрения тех специфических форм, в которые облекаются отношения между номинальным владельцем условий производства—феодалом и фактическим их пользователем—непосредственным производителем-крестьянином, следовательно, и с точки зрения тех специфических форм, в которые облекается процесс выжимания прибавочного труда при данных условиях. Переплетение барщины и оброка будет ясно именно с той точки зрения, что они являются организационными формами выжимания прибавочного труда на основе одних и тех же производственных отношений.

Несмотря на то, что элементы феодализма и крепостничества до того переплетаются между собой, что их трудно расчленить, а потому нужно называть этот конгломерат «феодально-крепостнической формацией», все же, по мнению т. Дубровского, для Западной Европы «можно четко провести грань между феодализмом и крепостничеством. Эта грань проведена волною крестьянских войн; именно крестьянские войны и были ответом крестьян на закрепощение их, на переход от феодальной эксплоатации к крепостнической. Эта же грань в основном совпадает с борьбой княжеской власти с феодальной аристократией, т. е. совпадает с процессом создания централизованной власти, свойственной крепостничеству» [71].

Итак, с эпохи крестьянских войн Европа от феодализма переходит к крепостничеству, к власти приходит класс помещиков, который выдвигает новую форму государственной власти—абсолютизм. Но ведь это вопиющее противоречие с действительным историческим процессом! В Англии после восстания Уотта Тайлера все быстрее происходит процесс разложения феодализма, постепенная ликвидация барщины, переход к денежным оброкам (коммутация), а затем и к капиталистическим отношениям. Никакого особого периода крепостничества помимо феодального в Англии мы не имеем. Во Франции с эпохи крестьянских войн (жакерии) идет процесс разложения феодализма, его ветшание, но отнюдь не переход его в крепостничество. Французский феодал не переходит к барщинному хозяйству, а использует свои права монополиста земли и феодального господина для выжимания соков из мелкого крестьянина путем денежного оброка, переводя феодальные права на чистую монету. Во Франции произошло превращение феодального воина не в сельскохозяйственного предпринимателя, а в «жадную до наслаждений и расточительную придворную знать эпохи абсолютной монархии» (Маркс).

---

[71] Дубровский С. М., Статья в журнале «Аграрные проблемы» кн. 2.

Для всех, знакомых со взглядами Маркса и Энгельса на процесс создания абсолютных монархий, централизованной власти в Западной Европе, и для всех, знакомых с фактической историей этого процесса, совершенно странным покажется утверждение Дубровского о том, что централизовавная монархия на Западе есть результат прихода на смену феодализма крепостничества.

Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» дает следующую классовую основу существовавшим государственным формам. Как античное государство было преимущественно государством рабовладельцев для подчинения рабов, так феодальное государство являлось органом дворянства для подчинения и обуздания крепостных и зависимых крестьян, а современное представительное государство играет роль орудия эксплоатации наемного труда капиталом. Однако в виде исключения бывают периоды, когда торгующиеся классы оказываются столь близкими к равновесию сил, что государственная власть в качестве мнимого посредника приобретает известную самостоятельность по отношению к ним обоим. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII столетий, которая уравновешивает друг против друга дворянство и буржуазию.

«Абсолютная монархия,—пишет М. Н. Покровский,—как форма государственного устройства возникает на основе торгового капитализма... Для различных стран Европы расцвет абсолютизма в новейшее время падает на период от XV до XVIII вв., на эпоху так называемого первоначального накопления» [72].

Как видим, по мнению Энгельса, феодальное государство, а не абсолютная монархия было на Западе органом для обуздания крепостных. Развитие же абсолютной монархии связано с разложением феодализма и нарастанием новых торгово-капиталистических отношений; она отражает собой эпоху первоначального накопления капитала.

Дубровский пытается противопоставить феодализм крепостничеству, исходя из того, что при феодализме крестьянина эксплоатирует целая феодальная иерархия от вассалов до сюзеренов, а при крепостничестве один крепостник—помещик. «При феодализме,—пишет он,—крестьянину противостоит целая иерархия феодалов от вассалов до сюзеренов, делящих между собой прибавочный продукт в виде ренты продуктами, которые поступают к ним от крестьянства. При крепостничестве крестьянству противостоит класс крепостников, который свергнул власть аристократов-феодалов и утвердил собственную диктатуру». На это противопоставление можно ответить, ограничиваясь следующим замечанием Маркса, «что же касается действительной иерархии средних веков, то мы здесь замечаем лишь то, что она не существовала для народа, для массы. Для

---

[72] «БСЭ», т. I, статья М. Н. Покровского, Абсолютизм.

массы существовал лишь феодализм, и иерархия, насколько она сама являлась феодализмом» [73].

Нужно указать, что логическим выводом из теории смены феодализма особой крепостнической общественно-экономической формацией должно быть признание особых типов революций, дворянских (помещичьих) революций, на каковой точке зрения и стоял покойный Рожков. Тов. Дубровский подходит к этой точке зрения.

«Развившийся в недрах феодального хозяйства,—пишет он,—прежний вассал-помещик, непосредственно эксплоатирующий крестьянина, свергает власть аристократов-феодалов. Путем кровавого террора он истребляет физически их значительную часть, создает свою центральную власть в виде диктатуры крепостников и завершает закрепощение крестьянства. Таким образом складывается законченная цельная система крепостного хозяйства с своим порядком землевладения и землепользования, со своей системой барщинного труда, с своей в известной степени сложной организацией хозяйства» [74].

Действительно, с точки зрения т. Дубровского, иначе как революцией и нельзя назвать борьбу дворянства, например, в России против старого феодального боярства. Но эта точка зрения противоречит всему ходу исторического развития, с одной стороны, а с другой—абсолютно не может быть примирена с марксовым пониманием революции как результата конфликта между развитием производительных сил и производственных отношений. Я думаю, что т. Дубровский сам понимает всю нелепость своей теории, приводящей к установлению особых типов революций дворянских. В марксистской литературе, начиная с Маркса—Энгельса, мы никогда не встретим трактования борьбы мелкого вассалитета против крупного как дворянских революций.

(Окончание в следующем номере)

---

[73] Маркс—Энгельс, Святой Макс, с. 150.
[74] Дубровский, указанная книга, с. 88.

ДОКЛАДЫ В ОБЩЕСТВЕ

М. Н. Покровский

ПО ПОВОДУ ЮБИЛЕЯ НАРОДНОЙ ВОЛИ

«Кого опыт величайшей эпохи в новой, современной России не научил отличать реального содержания народничества от словесной оболочки его,—тот безнадежен, того нельзя брать в серьез...»

(Ленин, О народничестве).

Широкая, всенародная постановка юбилея Народной Воли явилась, не стоит этого скрывать от себя, некоторой неожиданностью. Мы прошли мимо таких юбилейных дат, как демонстрация у Казанского собора, как образование Земли и Воли, как возникновение первых рабочих союзов—почти молча. О Бардиной и ее товарищах, работавших среди пролетариата, буквально никто не вспомнил. А пятидесятилетие возникновения Исполнительного Комитета разрастается в праздник шире юбилея Чернышевского, гораздо шире юбилея Бакунина.

Если бы это можно было объяснить желанием воздать должное тем великим революционерам народовольческой эпохи, которых мы еще имеем счастье видеть среди нас, дело было бы более или менее понятно. Но, к сожалению, индивидуалистические объяснения никак не могут быть признаны убедительными с точки зрения научного социализма. И в данном случае такое объяснение лопается с первых же шагов. Значение Веры Николаевны Фигнер в истории русского революционного движения не станет ни больше, ни меньше от того, правильно или неправильно представляем мы себе идеологическое соотношение народничества и марксизма. Юбилей Народной Воли ровно ничего не выиграет, если мы будем изображать народовольцев тем, чем они не были. Напротив, всякое тенденциозное искажение истории Народной Воли только повредит юбилею. Борясь против антиленинской тенденции возвеличения народовольцев за то, чем они не были, легко впасть в противоположную крайность—отрицания за Народной Волей того значения, какое она несомненно имела. Можно опасаться, что нечто подобное уже есть налицо. В самом деле, кто теперь говорит о Народной Воле? Все говорят о т. Теодоровиче. Но ведь не его же юбилей справляется. Крайне редкий и, конечно, нежелательный случай—фигура одного из «приветствующих» заслонила юбиляра. Совершенно нежелательный случай, ибо какие бы ошибки ни совершались т. Теодоровичем, сами по себе они не могут изменить репутации Народной Воли ни в ту, ни в другую сторону.

Если эта небольшая заметка несколько исправит аберрацию и переведет внимание хотя бы только читателей «Историка-марксиста» от участников юбилея к самому юбиляру, автор будет очень счастлив. Революционное народничество чрезвычайно высоко ставил Ленин. Революционному народничеству мы чрезвычайно многим обязаны,—как по линии организационных форм в наш подпольный период, так и по линии чисто политической борьбы традиция признана здесь опять-таки самим

же Лениным. Совершенно дико было бы, конечно, утверждать, что большевизм отделен от всего предшествующего революционного движения непроницаемой переборкой. Это было бы совершенно антиленинское утверждение [1]. И если жалко, что мы, с позволения сказать, проспали целый ряд дат народнической революции—дат, иные из которых были бы ближе к нам, чем Народная Воля: по линии организационных форм Ленин отводил первое место Земле и Воле, кульминационным пунктом всего движения он считал «хождение в народ»,—то и образование Народной Воли дата настолько крупная, что пропустить ее было бы невозможно ни при какой обстановке, а если мы только с нее начинаем, так что же: лучше поздно, чем никогда.

Но если никому не придет в голову отрицать, что мы связаны с предшествующими, добольшевистскими, фазами развития революционного движения, то из этого никак не следует, что мы из этих фаз, или из одной из них, вышли. Те, кто видит в якобинцах ли или в народовольцах прямо «предшественников» большевизма, становятся на явно не марксистскую позицию—скатываются к представлению о революционном движении, как о чем-то внеклассовом, несущемся самостоятельно и независимо над общим процессом экономической и социальной истории. Ленин этого, разумеется, никогда не делал. Свои «три поколения» русских революционеров он сейчас же поясняет как «три класса, действовавшие в русской революции»: сначала «дворяне и помещики», затем «революционеры-разночинцы» («начиная с Чернышевского и кончая героями Народной Воли»), наконец «пролетариат». И в этой классовой основе вся суть дела. Большевизма не было бы, если бы не было пролетариата,—но большевизм, при наличии пролетарского движения, был бы, если бы и не было народовольцев, как для существования самих народовольцев вовсе не обязательно было существование декабристов. Желябов вовсе не предполагает, как необходимую логическую предпосылку, Пестеля. Исторически, в данной конкретной обстановке, они следовали в таком порядке—но в иной конкретной обстановке те или иные звенья могли бы и отсутствовать. Когда мы говорим, что то или иное явление из области революционного прошлого «предвосхищает» то или иное явление из области новейшего революционного движения, мы хотим только сказать, что между этими явлениями существует известная аналогия,—но это вовсе не значит, что второе явление вышло из первого. Так Энгельс, когда он говорил, что расстановка классовых сил в великой крестьянской войне XVI в. предвосхищает расстановку их в революции 1848 года, конечно, не хотел этим сказать, что революция 1848 года развилась из крестьянской войны. Но аналогия была, и эту аналогию стоило отметить, ибо одно давало лучше понять другое.

Но эти аналогии принесут нам какую-нибудь пользу только в том случае, если мы будем исходить из сути дела, т. е. из классового анализа. «Всякий, кто хоть чему-нибудь научился из истории или из марксистского учения, должен будет признать, что во главу угла политического анализа надо поставить вопрос о классах: о революции какого класса идет речь?» [2]. Только этот анализ вносит какой-нибудь смысл в наши аналогии. Почему, например, можно установить известную

[1] Ярче всего мысль о преемстве революционных «поколений» выражена Лениным в заключительных строках статьи «Памяти Герцена». Ср. также «О национальной гордости великороссов». Об организационном влиянии революционного народничества на большевизм см. «Что делать?»

[2] Статья Ленина «За деревьями не видят леса», август 1917 г.

«традицию» от декабристов через народников до большевиков в деле борьбы с самодержавием? Да потому, что для различных классов, представленных в революции теми, другими и третьими, низвержение крепостнического государства по разным причинам представляло общую задачу. Феодальное землевладение с его политической верхушкой стояло поперек дороги одинаково как капиталистическому фермеру, которого представлял, сознательно или бессознательно, для нас теперь все равно, Пестель, и массе крестьянства, которую сознательно представляли революционные народники, и пролетариату. Но значит ли это, что можно вообще устанавливать «традиции» между различными формами революционного движения вне этого совпадения определенных классовых интересов? Можно ли установить «традицию» от Пестеля, сознательно (на этот раз нет сомнений) стремившегося расчистить путь капитализму в России, к народникам, бешено боровшимся против самой идеи, что в России возможен капитализм? Можно ли сопоставлять то, что называли «социализмом» народники, с тем, что называем социализмом мы, игнорируя тот факт, что классовая база в обоих случаях совершенно различная?

Последний вопрос может показаться риторическим, поскольку еще Коммунистический манифест установил с достаточной четкостью, что «социализм» может быть и реакционным,—мелкобуржуазный социализм вообще, а «утопический» на определенной стадии своего развития. О мелкобуржуазном социализме Манифест говорит, что «по своему положительному содержанию этот социализм стремится или восстановить старые средства производства и сношения, а вместе с ними и старые имущественные отношения, и старое общество; или же он старается насильно удержать новейшие средства производства и сношения в рамке старых имущественных отношений, которые они уже разбили и необходимо должны были разбить. В обоих случаях он является одновременно реакционным и утопическим». А о «критически-утопическом» социализме Маркс и Энгельс говорят, что его значение «стоит в обратном отношении к историческому развитию. В той же самой степени, в какой развивается и принимает более определенный характер борьба классов, лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания это фантастическое стремление возвыситься над нею, это фантастически-отрицательное к ней отношение. Поэтому, если основатели этих систем были во многих отношениях революционерами, то их ученики образуют всегда реакционные секты».

Это последнее место Манифеста замечательно тем, что оно за сорок лет предвосхитило как раз эволюцию нашего народничества, не случайно выродившегося из учения Чернышевского и революционеров 70-х годов в учение Южакова и Михайловского. Оттого Ленин, вопреки мнению т. Теодоровича, никогда не делал принципиального различия между идеями классического народничества и идеями эпигонов: как теория это была для него одна теория на различных ступенях ее развития. Различие он делал по отношению к носителям этой теории, поскольку «классики» были охвачены искренним революционным энтузиазмом, тогда как «эпигоны» сами в сущности уже не верили в свой социализм.

Но так как т. Теодоровичу удалось внести в это дело порядочную дозу путаницы, в которой, как мне кажется, не вполне разобрались его оппоненты, то необходимо привести соответствующие тексты Ленина в подлиннике. Вот что он писал в «Что такое друзья народа?»: «Прошу заметить, что я говорю о разрыве с мещанскими идеями, а не с «друзьями

народа» и не с их идеями—потому что не может быть разрыва с тем, с чем не было никогда связи. «Друзья народа»—только одни из представителей одного из направлений этого сорта мещанско-социалистических идей. И если я по поводу данного случая делаю вывод о необходимости разрыва с мещанско-социалистическими идеями, с идеями старого русского крестьянского социализма вообще, то это потому, что настоящий поход против марксистов представителей старых идей, напуганных ростом марксизма, побудил их особенно полно и рельефно обрисовать мещанские идеи. Сопоставляя эти идеи с современным социализмом, с современными данными о русской действительности, мы с поразительной наглядностью видим, до какой степени выдохлись эти идеи, как потеряли они всякую цельную теоретическую основу, спустившись до жалкого эклектизма, до самой дюжинной культурническо-оппортунистской программы. Могут сказать, что это—вина не старых идей социализма вообще, а только данных господ, которых никто ведь и не причисляет к социалистам; но подобное возражение кажется мне совершенно несостоятельным. Я везде старался показать необходимость такого вырождения старых теорий, везде старался уделять возможно меньше места критике этих господ в частности и возможно больше—общим и основным положениям старого русского социализма. И если социалисты нашли бы, что эти положения изложены мною неверно или неточно или недоговорены, то я могу ответить только покорнейшей просьбой: пожалуйста, господа, изложите их сами, договорите их как следует!»

И далее: «Прошу заметить также, что я говорю о необходимости разрыва с мещанскими идеями *социализма*. Разобранные мелкобуржуазные теории являются *безусловно* реакционными, *поскольку* они выступают в качестве социалистических теорий. Но если мы поймем, что на самом деле ровно ничего социалистического тут нет, т. е. все эти теории безусловно не объясняют эксплоатации трудящегося и потому абсолютно неспособны послужить для его освобождения, что на самом деле все эти теории отражают и проводят интересы мелкой буржуазии,—тогда мы должны будем иначе отнестись к ним, должны будем поставить вопрос: *как следует отнестись рабочему классу к мелкой буржуазии и ее программам*? И на этот вопрос нельзя ответить, не приняв во внимание двойственный характер этого класса (у нас в России эта двойственность особенно сильна вследствие меньшей развитости антагонизма мелкой и крупной буржуазии). Он является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования, т. е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества; он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении» [3].

Эта характеристика народничества у Ленина чрезвычайно устойчива, и было бы просто смешно говорить о каких-либо колебаниях у него в этом вопросе на том основании, что местами он дает *несколько* иные—но не принципиально отличные—формулировки. Выписанные сейчас строки относятся к 1894 г. А вот что Ленин писал о том же в 1913 г.: «Народничество очень старо. Его родоначальниками считают Герцена и Чернышевского. Расцветом действенного народничества было «хождение в народ» (в крестьянство) революционеров 70-х годов. Экономическую теорию народников разрабатывали всего цельнее В. В. (Воронцов) и

---

[3] *Ленин*, Соч., т. I, изд. 3-е, с. 183—184.

Николай—он в 80-х годах прошлого века. В начале XX века социалисты-революционеры выражали наиболее оформленно взгляды левых народников. Революция 1905 года, показав все общественные силы России в открытом, массовом действии классов, дала генеральную проверку народничеству и определила его место. Крестьянская демократия—вот единственное реальное содержание и общественное значение народничества.

Русская либеральная буржуазия по своему экономическому положению вынуждена стремиться не к уничтожению привилегий Пуришкевича и К-о, а к их разделу между крепостниками и капиталистами. Наоборот, буржуазная демократия в России—крестьянство—вынуждена стремиться к уничтожению всех этих привилегий. Фразы о «социализме» у народников, о «социализации земли», уравнительности и т. п.—простая словесность, облекающая реальный факт стремления крестьян к полному равенству в политике и к полному уничтожению крепостнического землевладения.

Революция 1905 года окончательно раскрыла эту социальную сущность народничества, эту классовую природу его. Движение масс—и в форме крестьянских союзов 1905 года, и в форме крестьянской борьбы на местах в 1905 и 1906 годах, и в форме выборов в обе первые Думы (создание «трудовых» групп)—все эти великие социальные факты, показавшие нам в действии миллионы крестьян, отмели, как пыль, народническую, якобы социалистическую, фразу и вскрыли ядро: крестьянскую (буржуазную) демократию с громадным, еще не исчерпанным запасом сил» [1].

Итак, в «социализме» народников (всех народников, как «классиков», так и «эпигонов») «социалистического ровно ничего нет», «фразы о социализме» у народников... простая словесность». Реальное содержание народничества—«крестьянская (буржуазная) демократия».

Это—азбука ленинизма, и сколько нужно было усилий, чтобы отвести глаза читателю от этих кристально-ясных положений!

Само собою разумеется, что по этой линии, по линии социализма, никакой «традиции» от народников к большевикам устанавливать нельзя, поскольку у первых была одна «словесность» (в которой основоположники народничества искренно видели подлинно революционное учение и которой их ученики придерживались уже просто по привычке), а вторые являются создателями наиболее революционной и наиболее действенной формы социализма, какая только существует. Линия развития, правильно намеченная еще Марксом в 1848 году, идет от «классиков» к «эпигонам», а не от народников к большевикам. Из народовольцев по этой линии развились эсеры—и то, что в момент социалистической революции эти наследники народничества оказались в буржуазном лагере, так же мало случайно, как и падение до Южакова народнической теории четвертью столетия ранее. Замечательно, что и эту зависимость мелкобуржузного «социализма» от буржуазии Ленин также предвидел за много лет вперед.

В том же 1894 году, в статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге Струве», Ленин, процитировав фразу Южакова о «буржуазном направлении, принятом нашим обществом за последние годы», спрашивает: «Неужели только «за последние годы»? Не выразилось ли оно вполне ясно в 60-е годы? Не господствовало ли оно и в течение всех 70-х годов?..» «На самом деле—в течение всех этих

[1] Ленин, О народничестве. Соч. т. XII, ч. 2, с. 23.

трех периодов пореформенной истории наш идеолог крестьянства всегда стоял рядом с «обществом» и вместе с ним. не понимая, что буржуазность этого «общества» отнимает всякую силу у его протеста против буржуазности и неизбежно осуждает его либо на мечтания, либо на жалкие мелкобуржуазные компромиссы.—Эта близость нашего народничества («в принципе» враждебного либерализму) к либеральному обществу умиляла многих и даже по сю пору продолжает умилять г-на В. В. (ср. его статью в «Неделе» за 1894 г., №№ 47-49). Из этого выводят слабость или даже отсутствие у нас буржуазной интеллигенции, что и ставится в связь с беспочвенностью русского капитализма. На самом же деле как раз наоборот: эта близость является сильнейшим доводом против народничества, прямым подтверждением его мелкобуржуазности. Как в жизни мелкий производитель сливается с буржуазией наличностью обособленного производства товаров на рынок, своими шансами выбиться на дорогу, пробиться в крупные хозяева,—так идеолог мелкого производителя сливается с либералом, обсуждая совместно вопросы о разных кредитах, артелях etc.; как мелкий производитель неспособен бороться с буржуазией и уповает на такие меры помощи, как уменьшение податей, увеличение землицы и т. п.—так народник доверяет либеральному «обществу» и его подернутой «нескончаемой фальшью и лицемерием» болтовне о «народе». Если он иногда и обругает «общество», то тут же прибавит, что это только «за последние годы» оно испортилось, а вообще и само по себе недурно» [5].

Читатель видит, до чего смехотворно негодование т. Теодоровича на некоего Покровского за то, что этот последний (через 26 лет после Ленина!) осмелился говорить о близости народников к либералам [6].

Негодование столь обуревает т. Теодоровича, что он цитирует даже не то место «Сжатого очерка», которое ему нужно: грехопадение Покровского совершено им на с. 192—193, а т. Теодорович цитирует со с. 203 строчки, являющиеся комментарием к словам Желябова: «Вырождение нации наступит раньше, чем опомнятся либералы и возьмутся за дело». Так как эти слова Желябова у т. Теодоровича опущены, то, я боюсь, читатель просто не поймет, в чем же дело? Для этого я и отсылаю его к с. 192—193, где это объяснено.

Я не даром подчеркнул слова Ленина о том, что «идеолог крестьянства» стоял «рядом с обществом» (т. е. с буржуазией) «в течение всех этих трех периодов», т. е. и в 60-е, и в 70-е, и в 80-е—90-е годы XIX столетия. Эти слова, хотя и вызванные наивностью одного из «эпигонов», относятся не только к ним, но и к «классикам». Половинчатое, не до конца революционное, отношение народничества к буржуазии вытекает из мелкобуржуазной природы народничества и не зависит от того, имеем ли мы дело с искренними или неискренними представителями данной доктрины. Поскольку речь здесь идет о классовой природе данного движения, тут вообще моральные категории неприложимы—и для народников их близость к либеральной буржуазии не является ни похвалой, ни укоризной. Просто иначе они относиться к «обществу» по классовой своей природе не могли. И надо было совершенно и беззаветно уверовать в то, что народовольцы—предтечи большевиков, для того, чтобы к их поведению прилагать большевистские нормы. Для большевика

[5] Ленин, Соч., т. II, изд. 1-е, с. 51—52. Разрядка моя—*М. П.*
[6] «Каторга и ссылка» № 1, 1930 г., с. 120.

примиренческое отношение к буржуазии, конечно, стыд и позор, ибо это измена своему классу. А идеолог мелкой буржуазии отнюдь в этом отношении своему классу не изменял. Обращаю внимание и на то, что Ленин здесь определенно говорит об «идеологе крестьянства»—это мешает играть на том, что Ленин для отличия «классиков» от «эпигонов» иногда называет первых «крестьянскими социалистами», вторых «мещанскими социалистами». Здесь речь идет как о вторых, так и о первых.

Приведенные высказывания Ленина избавляют нас с читателем от всякой необходимости критиковать основное положение концепции т. Теодоровича, изложенное им на с. 36 своей первой статьи [7]: «В свете громадных событий последнего пятнадцатилетия, в свете гениальных синтезов ленинизма легко увидеть в построениях народовольчества целый ряд тезисов, одних—в развитой, других—в зародышевой форме, которые суммируют великий опыт борьбы масс мелких товаропроизводителей, воспринятый, критически переработанный и обогащенный пролетариатом».

Так как дальше следует характеристика основных признаков «социалистической революции, совершенной рабочими под руководством большевиков в октябре 1917 г.», то совершенно очевидно, что «критически переработанный» «опыт борьбы масс мелких товаропроизводителей» лег в основу коммунизма, а не чего другого. Ленин как будто предвидел т. Теодоровича, когда настойчиво повторял, что из «опыта борьбы масс мелких товаропроизводителей» могла получиться только «крестьянская (буржуазная) демократия», а никак не большевизм. На социалистическую дорогу крестьянство могло повернуть только благодаря диктатуре пролетариата, а никак не благодаря «крестьянскому социализму», который развивался, должен был развиваться, не мог не развиваться совсем в другую сторону. «Гениальные синтезы ленинизма» ничем не обязаны и не могли быть обязаны революционному народничеству, в частности народовольчеству. Заслуга Ленина именно в том, что он преодолел народническое миросозерцание так четко, как никто другой. Традицию от революционного народничества Ленин вел не по линии социализма, а по другой линии—какой, мы отчасти видели выше и еще увидим дальше. Но если большевизм своими положительными чертами ничем не обязан народничеству и в частности народовольчеству, то никак нельзя сказать, чтобы народничество не внесло ничего отрицательного в большевистскую литературу,—не портило, попросту говоря, исторических оценок, даваемых некоторыми большевиками. Приведенные цитаты из сочинений Ленина, между прочим, и тем хороши, что они расшифровывают термин «крестьянский социализм», гулявший еще недавно по страницам наших весьма авторитетных органов без всякой расшифровки. Был, мол, крестьянский социализм—и Ленин его «признавал». Теперь читатель видит, что разумел под этим термином Ленин. В наши дни ожесточенной классовой борьбы в деревне это далеко не безразличная вещь. И если лезущий в колхозы кулак еще не ухватился за этот самый «крестьянский социализм», как за весьма подходящий для кулака лозунг (потому, мол, нашего брата, «крестьянина», и не пускают в колхозы, что у них социализм не крестьянский, а только для рабочих...), то только потому, что кулаку пока не до идеологии. Но народническим мотивам в нашей исторической литературе придется, очевидно, посвятить особую статью—вопрос этот шире

[7] Теодорович.—Историческое значение партии Народной Воли. «Каторга и ссылка» № 8—9, 1929.

юбилея Народной Воли и далеко не ограничивается выступлениями т. Теодоровича. А пока—маленькое сопоставление более неожиданное, но все на ту же тему, об отрицательном влиянии народничества на идеологию, если не большевистскую, то социал-демократическую, не после 1917, а около 1905 года.

Если вы возьмете столь любимые т. Теодоровичем программные статьи «Народной Воли» и самое народовольческую программу, вы найдете там в очень определенной формулировке очень любопытную историко-политическую теорию. «Нам кажется, что одним из важнейших чисто практических вопросов настоящего времени является вопрос о государственных отношениях. Анархические тенденции долго отвлекали и до сих пор отвлекают внимание наше от этого важного вопроса. А между тем именно у нас, в России, особенно не следовало бы его игнорировать. Наше государство—совсем не то, что государство европейское. Наше правительство не комиссия уполномоченных от господствующих классов, как в Европе, а есть самостоятельная, для самой себя существующая организация, иерархическая, дисциплинированная ассоциация, которая держала бы народ в экономическом и политическом рабстве даже в том случае, если бы у нас не существовало никаких эксплоататорских классов. Наше государство владеет как частный собственник половиной русской территории; большая половина крестьян—арендаторы его земель; по духу нашего государства—все население существует главным образом для него. Государственные повинности поглощают весь труд населения, и—характерная черта—даже в карманы наших биржевиков и железнодорожников крестьянские гроши стекаются через государственное казначейство». «Над закованным в цепи народом мы замечаем облегающие его слои эксплоататоров, создаваемых и защищаемых государством. Мы замечаем, что это государство составляет крупнейшую в стране капиталистическую силу, что оно же составляет единственного политического притеснителя народа, что благодаря ему только могут существовать мелкие хищники. Мы видим, что этот государственно-буржуазный нарост держится исключительно голым насилием: своей военной, полицейской и чиновничьей организацией, совершенно так же, как держались у нас монголы Чингис-хана. Мы видим совершенное отсутствие народной санкции этой произвольной и насильственной власти, которая силою вводит и удерживает такие государственные и экономические принципы и формы, которые не имеют ничего общего с народными желаниями и идеалами».

Где это мы читали в гораздо более близкое к нам время? Где это мы читали, что «наше правительство не комиссия уполномоченных от господствующих классов, как в Европе»,—то бишь, «что в своем отношении к русским привилегированным классам царизм пользовался несравненно большею независимостью, чем европейский абсолютизм, выросший из сословной монархии»? Что «царизму приходилось не столько тягаться с притязаниями привилегированных сословий, сколько бороться с дикостью, бедностью и разобщенностью страны»? Где это мы, сравнительно недавно, читали, что в России «государство составляет крупнейшую в стране капиталистическую силу», то бишь, «превратилось в крупнейшего капиталистического предпринимателя, в банкира и монопольного владельца железных дорог и винных лавок»?

Да у Троцкого, конечно, дорогой читатель. Первые половины приведенных сейчас формулировок взяты из «Народной воли» (передовая, № 1, и «Программа Исполнительного Комитета»), а вторые из предисловия к «1905». Удивительно, как до сих пор на это не обращали вни-

мания—спасибо т. Теодоровичу за то, что напомнил. И ради этого стоит ему простить, что он «маленьким ошибкам давал—ленинизм с троцкизмом смешал».

Это совпадение—в теории—народовольчества и нашего «левого» уклона чрезвычайно выразительно. Оно показывает, что гони мелкобуржуазную классовую природу в дверь, она войдет в окно. Оно объясняет нам, почему т. Слепков, критикуя марксистско-ленинскую концепцию русской истории, мог пользоваться аргументами Троцкого, и почему Слепков и Троцкий (а равно их продолжатели ныне) в этом вопросе могли—и могут иметь одного и того же противника. Нет места приводить все цитаты—а в «Народной воле» есть одно место, буквально воспроизведенное в аргументации т. Слепкова против все того же еретика Покровского. Причем, не может быть никакого сомнения, т. Слепков не списывал у народовольцев, а «своим умом дошел». Но это-то и характерно!

До того ненавистен оный еретик всем правоверным наследникам «крестьянского» и «мещанского» социализма, что по еретику начинают стрелять, чуть только нос его покажется,—даже не тратя времени на то, чтобы разобраться, нос-то точно Покровского или чей другой? Ведь обознаться легко—и не так уж этот Покровский оригинален. Может, он просто чужие слова повторяет?

А как раз в вопросе о Народной Воле это и могло с ним случиться. Как исследователь он этим вопросом не занимался—он касался его настолько, насколько это нужно для составления общих курсов. Естественно, что он и не пытался быть оригинальным в этом вопросе, и свои оценки брал у авторов, которые казались ему наиболее авторитетными, в первую очередь у Ленина,—привлекая к делу и самих народовольцев с их современниками. Последнее, конечно, в том случае, если речь шла о констатации фактов. В маленькой книжке, называемой «Русской историей в самом сжатом очерке», нет ни одной строки, не подбитой фактами, нет ни одного утверждения, обоснования которому нельзя было бы найти в источниках.

На этой почве и произошел с т. Теодоровичем казус. Передать его нужно, для начала, его собственными словами. «Как это ни удивительно, но к оценкам Н. А. Морозова и В. Я. Богучарского примыкает и М. Н. Покровский. В той же «Русской истории» на с. 204 мы можем прочесть такое место: «Народная Воля не восставала против буржуазии и эксплоатации вообще, а ставила себе определенную задачу—путем заговора добиться политического переворота (разрядка М. Н. Покровского), низвержения царской власти и созыва учредительного собрания». «Народная Воля», как мы выше цитировали, заявляет: «Наша партия никогда не ждала переворота исключительно от заговора; переворот может быть результатом самостоятельной революции», а М. Н. Покровский продолжает утверждать: «Путем заговора». Неужели партия Народной Воли еще не дождалась объективной, беспристрастной оценки? Но это мимоходом. Суть в том, что и под пером т. Покровского Народная Воля выглядит подстриженной под гребенку „освобожденства"».

Итак, освобожденцы «ставили себе задачей» «путем заговора добиться политического переворота»! Это освобожденцы-то! Прокопович, прочитав эти строки т. Теодоровича, наверное, с гордостью посмотрелся бы в зеркало: Вот, мол, мы как! Знай наших! С народовольцами на одну доску ставят! Но пройдем мимо этого курьеза. Посмотрим, кто именно «подстриг под гребенку освобожденства» бедных народовольцев. Точно ли это злой еретик Покровский? «Для народовольца понятие политичес-

кой борьбы тождественно с понятием политического заговора. Надо сознаться, что . . . . . . П. Л. Лаврову удалось действительно с полной рельефностью указать основное различие в тактике политической борьбы у народовольцев и у социал-демократов. Традиции бланкизма, заговорщичества страшно сильны у народовольцев, до того сильны, что они не могут себе представить политической борьбы иначе, как в форме политического заговора». «Старые русские революционеры (народовольцы) стремились к захвату власти революционной партией. Захватив власть, «партия ниспровергла бы личную силу» самодержавия,—думали они,—т. е. вместо чиновников назначила бы своих агентов, «захватила бы экономическую силу», т. е. все финансовые средства государства и произвела бы социальный переворот. Народовольцы (старые) действительно стремились «к ниспровержению личной и к захвату экономической силы» самодержавия, если уже употреблять, по примеру Р[абочей] М[ысли], эти неуклюжие выражения. Русские социал-демократы решительно восстали против этой революционной теории. Плеханов подверг ее беспощадной критике в своих сочинениях: «Социализм и политическая борьба» (1883 г.) и «Наши разногласия» (1885 г.) и указал русским революционерам их задачу: образование революционной рабочей партии». «В начале своей деятельности нам приходилось очень часто отстаивать свое право на существование в борьбе с народовольцами, которые понимали под «политикой» деятельность, оторванную от рабочего движения, которые суживали политику до одной только заговорщицкой борьбы». «В 70-х и 80-х годах, когда идея захвата власти культивировалась народовольцами, они представляли из себя группу интеллигентов, а на деле сколько-нибудь широкого, действительного массового революционного движения не было. Захват власти был пожеланием или фразой горсточки интеллигентов, а не неизбежным дальнейшим шагом развивающегося уже массового движения». «У нас так плохо знают историю революционного движения, что называют «народовольчеством» всякую идею о боевой централизованной организации, объявляющей решительную войну царизму. Но та превосходная организация, которая была у революционеров 70-х годов и которая нам всем должна бы была служить образцом, создана вовсе не народовольцами, а землевольцами, расколовшимися на чернопередельцев и народовольцев. Таким образом видеть в боевой революционной организации что-либо специфически народовольческое нелепо и исторически, и логически, ибо всякое революционное направление, если оно только действительно думает о серьезной борьбе, не может обойтись без такой организации. Не в том состояла ошибка народовольцев, что они постарались привлечь к своей организации всех недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием. В этом состоит, наоборот, их великая историческая заслуга. Ошибка же их была в том, что они опирались на теорию, которая в сущности была вовсе не революционной теорией, и не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества».

Кому принадлежат все эти цитаты? Да, конечно, Ленину, дорогой читатель—вы, наверное, уже давно догадались. Изображение народовольцев как кучки интеллигентов, не умевших связаться с массами и добивавшихся путем заговора политического переворота, принадлежит вовсе не Покровскому. И самым беззастенчивым, доходящим до прямого издевательства над читателем, извращением истины является утверждение т. Теодоровича, будто «концепция Ленина абсолютно противоположна

концепции Покровского». Концепция Покровского «абсолютно повторяет» концепцию Ленина—попросту взята у последнего [8]. Прибавлю: я решительно отказываюсь верить, что т. Теодоровичу приведенные мною сейчас цитаты неизвестны. Их знает наизусть всякий порядочный комвузовец. Но они сознательно скрыты от читателя «Каторги и ссылки», чтобы можно было под флагом ленинизма протащить антиленинскую концепцию истории Народной Воли.

Чувствуя сам, что дело неладно, т. Теодорович в примечании к этому месту своей статьи пытается извлечь из Ленина что-то, при очень невнимательном чтении могущее показаться оправданием точки зрения самого Теодоровича. Но увы! Как ни тщательно чистил т. Теодорович ленинский текст (до того тщательно, что читатель может подумать, будто тут речь идет именно о народовольцах—а на самом деле тут говорится о народничестве вообще, начиная с Чернышевского), все же слова «идеалы» он вычистить не мог, ибо фраза осталась бы тогда без подлежащего. Речь идет именно об идеалах, т. е. о субъективной, а не об объективной стороне дела, не о том, чем народники (не одни народовольцы в данном случае) были, а чем они хотели быть. Что они хотели быть социалистами, искренно в свой социализм верили, в этом ни у одного здравомыслящего человека не может быть никакого сомнения. Но что же из этого следует? У меня нет никаких оснований думать, что т. Теодорович не хочет быть ленинцем—он наверное очень этого хочет. Но удается ли ему это, вот в чем вопрос? Так и народовольцы: очень хотели быть социалистами, но в силу своей мелкобуржуазной природы не могли.

Но если в свой социализм народовольцы крепко верили, а оставшиеся в живых верят и до сих пор, и ни один из них, конечно, не согласится с приведенными выше ленинскими оценками народничества, то, что они были заговорщики—а это утверждение «Покровского» особенно сердит т. Теодоровича (он к этому возвращается неоднократно, см. с. 15 и др. места)—этого не отрицают они сами. В заключение разбора «недоразумения», в которое впал т. Теодорович, я и приведу выдержку из »Запечатленного труда» В. Н. Фигнер.

«Считая воплощение социалистических идеалов в жизнь делом более или менее отдаленного будущего, новая партия ставила ближайшей целью в области экономической передачу главнейшего орудия производства—земли—в руки крестьянской общины; в области же политической—замену самодержавия одного самодержавием всего народа, т. е. водворение такого государственного строя, в котором свободно выраженная народная воля была бы высшим и единственным регулятором всей общественной жизни. Самым пригодным средством для достижения этих целей представлялось устранение современной организации государственной власти, силою которой держится весь настоящий порядок вещей, столь противоположный желательному; это устранение должно было совершиться путем государственного переворота, подготовленного заговором» [9].

---

[8] Первая цитата взята из статьи «Задачи русских социал-демократов» (1897 г.), вторая из статьи «Попятное направление в русской социал-демократии» (1899 г.), третья из «Искры» (1900 г.), четвертая из речи на Стокгольмском съезде (1906 г.), пятая из «Что делать»? (1902 г.). См. сочинения. т. I, с. 354; т. XX, ч. 1-я, с. 54—55; т. IX, с. 417; т. V, с. 228—229.

[9] Вера Фигнер, Полное собр. сочинений, изд. «Каторги и ссылки», т. I, с. 172. Разрядка моя—*М. П.*

Я чувствую, что начинаю впадать в тот грех, возможность которого я предвидел с самого начала этой статьи. Критикуя неудачного панегириста Народной Воли, я рискую превратиться в запоздалого ее критика. Читатели могут подумать, что и чествовать-то народовольцев не за что. Это глубочайшее заблуждение. Очень есть за что. И позвольте это мотивировать словами, во-первых, В. И. Ленина, а во-вторых, той же В. Н. Фигнер.

В «Протесте российских социал-демократов», написанном в 1899 году, говорится: «Как движение и направление социалистическое, Российская социал-демократическая партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главнейшею из ближайших задач партии в целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой Народной Воли. Традиции всего предшествовавшего революционного движения требуют, чтобы социал-демократия сосредоточила в настоящее время все свои силы на организации партии, укреплении дисциплины внутри ее и развитии конспиративной техники. Если деятели старой Народной Воли сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория, то социал-демократия, опираясь на классовую борьбу пролетариата, сумеет стать непобедимой».

А вторая подводит все в том же «Запечатленном труде» такой общий итог деятельности своей партии. «Народная Воля сделала свое дело. Она потрясла Россию, неподвижную и пассивную; создала направление, основа которого с тех пор уже не умирала. Ее опыт не пропал даром; сознание необходимости политической свободы и активной борьбы за нее осталось в умах последующих поколений и не переставало входить во все последующие революционные программы. В стремлении к свободному государственному строю она была передовым отрядом русской интеллигенции из среды привилегированного и рабочего класса. Этот отряд забежал далеко, по меньшей мере на четверть века вперед, и остался одиноким. Народная Воля имела упование, что этого не случится, что событие 1 марта, низвергая императора, освободит живые силы народных масс, недовольных своим экономическим положением, и они придут в движение, и в то же время общество воспользуется благоприятным моментом и выявит свои политические требования. Но народ молчал после 1 марта, и общество безмолвствовало после него. Так у Народной Воли не оказалось ни опоры в обществе, ни фундамента в народе, и напрасно были попытки возобновить организацию для безотлагательного продолжения активной борьбы против существующего строя» [10].

Вот это совершенно верно. И того, что действительно сделала Народная Воля, вполне достаточно, чтобы праздновать ее юбилей и ставить памятники ее героям.

---

[10] Первая цитата отчасти воспроизводит одно место из «Манифеста Р.С-Д.Р.П.» 1898 года,—но так как Ленин повторяет это место без какой-либо оговорки, мы имеем право считать, что он вполне солидаризируется с данным утверждением «Манифеста». См. сочинения, т. II, изд. 2-е, с. 485. Вторая цитата взята из цитированного уже произведения В. Н. Фигнер. с. 329—330.

ДИСКУССИЯ О НАРОДНОЙ ВОЛЕ В ОБЩЕСТВЕ ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

Открытые заседания секции истории ВКП(б) и ленинизма от 16-го и 25-го января и 4-го февраля 1930 года *

М. Савельев (председатель). Общество историков-марксистов, в лице секции истории партии и ленинизма, устроило настоящее собрание для обсуждения вопроса о Народной Воле. Этот вопрос интересует нас не только в связи с тем, что мы сейчас стоим перед юбилеем и необходимо дать общую оценку Народной Воли, но также и потому, что обсуждение этого вопроса, как это уже показала открытая в печати дискуссия, теснейшим образом связано с проблемами современности. Общество историков-марксистов считает, что вопрос этот теснейшим образом связан с выяснением целого ряда наших позиций—позиций марксизма и ленинизма—в оценках не только Народной Воли, но и народничества вообще. Этот вопрос является тем более актуальным, что имеются попытки несколько разбавить нашу точку зрения неонародническими воззрениями. И мы полагаем, что в этом вопросе наше воинствующее Общество историков-марксистов должно занять вполне определенную позицию.

ДОКЛАД В. НЕВСКОГО.

Я не ставлю своей задачей сделать доклад о Народной Воле. Моя цель—открыть дискуссию вступительным словом.

Вопрос об историческом значении Народной Воли сразу же приобрел, по весьма понятным причинам, такое важное значение с тех пор, как появилась в печати в высокой степени интересная, ставящая некоторые вопросы по-новому, работа т. И. А. Теодоровича. Вопросы, поставленные в этой работе, заставляют нас обратиться к тем оценкам, которые давно уже давались самыми выдающимися, самыми глубокими мыслителями русской социал-демократии, русского коммунизма—Плехановым и Лениным. Вот с точки зрения этих взглядов, которые я считаю для себя обязательными и которые я вполне разделяю, я и попытаюсь высказать несколько соображений по тем проблемам, которые поставлены в статье т. Теодоровича и в полемике, связанной с ней.

Существует мнение, что есть два взгляда на природу, существо и историческое значение Народной Воли. Эти два взгляда будто бы принадлежат Плеханову и Ленину. Тов. Малаховский в своей в высшей степени интересной статье, напечатанной в № 84 «Пролетарской революции», говорит о том, что Плеханов, по его мнению, неправильно смотрит на народовольцев именно потому, что он не смог определить социальную подоплеку, социальную основу народовольчества. Тов. Малаховский приводит цитаты, выдвигает всякого рода доводы, обращает особое внимание на то, что Плеханов подчеркивает славянофильские черты народничества, утверждает, что только в «Наших разногласиях» Плеханов между прочим ставит вопрос о социальной основе народничества, что нигде этот вопрос так ясно, так резко и так отчетливо, как он поставлен в работах

* Доклад В. Невского и содоклады И. Теодоровича и И. Татарова печатаются по стенограмме, прения и заключительные слова—в сокращенном изложении.

Владимира Ильича, у Плеханова не поставлен, что только в «Наших разногласиях» Плеханов ставит этот вопрос, но нигде больше, ни в одной из работ Плеханова вы не найдете настоящей, исчерпывающей, марксистской постановки вопроса.

Я не буду заниматься изысканием цитат, точно так же как и по вопросам, поднятым т. Теодоровичем. Тов. Теодорович приводит, как он утверждает, огромное количество цитат, я их много приводить не буду. Но две-три цитаты для иллюстрации своей мысли я все-таки приведу.

Беру небольшую работу Плеханова 1889 г. Вот что говорит Плеханов:

«Мы были приверженцами того частью крестьянского, частью мелкобуржуазного социализма, который даже в случае своего торжества (в действительности немыслимого благодаря утопическому характеру этого социализма) ни в каком случае не привел бы нас туда, куда мы так усердно скакали в своем воображении» [1].

Это—одна характеристика, в которой, как вы видите, социальная основа, подоплека, как выражается т. Малаховский, народничества дана. А вот другая—где эта социальная подоплека выявлена с гораздо большей ясностью. Это из «Внутреннего обозрения» «Социал-демократа» за 1890 г. О чем здесь говорит Плеханов? Здесь Плеханов утверждает, что существенной разницы между идеологией народнической и идеологией русского либерала нет. Разница между ними заключается только в том, что народник, буржуазный демократ, ставил вопросы, которые ставились либералами, решительнее, ставил их по-революционному. Но существо, социальная сущность этих взглядов были одни и те же. И это потому, говорит Плеханов, что «на первый взгляд кажется, что народнические идеалы, как небо от земли, далеки от буржуазного миросозерцания. Но так кажется только на первый взгляд. В действительности наше народничество было лишь особым сельским изданием мелкобуржуазного социализма, т. е. того учения, которое под видом защиты интересов народа защищает исключительно только интересы мелкой городской и сельской буржуазии» [2].

Вы видите, что эта характеристика точь-в-точь совпадает с теми характеристиками, которые давались Владимиром Ильичем, начиная с 1893 г., когда писалась брошюра «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов», и далее, когда он писал свою работу, направленную против Струве. Какую характеристику давал Владимир Ильич? Я должен здесь обратиться к подлинным цитатам. Я как раз отметил все те работы, где В. И. говорит об основах народничества.

Владимир Ильич говорит, что социальная сущность народничества сводится к тому, что народник защищает мелкого производителя, объективно он отражает этого мелкого производителя, его идеалы, его стремления. Возникает вопрос, что представляет собою народничество? И вот, по мере того как изменялась эта самая объективная основа народничества, по мере того как менялись социально экономические условия, они заставляли меняться и основную толщу народничества—тот слой, те массы, те классовые группы, интересы которых отражало народничество. По мере того, как расслоялась основа, менялась и идеология, она расслаивалась на несколько течений, на несколько струй. Как менялся этот мелкий производитель, какие изменения происходили у этого мел-

---

[1] Г. В. Плеханов, Соч., т. IV, с. 268, разрядка моя—*В. Н.*

[2] Г. В. Плеханов, Соч., т. III, с. 251.

кого производителя? Посмотрим, что на этот счет отвечает Владимир Ильич. Он говорит так:

«Деревня давно уже совершенно раскололась. Вместе с ней раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму, с другой—выродившись в пошлый мещанский радикализм. Иначе чем вырождением нельзя назвать этого превращения. Из доктрины об особом укладе крестьянской жизни, о совершенно самобытных путях нашего развития вырос какой-то жиденький эклектизм, который не может уже отрицать, что товарное хозяйство стало основой экономического развития, что оно переросло в капитализм, и который не хочет только видеть буржуазного характера всех производственных отношений, не хочет видеть необходимости классовой борьбы при этом строе. Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества,—выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства при сохранении основ современного общества» [3].

Вот то, как изменялись эти самые социально-экономические основы, служит дополнением, которого не нашел у Плеханова т. Малаховский и которое имеется у Ленина, а именно, что это изменение шло в двух направлениях: в сторону верхушки крестьян, как говорят, кулаков, дальше—в сторону крупного землевладельца, крупного буржуа, с другой стороны—в сторону бедняка, крестьянина, сельскохозяйственного пролетария. В соответствии с этим изменялись и те идеологические построения, которые нарастали на этой огромной толще русского народа, на этом подавляющем большинстве русского народа. С одной стороны, они шли влево от крестьянского социализма к рабочему социализму, к марксизму, к социал-демократии. С другой стороны, через бесконечное число всякого рода групп и партийных программ это самое народничество шло к либерализму и т. д. Вот как намечается эта эволюция и как она мыслится Владимиром Ильичом.

В своих других работах, в особенности в работе «От какого наследства мы отказываемся», Владимир Ильич определяет это самое наследство. Он подчеркивает, что наследством мы считаем ставку народников на восстание масс, на восстание обездоленного, закабаленного крестьянства, что наследством мы считаем те революционные, якобинские приемы борьбы, которые характеризуют народничество в лучшие моменты его существования, в семидесятые годы или в начале восьмидесятых годов, в лице Народной Воли. Конечно, Ленин подчеркивает, что от этого наследства мы не отказываемся. Вместе с тем Владимир Ильич определяет или констатирует три характерных черты этого самого народничества: во-первых, народничество характеризуется, по мнению Ленина, особой концепцией русского исторического процесса; во-вторых,—народничество характеризуется защитой именно интересов мелкого производителя и, в третьих,—непониманием основ научного социализма, марксизма, т. е. зависимости идеологической надстройки от экономического базиса, от экономических отношений, от развития производительных сил.

Вот три характерные черты, которые отмечает Ленин в народничестве.

Итак, стало быть, первое более или менее внимательное рассмотрение тех высказываний, которые имеются у Плеханова по вопросу о

---

[3] В. Ленин (В. Ульянов), Собр. соч., изд. 1-е, т. I, с. 179, «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов».

народничестве, и у Ленина, нашего вождя, констатирует полнейшее совпадение в определении основных экономических задач возникновения народничества. И Плеханов, и Ленин,—и Плеханов конечно раньше Ленина,— и Плеханов и Ленин ясно и определенно указывают на то, что объективной основой народничества является существование того огромного количества мелких производителей, интересы которых, чаяния, вожделения, стремления выражает и отстаивает народничество.

Дальше и Плеханов и Ленин подчеркивают еще другое обстоятельство—сложность, очень большую сложность теоретических построений народничества. Обыкновенно приводят доказательство, того, что Ленин не согласен и в этом отношении с Плехановым, и приводят то место из его работы против Струве, где Ленин говорит, что нельзя подходить к определению народничества и народнической теории с точки зрения двух категорий—западничества и славянофильства. Этим не объяснишь, по мнению Ленина, теории народничества, этим не объяснишь потому, что прежде всего народничество есть идеологическое отражение интересов и стремлений мелких производителей, подавляющего большинства русского народа. Но, по мнению Ленина, нельзя отрицать, что у народников имеются признаки квасного патриотизма. Плеханов ставит вопрос иначе. Он очень часто усиленно подчеркивает в народничестве элементы славянофильства. Я не стану приводить цитат из общеизвестных статей и работ, в которых Плеханов распространяется о сущности народнической теории. Это—ранние статьи: «Наши разногласия», статьи конца 80-х и начала 90-х гг., статьи о беллетристах-народниках, предисловие к «Истории революционного движения» Туна и т. д.

И вот, если посмотреть на эти определения, то мы увидим, что и здесь нет расхождения между Плехановым и Лениным. Несомненно, Плеханов особенно усиленно подчеркивает славянофильские элементы в народничестве. Это так. Но Плеханов говорит, что теория народничества в высшей степени сложна, в ней имеются, во-первых, элементы утопического социализма,—а разве Владимир Ильич это как-нибудь отрицал? Дальше здесь имеются славянофильские черты. Но, как я уже сказал, Владимир Ильич точно так же этого не отрицал, хотя придавал гораздо меньшее, бесконечно меньшее значение этому, и весьма понятно почему: потому что с более поздними народниками Владимир Ильич имел больше дела, и здесь элементов славянофильства гораздо меньше, чем где бы то ни было.

Дальше Плеханов говорит, что здесь несомненно имеются элементы настоящей, доморощенной, самобытной русской философии, представление об особом укладе русского хозяйства, взгляды на развитие русской общины. Но если вы вспомните, товарищи, статью Владимира Ильича, написанную в 1913 г. о Герцене, то вы вспомните то определение Герцена, которое дает Ленин. Он говорит:

«Герцен—основоположник, родоначальник народничества. Герцен—родоначальник своеобразного русского исторического процесса, в который входит, как основной элемент, учение о самобытности русского общинного порядка».

Согласитесь сами, этими словами мировоззрение Герцена характеризуется, конечно, верно, потому что стоит открыть дневник Герцена, как там, в собственных же словах Герцена, вы найдете подтверждение тому, что он испытывал особенно влияние славянофильства. Если вы вспомните это обстоятельство, то согласитесь, что Владимир Ильич, который характеризует Герцена как основоположника народничества, так

автора своеобразной теории, своеобразного взгляда на развитие русской истории, взгляда, в основе которого положено учение о русской общине, то вы согласитесь, что Ленин точно так же, как и Плеханов, приписывает народничеству славянофильские черты.

Таким образом по основным двум вопросам: 1) по вопросу о том, что же представляет собою социально-экономическая основа, из которой выросло народничество,—по этому основному вопросу, ответить на который обязан каждый марксист, подходящий к изучению какого-нибудь общественного явления или какой-нибудь идеологии,—или по другому вопросу, 2) по вопросу о том, что же представляет собою сама эта идеология, из каких элементов состоит эта идеология,—никаких расхождений между двумя основоположниками русского марксизма нет. Если и существует это различие, то по совершенно другому вопросу.

По вопросу о том, какую роль играют некоторые слои крестьянства, были ли эти некоторые слои крестьянства революционны или нет,—вот здесь существует принципиальное расхождение между теми взглядами, которые дал нам Ленин, и между тем, что оставил Плеханов. Это объясняется своими особыми, в значительной степени сложными и интересными причинами. Не в том дело, почему происходит такое расхождение,—этому можно посвятить специальный доклад, это очень интересная тема и здесь прав т. Малаховский в своей статье, напечатанной в № 84 «Пролетарской революции» за 1929 г.,—а в том, что именно этим обстоятельством, именно тем, что Плеханов расходился с Лениным по вопросу о том, что такое представляет собою крестьянство, именно этим объясняется возникновение двух направлений в русской социал-демократии после II съезда партии. Именно этим обстоятельством объясняется та точка зрения на крестьянство, которая существовала у Мартова, Аксельрод и др. Это очень интересный вопрос. Он объясняется именно теми взглядами, которые выдвигались Плехановым вслед за лидерами и теоретиками II Интернационала, теоретиками послемарксовой эпохи, которые выставили особый взгляд, что крестьянство представляет собою сплошную реакционную массу. Возьмите «Готскую программу», возьмите всякого рода статьи, которые были обычным явлением в 80-х—90-х гг. в германской социал-демократической прессе, возьмите ту полемику, которую по этому вопросу вел Маркс с некоторыми представителями II Интернационала, и вы увидите, что в этом отношении Плеханов недалеко ушел от них—теоретиков II Интернационала—в этих своих воззрениях. Между прочим по вопросу о роли крестьянства и по вопросу об отношении к крестьянству пролетариата есть еще и другое расхождение (Троцкий). Но это уже вопрос другой. Нам не стоит сейчас уделять ему внимания. Повторяю, имеется разногласие между Плехановым и Лениным в определении вопроса—что такое представляет собой крестьянство и какова его роль в революции. Но нет разногласий о двух направлениях в народничестве. Но говорят, что существует другая точка зрения. Тов. Теодорович утверждает, что М. Н. Покровский принадлежит к тому роду марксистов, которые видят в Народной Воле один либерализм, именно «либерализм с бомбой». Так характеризует т. Теодорович М. Н. Покровского и, характеризуя его, он берет выдержки из работ М. Н., из его «Краткого курса в самом сжатом очерке», из его «Истории революционного движения в России в XIX и начале XX вв.», из его четырехтомника. Я не буду останавливаться на всех этих цитатах. Тов. Теодорович приводит самые главные и основные цитаты М. Н. Покровского в доказательство того, что М. Н. Покровский смотрит на народников как на либералов.

Доказательство это следующее. М. Н. Покровский говорит о том, что народники «не сумели, не смогли обращаться прямо к народу, не сумели поднять этот народ». Цитата прежде всего приведена не полностью. Упущены очень интересные слова: «Народники не могли, не умели обращаться прямо к народу, не могли поднять его против всего старого строя». Эти слова пропущены. «Народники,—говорит Покровский,—не могли обращаться прямо к народу (я потом докажу, что это подлинные цитаты, я не могу сейчас задерживать ваше внимание—*В.Н.*), не сумели поднять его против всего старого строя». У Покровского ясно сказано «против всего старого строя». Мы понимаем, что это совершенно правильно по отношению к некоторым определенным течениям народовольчества и народничества, если только правильно мнение Ленина и Плеханова о двух направлениях эволюции народничества.

Я должен сказать, товарищи, прежде всего: для того, чтобы наши здесь рассуждения могли принести наибольшую пользу, наибольшие результаты, нам надо будет условиться о том, чтобы приводить цитаты точно и ясно. Это—первое требование.

Посмотрим теперь, какие выводы каждый марксист, не только историк (историк в особенности) должен сделать из тех основных положений, которые я имел честь представить перед вами, товарищи, из тех положений, из которых исходил вслед за Плехановым и Лениным М. Н. Покровский при обсуждении вопроса о народничестве и Народной Воле. Плеханов и В. И. подчеркивают то, что характеризует эти два направления: эволюцию направо—к либерализму и налево—к рабочему социализму от крестьянского социализма.

В. И. подчеркивает, что никого не может обидеть употребляемое им выражение «мещанский социализм» как эволюция направо к либерализму и налево—от крестьянского социализма к рабочему социализму. Он разумеет под этими терминами либо исторические, либо политико-экономические категории.

Какие же выводы должен сделать всякий марксист, в том числе особенно историк, если он исходит из тех положений, из которых исходили Ленин и Плеханов в своих взглядах на народничество? Он обязан рассматривать именно эту самую эволюцию. Он обязан рассматривать, верно ли, и действительно ли была эта эволюция в процессе развития народничества и Народной Воли. Следовательно, он должен, во-первых, выяснить, была ли эта эволюция, а во-вторых, он должен показать, что действительно с точки зрения своей особой научной теории, квази-научной теории (как угодно можете называть ее), своего особого представления о русском историческом процессе, народничество рассматривало все те проблемы, которые ставились перед ним самим в моменты его исторической работы и политической борьбы. Это—второй момент.

Вот и посмотрим, насколько у меня хватит времени и данных для того, чтобы это показать, правы ли Ленин и Плеханов, утверждая, что развитие народничества пошло по этим двум направлениям. Правы ли Ленин и Плеханов, утверждавшие, что с точки зрения этой особой теории народничество рассматривало весь исторический процесс и строило свою борьбу.

Для того, чтобы не упрекали меня в том, что я люблю оперировать с упадочным народничеством и народовольчеством, я приведу вам доказательства из документов, исходивших от народовольчества того периода, когда оно представляло собою самую величественную историческую картину, когда действительно народовольцы закладывали тот фундамент,

на основании которого они построили себе вечный памятник в истории человечества, а затем я приведу доказательства того времени, когда народовольчество склонялось к упадку. Проверить все то, что я говорю, можно в любой момент. Книги у меня здесь.

О том, что народники и народовольцы с точки зрения особой исторической теории подходили к построению своей программы, об этом великолепно говорит в своих показаниях Вера Николаевна Фигнер, человек, не верить которому нельзя, в искренности которого не сомневается конечно никто. Я не знаю человека, который представлял бы собой такой образец величайшего героизма, величайший образец революционного долга. В. Н. Фигнер в своих показаниях говорит о том, что народники строили свои программы, исходя из особой теории русского исторического процесса. Но—говорит она—когда Народная Воля стала перед вопросом признания необходимости политической борьбы, тогда были внесены некоторые изменения в эту своеобразную теорию русского исторического процесса, в эту теорию, которая говорила об особом развитии русской жизни, которая утверждала, что основой строения русской жизни является общинный уклад, была внесена еще одна самая буржуазная историческая концепция, представленная нашими буржуазными историками. Я думаю, что вам эта концепция известна. Это концепция о всемогущем действии государства, о том, что именно государство создает все классы, все сословия русского общества. Эта та теория, с которой всякий очень легко может познакомиться и с которой всякий знаком хотя бы по прекрасному курсу Ключевского, по любому курсу русской истории, начиная с 60-х гг. Государство—вот кто есть тот демиург истории, которого нашли народники. Я не буду приводить вам доказательств из литературы Народной Воли. Тов. Теодорович это знает, и я думаю, не будет этого оспаривать. Возьмите любую статью. Принадлежит ли она Тихомирову или кому-нибудь другому, напр., напечатанная в № 1 «Народной воли» (я считаю, что она написана Тихомировым. Некоторые утверждают, что она написана Квятковским. Я не знаю. Я не знаю—кто здесь прав. Может быть, это статья и не Тихомирова. (Теодорович: «Так утверждает Богучарский»).

Может быть вы правы. Во всяком случае во многих статьях и официальных документах Народной Воли мы можем найти теорию русского исторического процесса, мы находим ее в писаниях Народной Воли, мы находим ее в официальных документах, исходивших от Народной Воли, мы находим ее в тех работах, которые признавались за ортодоксальные работы русского народничества и русского народовольчества. Я приведу две из них. Один—пример из тех времен, когда Народная Воля еще не только не склонялась к упадку, но, наоборот, считали, что ее деятельность расширится, углубится и приведет к желанному концу—к победе над русским самодержавием, а другая работа из более поздних времен. Одна работа А. Н. Баха, это его известная книга «Царь-голод», которая пользовалась большой популярностью среди рабочих, а затем другая, уже из тех времен, когда народовольчество склонялось к упадку, это работа Богораза, который считает себя теперь чуть ли ни марксистом, малоизвестная его нелегально изданная книга, а именно «Борьба общественных сил в России». В книжке А. Н. Баха эта теория изложена не столь ясно, потому что предметом его работы являлись экономические вопросы, которыми он занимался, но и там все же имеется особая теория исторического процесса. Но особенно ярко и отчетливо она выражена в книжке Богораза. Не буду опять-таки подробно заниматься изложением

этой теории, ибо, повторяю, в курсе Ключевского эта теория выражена гораздо ярче, красочнее и с большим количеством научных аргументов.

Но вот к какому результату приходит Богораз (и точно к такому же заключению приходит Алексей Николаевич Бах):

«Государство, вот кто творит общество. Государство, которое не опирается ни на один класс, государство, которое существует само по себе, создало те классы, которое оно же угнетает и эксплоатирует».

Есть таким образом две силы — государство и народ. Затем появляется третья сила, созданная этим государством—это интеллигенция. И вот Богораз определяет эту силу так: «Интеллигенция—это соль земли, это самый могучий и деятельный двигатель прогресса, и бойцы из ее рядов отличаются от других людей пламенем божественного огня, горящим в их груди».

«Три реальные борющиеся силы,—говорит дальше Богораз,—стоят на арене—правительство, революционная интеллигенция и народная масса. Остальные общественные слои—все правящие классы не имеют никакого значения».

Но оказывается, что одна из этих сил—народная масса, не сила, потому что все спутано в ее представлении. Она принимает врагов за друзей и друзей за врагов: «Все спутано в ее представлении—она принимает друзей за врагов, врагов за друзей. Деспотизм по ее мнению есть ее защитник и благодетель» [1]. Где же выход? Выход в огромном влиянии, в огромной силе, которой обладает третий элемент—интеллигенция. Интеллигенция—говорит Богораз--есть соль русской земли. Если вы обратите внимание на «Царь-голод» Баха и если обратитесь к любому документу, исходящему от Народной Воли, то вы найдете такое же учение и в раннюю эпоху существования Народной Воли. «Царь-Голод» писался в 1882/83 г. Бах рассказывал в своих воспоминаниях о том, как в Ростове на Дону он получил доступ к пропаганде рабочих и там по требованию этих рабочих написал этот самый экономический очерк «Царь голод». И вот в его экономических очерках вы найдете буквально те же самые термины, может быть, еще более резко выраженные, чем в том документе, который появился уже во времена упадка Народной Воли. У Баха говорится о том, что интеллигенция есть трудовая и внеклассовая, что именно эта внеклассовая интеллигенция жила в таких условиях, в каких она могла развивать свое критическое мышление и, внося это критическое мышление в темное сознание масс, вела массу за собой.

Бах, между прочим, принимает очень много из учения Маркса, но не согласен применять учение Маркса к аграрным отношениям.

Спрашивается, почему же неправ Михаил Николаевич Покровский, приписывающий народникам мысль, что критически мыслящая личность двигает историю. От этого мнения они не отказались и в Народной Воле. И вы найдете подтверждение этому на бесконечном множестве разных документов Народной Воли. Вы найдете подтверждение в «Вестнике народной воли». Возьмем хотя бы Тихомирова—автора программы Исполнительного комитета, теоретика партии. Вы скажете, что его брать нельзя, потому что он заранее был злокачественным человеком, что в нем заранее были заложены те дефекты, которые привели его к ренегатству. Хорошо. Возьмите статью Кибальчича об этом самом экономическом и политическом факторе в истории: и он также считает, что роль

---

[1] «Борьба общественных сил в России», типография «Народной воли», 1881 г., с. 2, 75 и 77.

интеллигенции огромна. М. Н. Покровский нисколько не ошибся, когда говорит, что народовольцы держались старых взглядов о том, что знания орудуют миром, что критически мыслящая личность имеет в истории огромное значение. Иначе они бы не строили такой своей программы, как напр. программа рабочих-членов партии Народной Воли. Эта рабочая организация, по мысли народовольцев, есть не самостоятельная классовая партия пролетариата, как ставили вопрос еще Обнорский и Халтурин. Нет. Рабочая группа только часть партии Народной Воли. В этом отношении та постановка вопроса, которая здесь дается, несомненно есть шаг назад по сравнению с тем, что представляла программа «Северного союза русских рабочих», программа, которую Плеханов совершенно правильно определял как программу близкую к социал-демократии.

Говорят, Покровский ошибается, выставляя народовольцев либералами. Верно, М. Н. Покровский занимается больше тем течением, которое имеет тенденцию больше эволюционировать к либерализму. Разве он не прав?

Займемся вопросом о том, действительно ли происходила эта эволюция направо—от крестьянского социализма к либералам. Опять будем обращаться к разного рода документам, к документам, которые исходили из народнических кругов в те времена, когда Народная Воля представляла всю мощь, всю силу, когда о распаде нечего было еще и говорить, но обратимся также и к тем документам, которые характеризуют, так сказать, эпоху средневековья и даже эпоху упадка Народной Воли. Возьмем 1879 г., возьмем знаменитое письмо Гроньяра (Михайловского), письмо, в котором Михайловский одобрял народовольцев в их признании политической борьбы.

Обратимся к этим письмам и мы увидим, что Михайловский ясно и недвусмысленно говорит о том, что с его точки зрения между либеральной программой и народовольческой нет никакой разницы.

В первом письме Михайловский—это характерно для Михайловского и поздней эпохи—говорит:

«Люди революции рассчитывают на народное восстание. Это дело веры. Я не имею ее» [5].

И дальше он говорит, что это будет решено тогда, когда народовольцы будут заниматься политической борьбой.

Во втором письме идет обсуждение вопроса о союзе. Здесь Михайловский вполне правильно утверждает, что от союза, даже с людьми, с которыми совершенно не согласен, все же нельзя отказаться. Он это аргументирует, и в этой аргументации все дело.

«Союз с либералами тоже не страшен, если вы вступите в него честно, и без лицемерия объявите им свой святой девиз «Земля и воля». Они к вам пристанут, а не вы к ним. В практической жизни безумно не пользоваться выгодами союзов, хотя бы случайных, временных. И признаюсь вам: я думаю, что многие либералы гораздо к вам ближе, чем вам кажется» [6].

Само собой разумеется, что Михайловский имел в виду не отдельных людей, не физический облик и не темперамент, которыми обладает человек, а он имел в виду программные течения и представления, политические программы. То обстоятельство—разделяли или не разделяли

[5] «Литература социально-революционной партии Народной Воли», типография партии с. р., 1905 г., с. 91, «Народная воля» № 23.

[6] Там же, «Народная воля» № 3, с. 174.

народовольцы программу с либералами, очень ярко подчеркнуто Тихомировым. Но это уже из времен упадка Народной Воли. Правда, народовольцы сейчас же обрушились на него, когда он дал свое предисловие в своей знаменитой французской книге о России. В этом предисловии он подчеркнул, что нет разницы между программой Народной Воли и программой либералов. Народовольцы за это на него обрушились. Но затем, в 1889 г., когда теоретик народничества пишет о теории особого пути русского исторического процесса, никто не счел нужным сделать к его книге какие-либо примечания.

Возьмите другой документ. Возьмем народовольца Присецкого. Плохой народоволец, согласен. Он потом, в 1905 г., перекочевал к кадетам. Он не принимал такого деятельного участия в революционном движении, которое принимали лидеры, выдающиеся деятели Народной Воли. Это верно. Но этот плохой народоволец Присецкий в «Вольном слове» написал кое-что интересное. Против него писал П. Б. Аксельрод, будущий лидер меньшевиков. Присецкий обращался к народовольцам с призывом отказаться от основной формулы народничества—«все для народа, все через народ». Присецкий предлагал сделать этот лозунг более ясным и понятным для того, чтобы народовольцы смогли подкрепить свои ряды другими силами, для того чтобы собрать вокруг Народной Воли те силы, на которые она могла бы опереться. Он спрашивает, что представляет собой Народная Воля? Группу самоотверженных революционеров, подпольщиков, заговорщиков. Они не пользуются никаким престижем. Конечно, им помогают деньгами, конечно, им сочувствует небольшая группа населения. Но широкого сочувствия, широкой помощи у народовольцев нет. Почему? Потому что нужно сделать более понятной эту формулу: «все для народа, все через народ». Это значит—все для народа в том смысле, чтобы осуществить все стремления, все пожелания народа. Кто лучше всего выражает все стремления и пожелания народа? Лучшая часть этого народа, интеллигенция, именно революционная интеллигенция. Вот почему нужно формулу «все для народа, все через народ» переделать так—«все для интеллигенции, все через интеллигенцию». А что значит «все для интеллигенции, все через интеллигенцию? Это значит—все для народа при помощи лучшей части этого народа—интеллигенции. Что это значит, т. Теодорович, как не «критически мыслящие личности», которые суть деятели истории? Мы можем взять другие документы, которые подтвердят то, что я только что сказал.

Дальше Присецкий рассуждает так: если вы переделаете так эту основную формулу «все для народа, все через народ»—все для народа через лучшую часть народа, тогда вы сможете объединиться с целым рядом лиц. Что такое сейчас Народная Воля как не организация революционеров-заговорщиков, революционеров, которые организуют революционную партию для натиска на самодержавие, для того, чтобы смести все самодержавие, весь старый строй. Если вы таким образом переделаете формулу, вы сможете опереться на те круги, которые, конечно, непосредственно заинтересованы в том, чтобы снести весь старый строй до самого основания—города, земства и т. д. [7].

Ну, хорошо, Присецкий эволюционировал к кадетам в 1905 г. Он плохой народоволец. Его пример никуда не годится. А я думаю, что его

---

[7] См. «Историко-революционный сборник», от. II, ст. В. Невского о Группе «Освобождение труда».

слова нам все-таки годятся, потому что дальнейшая эволюция конечно не есть доказательство, но все же она является блестящей иллюстрацией тех положений, которые я имел удовольствие развивать только что перед вами.

Возьмем других. Возьмем людей, в которых сомневаться нельзя, возьмем людей, которые не сдавали своего знамени никогда, которые действительно были на подпольной работе, возьмем людей, героизм которых является примером для нас. Возьмем настоящих революционеров, которые ни в ком не могут вызвать ни малейшего сомнения. Возьмем их писания, их показания, их речи. У нас есть показания Квятковского и Ширяева на процессе 16-ти. В этих лицах сомневаться нельзя. Возьмем их рассуждения относительно учредительного собрания. Мы можем пользоваться этими заявлениями представителей Народной Воли. Возьмем заявления Корбы, Златопольского, Богдановича, возьмем заявления лиц, которые высказывали свои взгляды не из-за страха. Их ждала величайшая кара, они пошли на эту кару, они вынесли бесконечные страдания, они испили чашу страданий до дна, это люди, которые являются образцами для нас. Возьмем их политические заявления. Посмотрим, что они представляют. Посмотрим—существовала ли действительно эта эволюция направо, о которой говорит М. Н. Покровский, не отождествляющий либералов с народовольцами. Он говорит о том, что у народовольцев была определенная эволюция направо—к либералам.

Но возьмем эти заявления. Возьмем заявление Богдановича. Никто не станет утверждать, что он представляет собой величину, равную по своим взглядам Тихомирову. Вот что говорит Богданович. Разрешите мне привести эту цитату. Он говорит об основных чертах программы и отсюда делает вывод, что партия Народной Воли не только не враждебна государству, она не враждебна и существующей форме правления, т. е. монархии. Если в революционных изданиях и встречаются обращения, направленные против государя, то это объясняется теми условиями борьбы, в которые принуждена была стать партия, и носит чисто агитационный характер. «Но никогда за все время своего существования она не выражала стремления пропагандировать какой-либо иной способ правления. Да этого и не могло быть. Живя долго и близко с народом, мы не могли не видеть, что монархический принцип силен и живет в народе» («Красный архив» № 20, 1927 г., с. 216).

Согласитесь сами, т. Теодорович, что революционеры, которые доблестно держали свое доблестное знамя, революционеры, которые утверждают, что их партия враждебна не только государству, но и основам буржуазного строя, высказываются так, что их совсем легко смешать с конституционалистами-демократами. Да это иначе и быть не может. Нельзя рассуждать так, что Богданович давал такие показания из страха. Многие народники пошли на смертную казнь и понесли самую тяжелую кару, испили чашу до дна, и это нисколько не помешало им говорить то же, что говорил Богданович.

Возьмем показания Златопольского. Златопольский—человек, который, как вы знаете, работал на одном из ответственных фронтов Народной Воли—в военной организации. Я не буду говорить о том, что он утверждает, что народовольцы не антигосударственники, перейду к тому, что для нас интересно.

«Ближайшие задачи партии будут осуществлены, когда будет созван Земский Собор» и особенно далее: «... таким образом вопрос о совместимости народоправления с монархией, с принципиальной его

стороны, решается в положительном смысле, подтверждением чему служит письмо к императору от 10 марта» [8].

Я подчеркиваю то место, в котором говорится, что конкретно «ближайшие задачи будут осуществлены, когда будет созван Земский Собор», и что монархия совместима с народоправлением!

Согласитесь сами, т. Теодорович, что разница не очень велика между конституционалистами-демократами и народовольцами, стоявшими на ответственных и опаснейших фронтах Народной Воли, людьми, которые не могут быть заподозрены в какой-нибудь трусости или в поступке, который бы можно было охарактеризовать позорными словами.

Это говорит за то, что не все народовольцы были террористами, не все террористы были народовольцами. Это только подтверждает мысль Владимира Ильича, что здесь действительно происходила эволюция направо к либерализму и что была бесконечная гамма переходов различных оттенков и различных направлений слева направо. Товарищи, это лучшие времена Народной Воли.

Приведем еще пример из того времени, когда была сделана героическая попытка оживить уже погибающую, разлагающуюся Народную Волю. Я говорю о времени Германа Лопатина, Протопопова и Якубовича. Якубович—замечательная личность, необыкновенно интересный человек, человек действительно без упрека, человек, представляющий собой воплощение человеческой совести, человек, который ни одним штрихом не мог вызвать какого-нибудь сомнения в том, что он поступил не этически, не честно.

Посмотрите его показания, посмотрите его борьбу за каждую человеческую жизнь, которая за ним стояла, и вы увидите, чем он был. Он создал новую партию Молодой Народной Воли. И конечно в центре этой партии были разные люди. Может быть можно отрицать, что это так, в этой руководящей группе, но это подтверждает Бах, который был нехарактерной фигурой основной группы народовольцев. Несомненно, это не тот герой, который создавал идеологию, но это был человек, который стоял близко к Народной Воле, на квартире которого происходили собрания, где обсуждалась программа партии Народной Воли. Он принял участие в обсуждении этих вопросов, и когда его привлекли к дознанию, он прямо назвал себя и сказал—я конституционалист, я прогрессист, я не только не желаю революции, я страшусь, я боюсь революции. Я повторяю—это не характерная фигура для Народной Воли. Но возьмем Якубовича, возьмем его борьбу за Молодую партию Народной Воли. Из-за чего шла борьба, я коснусь в конце своего сообщения, а сейчас скажу: когда Якубович всей совокупностью обстоятельств был приведен в положение побежденного, когда ему пришлось отказаться от создания своей особой организации, во-первых, он сказал, что не полезно, не рационально дробить революционные силы, и, во-вторых, он убедился, может быть, в неправильности своих теоретических положений. В письме к другому народовольцу И. И. Попову, который недавно издал свои мемуары (мне придется коснуться в конце своего доклада и этого), он говорит о том, что, несмотря на разногласия, все-таки придется пойти на уступки старой Народной Воле и отказаться от отдельных организаций. И вот как он выражается о народниках и о современниках (т. е. его времени) Народной Воли:

---

[8] «Красный архив» № 20, 1927 г., с. 227—228.

«У народников одних почва несомненно прочная и надежная—беда только в том, что они времени требуют очень немного, всего на всего десять тысяч лет. У нас, революционеров-террористов, дело не так стоит ясно. Мы знаем одно верно и в одно верим непоколебимо, твердо, что какие бы неудачи ни преследовали нас, мы не оставим своей деятельности, не сложим руки и снова пойдем вперед и вперед, в огонь битвы». Как видите, упрекнуть человека такого, как Якубович, в том, что он отказывается от заветов старой Народной Воли, от борьбы, нельзя, и вот тем не менее как он характеризует современное положение: «Так всегда бывает: чем мы практичнее и зрелее, тем наши требования минимальнее, ближе к наличным условиям действительности. И мне кажется, что единственная форма русской революции, в которую можно верить, как в неизбежный минимум, есть та форма, о которой говорит прекрасная статья № 10-го «Вместо внутреннего обозрения»: «Призыв к народу с высоты трона, поколебленного ударами революционеров» [9]. Это то самое место, которое в свое время цитировал Плеханов, это то самое место, которое посвящено Якубовичу. Это из статьи № 10 «Народной воли», написанной Германом Лопатиным. Здесь говорится о конституции, земском соборе, учредительном собрании и т. д. Я не буду на этом долго останавливаться, у меня нет времени. Я бы мог продолжать следить за этой эволюцией направо. Я мог бы хоть коснуться таких интересных организаций, программы которых представляют большой интерес, которые служат переходом к Партии Народного Права. Эти программы в высокой степени ннтересны. Но за отсутствием времени разрешите мне коснуться здесь только тех примеров, которые являются прямой иллюстрацией основных положений В. И. об эволюции народничества направо к либерализму.

Если просмотреть те программы, о которых я говорил, программы Богучарского и программу Партии Народного Права, где имеется почти полный отказ от революционной программы Народной Воли, где имеется в зародыше либеральная программа, мы увидим, что действительно прав был В. И., когда он в «Задачах русской социал-демократии» утверждает, полемизируя с Лавровым и народоправцами, что эти два направления как раз и характеризуют лучше всего переход народовольцев от крестьянского социализма к либерализму. Часть народовольцев ушла по одному пути, другая часть пошла по другому. В. И. говорит народовольцам—скажите прямо, что вы не имеете права называть себя социалистами.

Я не буду приводить огромного количества цитат. Тов. Теодорович, по его словам, привел огромное количество цитат. Я могу вам тоже привести 4—5 цитат из первых номеров «Народной воли», из передовой статьи № 1, 6, 7 и 10 «Народной воли», приведу цитату из программы Исполнительного комитета. Эти цитаты говорят будто бы о том, что народовольцы представляли себе революцию не иначе, как революцию народа.

В вашу пользу, т. Теодорович, между прочим говорит статья № 4. Там действительно больше всего говорится о необходимости привлечения народных масс. Но та статья, на которую вы ссылаетесь, статья в № 10, как раз эта статья говорит не столько в вашу пользу, сколько в противоположную. Это по той простой причине, что у народовольчества было два крыла: одно, которое шло налево, другое—которое шло направо. Эта статья, повидимому, принадлежит Тихомирову (я не знаю, быть

---

[9] «Красный архив» № 36, 1929 г., с. 162.

может, я ошибаюсь, товарищи народовольцы лучше меня знают, кто автор статьи; № 10 помечен сентябрем 1884 г.). Есть все основания предполагать, что была именно тихомировская статья. Тов. Теодорович приводит здесь примечание. Берет не текст, а примечание, где говорится:

«Во избежание недоразумений,— говорит автор статьи,—напомним, что наша партия никогда не ожидала этого переворота исключительно от заговора. Переворот может быть результатом самостоятельной революции; партия во всяком случае должна принять участие в революции, чтобы помочь ей закончиться указанным переворотом» [10].

Если обратиться например к другим работам Тихомирова, то мы увидим, что там говорится больше всего о заговоре. В этой статье есть цитата, которая говорит за то, что народовольцы ориентируются на народ. Но имеются и такие места, которые говорят о том, что они представляют собой заговорщиков.

«Невозможность открытой легальной организации заставляет нас быть заговорщиками, «подпольными» деятелями. Тайное же общество, по существу дела, не может быть многочисленным, тем более не может охватывать массы».

Другая цитата:

«Это опять суживает возможность для современной организации охватывать собою народные массы. В общей сложности наши задачи теперь сводятся, таким образом, лишь к подготовке возможности такой организации, какая необходима будет в эпоху революции, т. е. организации, охватывающей одновременно и нас, и значительные массы народа».

Еще одна цитата: «...Мы считаем вредными необычайные мечты о широкой народной организации» [11].

Из статьи, из которой т. Теодорович берет цитаты, говорящие о том, что народники мыслили себе революцию только как народную революцию, как видите, можно выбрать цитаты прямо противоположные.

Но конечно не в этом дело. Дело не в цитатах. Суть в том, что было на практике, на деле. Какая была тогда экономическая основа, которая меняла этого самого мелкого производителя. Этот мелкий производитель представлял собой тот материал, которым оперировало народничество. Вот как нужно ставить вопрос. Тов. Теодорович утверждает например, что народовольцы предвосхитили во многих отношениях теорию диктатуры пролетариата, сформулированную т. Лениным. (Теодорович: «Я нигде этого не говорил»). Простите, я говорю свое мнение, которое я вывел из ваших положений. Простите меня, то положение которое вы развиваете, заключается в том, что вы предполагаете, что у народовольцев, хотя бы в зачатке, была мысль о новой экономической политике, что они предвосхитили нэп, что народовольцы предвосхитили целый ряд ленинских положений, что у них были зародыши уже каких-то новых учений о государстве, что они не удовлетворялись учредительным собранием. Вы это доказываете цитатами, а не природой, не социально-экономической природой этой партии. А между тем, я думаю, что одними цитатами доказать ничего нельзя.

Одной из главных цитат, которую приводит т. Теодорович в пользу того мнения, что народовольцы не удовлетворялись учредительным собра-

[10] «Народная воля» № 10, с. 665, «Литература социально-революционной партии Народной Воли» 1905 г.

[11] «Литература социально-революционной партии Народной Воли», 1905. «Народная воля» № 10, с. 665, 668 и 669.

нием, является параграф 2 программы Исполнительного комитета. В параграфе 2 раздела «В» программы Исполнительного комитета буквально говорится следующее (я сначала прочту так, как привел т. Теодорович):

«Мы полагаем, что народная воля была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительным собранием, избранным свободно, всеобщей подачей голосов, при инструкциях от избирателей. Это конечно далеко не идеальная форма проявления народной воли».

Если остановиться и поставить здесь точку, то совершенно ясно, что народовольцы действительно мыслили себе какую-то иную форму, чем Учредительное собрание. Но это заключение вытекает из цитаты т. Теодоровича, а не из программы Исполнительного комитета, ибо вот что действительно написано в этом параграфе 2 программы Исполнительного комитета:

«Мы полагаем, что народная воля была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительным собранием, избранным свободно всеобщей подачей голосов, при инструкциях от избирателей. Это конечно далеко не идеальная форма проявления народной воли, но единственно в настоящее время возможная на практике, и мы считает нужным поэтому остановиться именно на ней» [12].

Товарищи, если народовольцы считают, что Учредительное собрание—далеко не идеальная форма народного представительства, но что в настоящее время это единственно возможная форма и что именно поэтому на ней необходимо остановиться, то можно ли отсюда сделать тот вывод, будто народовольцы предвосхитили какую-то новую форму государства?

Далее т. Теодорович делает ссылку на Квятковского и Ширяева. Конечно не только эта сторона деятельности характеризует Народную Волю. Если бы Народная Воля характеризовалась только этой эволюцией направо, тогда бы никто не стал говорить о всемирно-историческом значении этой действительно непревзойденной в некоторых отношениях организации. Дело заключается в том, что по мере того, как эволюционировали социально-экономические основы, на которых вырастало народовольчество, по мере того, как создавался пролетариат сельскохозяйственный и городской, по мере этого происходила эволюция революционной интеллигенции. Поэтому с самого начала и народовольчества и народничества от них отделялись те элементы, которые ставили вопрос о создании классовой организации пролетариата, сначала робко, сначала неясно, недостаточно резко, недостаточно отчетливо, но все же ставили этот вопрос. Намечалась программа социалистической классовой партии пролетариата. Народовольцы шли здесь ощупью, то отступая назад, то сразу быстро двигаясь вперед. И это происходило именно потому, что совершенно своеобразно вырастал пролетариат, в некоторых своеобразных условиях создались эти носители коммунистических идей, пролетарии, новые элементы буржуазного общества. Но заслуга не только одних народовольцев в создании пролетарской организации. Народники еще до создания Народной Воли создали большую рабочую организацию «Северный союз русских рабочих», и от них народовольцы наследовали умение работать в пролетариате, но и заслуга народовольцев в этом отношении огромна. Уже в начале 80-х гг., как это всем известно, при ближайшем участии Желябова и других членов Народной Воли была хорошо и широко

[12] «Литература социально-революционной партии Народной Воли», 1905, с. 163, программа Исполнительного комитета, раздел «В», § 2.

поставлена пропаганда среди рабочих, и была создана крепкая могучая рабочая организация в Петербурге и Москве. Но только в 1883 г. был поставлен принципиально вопрос об изменении всей программы Народной Воли, именно во времена Якубовича, Германа Лопатина; расхождение, которое произошло между молодой партией Народной Воли и старой партией Народной Воли, между прочим касалось и вопроса об ориентировке на трудящиеся массы. Нельзя конечно приписывать Якубовичу того, что обыкновенно ему приписывают. Нельзя полагать, будто у молодой партии Народной Воли постановка вопроса была совершенно нова, что это была постановка вопроса о создании новой, классовой социалистической партии пролетариата. Это неверно. Но что было зерно, из которого выросла действительно настоящая пролетарская организация—это верно; что там был взят курс на новую работу, на новую установку всей партии Народной Воли—это несомненно.

Однако Якубович примешал, припутал к этим вопросам много народовольческого, он к этим правильным верным элементам своих основных положений припутал много народнического, припутал вопрос об аграрном и фабричном терроре,—старый вопрос, старая тактика народников, старая практика чернопередельцев, напр., члена Петербургской группы Лаврова, который пытался взорвать в Петербурге фабрику Шрадера у Московской заставы. Но заслуга Якубовича заключалась в том, что он был одним из первых народовольцев, которые серьезно и глубоко поставили вопрос об изменении всей программы Народной Воли. Вскоре однако он отказался от этой постановки вопроса и согласился,—во имя чего, это другой вопрос,—со старой программой Народной Воли. Народовольцы создали сильные рабочие организации, напр., в Петербурге (Флеров, Бодаев и др), в Ростове н/Д., в Казани и других городах. Эти организации нам хорошо известны по материалам и документам, которые говорят о том, что народовольцы в этом отношении действительно были теми революционерами, которые подготовили основательнейшим образом почву для возникающей социал-демократии. Характерно то, что (об этом говорится особенно подробно в воспоминаниях т. И. И. Попова) в этой части своей работы народовольцы сходились с возникающей социал-демократической организацией. И правильно конечно то мнение, которое говорит, что этот период 80-х гг. можно охарактеризовать, как период перехода от народничества к марксизму. Так его характеризует Владимир Ильич. За отсутствием времени нельзя остановиться на всех этих в высшей степени интересных попытках практических и программных, которые вышли из кругов народовольцев. Они действительно и в своих теоретических рассуждениях, и в своих практических попытках сделали очень много для перехода от крестьянского социализма к марксизму. Это свидетельствует о том, что определенную часть Народной Воли составляли революционные элементы, определенно ориентировавшиеся на революционные элементы трудящихся масс, на пролетариат.

Достаточно привести,—я не могу к сожалению привести других примеров,—достаточно привести ту программу, которую составил Александр Ильич Ульянов, где хотя еще формально признается эта самая теория об особых путях русского исторического процесса, но где уже признается существование классов—пролетариата, буржуазии и всякого рода промежуточных элементов—и где первенствующее, главное значение отдается новому, только-что возникшему рабочему классу.

Далее ,в этой программе, как вам всем известно, говорится о социал-демократах следующее:

«Что касается социал-демократов, то наши разногласия с ними кажутся нам очень несущественными и лишь теоретическими. Они сводятся к тому, что мы возлагаем большие надежды на непосредственный переход народного хозяйства в высшую форму и, придавая большое самостоятельное значение интеллигенции, считали необходимым и полезным ведение попутно борьбы с правительством» [13].

Эта часть работы Народной Воли, работа с пролетариатом, имеет огромное историческое значение, и на ней стоит обязательно остановиться исследователю истории партии Народной Воли. Но не в этом конечно историческое значение партии Народной Воли, как и не в том, будто бы она предвосхитила, хотя бы в зародыше, те теоретические положения, которые получены и оформлены большевизмом в его историческом развитии. Если уж искать источники, отцов Народной Воли, у которых народовольцы заимствовали учение о будущем обществе, то извольте обратиться к Лаврову.

Если подходить к вопросу формально, словесно, то вы в книгах Лаврова о Парижской Коммуне и о «Государственном элементе в будущем обществе» можете найти, и повторяю, формально, и намеки на ОГПУ, и органы подавления классовых врагов, и Временное правительство, и диктатуру пролетариата. Н. М. Лукин, как известно, очень много пользовался Лавровым в своей работе о Парижской Коммуне.

Вот откуда почерпнули, если вообще почерпнули, народовольцы это самое учение о том, чтó будет на другой день после революции. Народ? Но ведь революционные силы, те массы, о которых говорил автор этого «Государственного элемента в будущем обшестве», это тот же самый народ, это те же самые мелкобуржуазные производители, это та же самая социально-экономическая основа, о которой говорили Ленин и Плеханов, говоря о народничестве. Большая однако разница—говорить ли о том, что народовольцы предвосхитили идеи большевиков, и то, что они эволюционировали отчасти к марксизму; утверждать, что они предтечи большевиков, это, по-моему, доказывает совершенное непонимание того, что представляли собою народовольцы.

В чем громадное историческое значение Народной Воли—этой невиданной, замечательной организации? В. И. об этом говорит. В. И. говорит (разрешите, здесь я уж процитирую это место), сравнивая эпигонов народничества с теми народовольцами, которые действовали в подполье, которые действовали в момент расцвета Народной Воли, действовали воистину по-революционному, создавали организацию пролетариата, создавали боевую вооруженную организацию и, действуя террористическими актами, связывались, насколько это было возможно и в их силах, с народными массами, старались продвинуть свои заговорщические организации в народные массы. Сравнивая этих народовольцев с эпигонами народничества; В. И. говорит следующее:

«Но только ведь это совсем не народничество (в старом, привычном значении слова), и успех этот, и это громадное распространение достигнуты ценой опошления народничества, ценой превращения социально-революционного народничества, резко оппозиционного нашему либерализму, в культурнический оппортунизм, сливающийся с этим либерализмом,

---

[13] «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.», Гиз, 1927, с. 379.

выражающим только интересы мелкой буржуазии»[14]. Вот что говорит Ленин.

Ничего нет обидного в том, что народовольцы, будучи настоящими революционерами, были революционно-буржуазными демократами. Ничего обидного нет в том, что в первый раз в истории русского народа, в истории русских трудящихся масс нашлись такие буржуазные демократы, которые после декабристов, после первого восстания против царского самодержавия, попытались, не имея сил, не имея социальной основы в лице пролетариата, имея перед собой темное, стихийное, разоряющееся, расслояющееся крестьянство, имея перед собой в качестве социальной основы только этот элемент,—нашлись революционеры, буржуазные демократы, поставившие вопрос о свержении самодержавия. Они проявили в полном смысле слова якобинские методы борьбы. В этом их глубочайшая заслуга. Но заслуга народовольцев вовсе не в том, что они предвосхитили большевистские положения, их заслуга вовсе не в том, что они подняли вопрос о каком-то новом типе государства, что они в этом «российском банке», о котором они говорили, предвосхитили нэп, не в том их заслуга, что будто бы община будет владеть фабриками и заводами (это синдикалистская идея, а не идея Советов), не в этом во всем заключается их заслуга.

Их заслуга в том, что это были последовательные якобинцы, демократы, революционеры, которые, повторяю еще раз, впервые после попытки декабристов свергнуть самодержавие, с малыми средствами, бывшими в их распоряжении,—они не имели перед собой широкой пролетарской базы, не имели огромного сочувствия трудящихся масс[15]—поставили перед собой задачу свергнуть самодержавный строй и беззаветно пошли на виселицу, на смерть, зовя с собой на борьбу народ, все смелое, честное и свободное.

Вот в чем заключается заслуга, величайшая заслуга этих революционеров, буржуазных демократов. Вот почему мы до сих пор в изумлении перед той нечеловеческой революционной энергией, которой обладали эти самоотверженные борцы революции, эти самоотверженные борцы за интересы народа. Пускай их программы порой неправильны. Пускай они иногда неверно представляли себе путь революционного развития, это не беда. Заслуга их заключается в том, что они при ничтожных средствах сделали попытку свергнуть самодержавие. Пускай тот путь, по которому они следовали, не всегда был верен, но они сумели смело поставить вопрос, сумели поставить по-настоящему, по-революционному, и будучи социалистами-утопистами, взывали к народу, зовя его на восстания. Они сумели создать огромную организацию, от которой мы многое переняли. В. И. и Плеханов говорят о том, что мы очень многое переняли от народовольцев. Мы многому от них учились. Мы учились от них воздействию на огромные революционные народные массы.

Вот в чем заключается величайшее историческое значение Народной Воли. Вот почему мы, коммунисты, должны в высокой степени внимательно относиться к истории Народной Воли. Вот почему мы тщательно и внимательно должны изучать стремления тех элементов народничества, которые шли от крестьянского утопического социализма к пролетарскому, рабочему, марксистскому, коммунистическому, большевистскому социализму.

---

[14] Н. Ленин (В. Ульянов), Собр. соч., т. I, изд. 1-е, с. 178.

[15] Как совершенно правильно говорит эпигон народовольцев Богораз, массы были вместе с царем, и нужно было пережить 9-е января 1905 г. для того, чтобы эти самые революционные массы перестали слепо доверять царю.

СОДОКЛАД И. ТЕОДОРОВИЧА

За те 40 минут, которые мне отведены, я не успею во всей полноте рассмотреть вопросов, поднятых как моей статьей, так и моими оппонентами в печати и в сегодняшних докладах. Поэтому свой ответ я построю таким образом, что коснусь только самых основных линий спора с тем, чтобы детали отнести к той журнальной полемике, к которой нас отослали редакция газет «Правда» и «Известия».

Во всяком, товарищи, споре прежде всего нужна точность в терминологии. Если мы не условимся в употреблении терминов, мы неизбежно усложним вопрос, запутаемся, даже если мы подойдем к вопросу абсолютно добросовестно.

Говоря в частности о народничестве в целом, я нахожу, что настало время, когда надо изучать Ленина, если можно так выразиться, не только анатомически, но уже гистологически, анализируя каждую дробную его мысль, каждый ее нюанс. Ленин любил цитировать из «Фауста»: «Теория—сера, но вечно зелено дерево жизни». Так вот не надо из Ленина делать субъекта этой «серой» теории, ибо в действительности он был человеком, всей своей душой понимавшим и чувствовавшим «зеленое дерево жизни».

Вот, товарищи, я приведу вам одну фразу. Я буду читать нарочито медленно, чтобы вы почувствовали, что надо условиться в понимании даже ленинских терминов. Я читаю (т. II, с. 59):

«Если народник кричит, что марксист не хочет знать фактов, тогда для уличения его достаточно даже простой ссылки на любую принципиальную народническую статью 70-х годов». Народников Ленин противопоставляет... народникам. Это интригует!

Открываем страницы 342—343. На этих страницах Ленин употребляет формулы: «Народники в узком смысле», «народники в широком смысле», опять «народники в узком смысле», опять «народники в широком смысле». Наша заинтригованность растет.

Если какой-нибудь человек не будет отличать «народников в широком смысле» от «народников в узком смысле», а всех их возьмет суммарно вместе, всех объединит, то не будет ли этот человек напоминать нам того, про кого Энгельс в предисловии к Анти-Дюрингу сказал: конечно, можно в одном широком обобщении охватить корову и сапожную щетку, но от этого щетка не будет давать молока. Предупреждаю, товарищи, что бесплодность таких обобщений выяснится нам всем в результате полемики. Вот, не угодно ли, товарищи, после этих предварительных замечаний обратиться к интереснейшей цитате из Ленина. В т. XII ч. 1, на с. 97 мы читаем:

«Во всем русском народничестве.... нет ни грана социализма». Какая ясность! Ни грана социализма! Запомним это.

В то же время возьмем «Друзей народа» и развернем их на с 186 (т. I). Там мы читаем как будто нечто с о в с е м д р у г о е.

«Струве,— пишет Ленин,—совсем не совершает такой ужасной несправедливости. Он говорит об «утопичности национального социализма» народников, а кого он относит к народникам,—видно из того, что он называет «Наши разногласия» Плеханова полемикой с народниками. Плеханов, несомненно, полемизировал с социалистами, с людьми, не имеющими н и ч е г о о б щ е г о (разрядка моя—*Ив. Т.*) с «серьезной и порядочной» русской печатью. И потому Г. Кривенко не имел никакого права

отнести на свой счет того, что относится к народникам». Позвольте,— скажет любой из вас,—как же так? Народник Кривенко—не относится к народникам; в народничестве-де нет ни грана социализма, а сам говорит, что Плеханов полемизировал с народниками, которые являются социалистами?

На странице 179 тома первого Ленин пишет: «Поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества: к этому сводились в сущности все наши старые революционные программы, начиная хотя бы бакунистами и бунтарями, продолжая народниками и кончая народовольцами, у которых ведь тоже уверенность в том, что крестьянство пошлет подавляющее количество социалистов в будущий земский собор, занимала далеко не последнее место».

И так, народовольцы называются социалистами. Недоумению нашему нет конца: еще раз,—ни грана социализма, а в то же время они—социалисты! Конечно, можно сказать: позвольте, когда Ленин писал это? Он написал эти слова в 1894 г., собственно говоря даже в конце 1893 г., т. е. юношей в возрасте 23 лет. Может быть проживши богатейшую политическую жизнь, получивши громадный опыт, он стал по-иному и думать и говорить? Поэтому, товарищи, позвольте процитировать вещи, более к нам близкие. Возьмем статью, писанную в 1911 г.,—в 1911 г., товарищи, т. е. двадцать лет спустя после написания «Друзей народа». Вот что писал Владимир Ильич о Толстом:

«Подобно народникам, он не хочет видеть, он закрывает глаза, отвертывается от мысли о том, что «укладывается» в России не какой иной, как буржуазный строй» (т. XI, ч. 2, с. 172). И далее: «Учение Толстого безусловно утопично и по своему содержанию реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова». А дальше начинается прямая сенсация, товарищи: «Но отсюда вовсе не следует того, чтобы это учение не было социалистическим, чтобы в нем не было критических элементов, способных доставлять ценный (N.B. ценный!—*Ив. Т.*) материал для просвещения передовых (N.B. передовых, т. е. в том числе и пролетариата—*Ив. Т.*) классов» (с. 174. Разрядка моя—*Ив. Т.*)

Товарищи, давайте разберемся. Вы согласитесь со мной, что надо, следовательно, установить, что же Ленин понимал, наконец, под социализмом, если в одном случае он говорит, что во всем народничестве не было ни грана социализма, а в другом—заявляет, что даже у Толстого были социалистические, критические элементы, ценные для просвещения передовых классов.

В чем же тут дело? Это надо уразуметь, товарищи; кто не поймет в чем тут дело, тот напутает со своей щеткой. Он придет чистить, а на деле загрязнит, засорит весь вопрос. А дело в том, что яея и все Ленин различал научный социализм от социализма утопического, социализма мелкобуржуазного. (Ц. Фридлянд: «Есть еще социализм реакционный»).

Не помогайте мне, т. Фридлянд. Я знаю, разумеется, что вы архиэрудит, но я, быть может, справлюсь и без вашей помощи. Теперь все абсолютно делается нам ясным. Во всем народничестве нет ни грана социализма, но социализма... научного. Есть анекдот о школьнике. Отвечая урок, он сказал: «Когда род человеческий очень сильно размножился и не осталось на земле ни одного человека...» Учитель его прервал: «Что за вздор ты говоришь?» Ученик обиделся и говорит: «Ей-богу, в книге так написано». Взяли книгу и прочли: «Когда род человеческий очень сильно размножился, и не осталось на земле ни одного... праведного человека». Бедный школьник все вызубрил, но пропустил слово

«праведного». Вот почему у него получился абсурд. Так же «зазубрили» мои оппоненты: они пропускают слово «научного». Да, действительно, ни грана научного социализма в народничестве. Верно это или нет? На все 200% (на 100% теперь опасно говорить). Невский: («Не слышно»).

Не помогайте мне, т.т. Невский и Фридлянд. А то выходит у нас, что мама рожает, а папа кряхтит. Идем дальше. В утопическом социализме Ленин различал крестьянский и мещанский социализм. Это различие колоссальной важности. Обратимся к с. 61 т. II.

Ленин полемизирует со Струве: «Струве... назвал народничество «национальным социализмом»... Вместо «национальный» следовало бы сказать «крестьянский»—по отношению к старому русскому народничеству и «мещанский»—по отношению к современному. «Источник» народничества—преобладание класса мелких производителей в пореформенной капиталистической России». И дальше: «Я отличаю старое и современное народничество на том основании, что это была до некоторой степени стройная доктрина, сложившаяся в эпоху, когда капитализм в России был еще весьма слабо развит, когда мелкобуржуазный характер крестьянского хозяйства совершенно еще не обнаружился, когда практическая сторона доктрины была чистая утопия, когда народники резко сторонились от либерального «общества» и «шли в народ» (с. 61).

Итак, картина получается совершенно четкая. Была определенная давно прошедшая, долго развертывавшаяся во времени система хозяйства: в других местах Ленин ее определяет, как простое товарное производство, осложненное засильем остатков крепостничества и торгового капитала. В эту эпоху, говорит Ленин, существовало еще и натуральное хозяйство, носителем которого являлся мелкий производитель, а с другой стороны, простое товарное хозяйство уже переходило кое-где в высшую форму товарного хозяйства,—в капиталистическое хозяйство. Представителем простого товарного хозяйства был мелкий производитель, уже ставший собственно товаропроизводителем. Идеологи этого мелкого производителя как натурального, так и товарного, видя, как надвигавшийся ураган капитализма разорял, крушил, давил, губил мелкое производство как натуральное, так и товарное, особенно, конечно, последнее,—приняли такую точку зрения: надо уничтожить капитализм в самом зародыше, надо предупредить производителя, что он погибнет, когда станет товаропроизводителем. И вот Ленин говорит: тех, кто держится той точки зрения, что капиталистическую систему производства нужно уничтожить в целом, тех я называю крестьянскими социалистами. (Голос с места: «Это сказано у Ленина?»). Да, это сказано у Ленина, товарищи. А того, кто говорит, что при сохранении капиталистического строя земледелие может эволюционировать некапиталистическими путями, я обвиняю в том, что на деле он приспособляется к капитализму и становится мелким буржуа, товарным мужиком,—и потому я таких людей называю «мещанскими социалистами».

Товарищ, крикнувший с места, повидимому, хочет, чтобы я доказал это прямыми цитатами из Ленина. Я могу это сделать. Откройте с. 179. Там мы читаем: «Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы поднять крестьянство (разрядка здесь и ниже—ленинская) на социалистическую революцию против основ современного общества,—выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства при сохранении основ современного общества». Ведь только глупец не поймет этих кристаллически ясных

слов. Констатировав, что эпигоны народничества хотели промаршировать в одной компании с революционными народниками, Ленин пишет: «И подобные господа толкуют об «идеалах отцов», претендуют на то, что они, именно они хранят традиции тех времен, когда Франция разливала по всей Европе идеи социализма, и когда восприятие этих идей давало в России теории и учения Герцена, Чернышевского. Пусть мои оппоненты отметят себе тот факт, что Ленин слова: «идеи социализма»—пишет без всяких уничижительных кавычек при слове «социализм». Мы еще увидим, как глубоко Ленин уважал, вместе с основоположниками марксизма, критически-утопический социализм, чего совершенно не понимают Татаров и другие мои критики. Далее Ленин, громя эпигонов, восклицает: «Да, вы пачкаете эти идеалы. В самом деле, в чем состояли эти идеалы у первых русских социалистов (опять без кавычек!—*Ив. Т.*)? Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни; отсюда—вера в возможность крестьянской социалистической революции—вот что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на геройскую борьбу с правительством. И вы не сможете упрекнуть социал-демократов в том, что они не умели ценить громадной (разрядка моя—*Ив. Т.*) исторической заслуги этих лучших людей своего времени, не умели глубоко уважать их памяти» (т. I, с. 178).

Я не знаю,—прав ли Ленин, утверждая, что не нашлось такого революционного социал-демократа, который не умел бы ценить громадной заслуги людей, отвергавших основы капиталистического общества, но среди коммунистов такие неразобравшиеся товарищи имеются. И мне очень жаль, что в числе их оказался В. И. Невский. Ведь сказал же он сегодня: «Не в том была заслуга народовольцев, что они хотели ниспровергнуть «основы современного общества» (слова Ленина!—*Ив. Т.*), а заслуга их—в борьбе за политическую свободу». В стенограмме все это будет отражено, Владимир Иванович! А между тем подумайте, что слова о громадной исторической заслуге Ленин написал сразу же после слов о «крестьянской социалистической революции» (см. выше, цитата из т. I, с. 178). Что у народовольцев Ленин больше всего ценил как раз не их борьбу за политическую свободу, а их штурм основ современного общества, показывают—до полной прозрачности ясно—следующие слова: «Сначала эта борьба велась во имя социализма, опираясь на теорию, что народ готов для социализма и что простым захватом власти можно будет совершить не политическую только, а и социальную революцию (вниманию т. Покровского!—*Ив. Т.*). В последнее время эта теория, видимо, утрачивает уже всякий кредит, и борьба народовольцев с правительством становится борьбой радикалов за политическую свободу» (т. I, с. 190). Неужели, т. Невский, вы не можете, вслед за т. Покровским, понять этих совершенно ясных слов? Они говорят о том, что, по Ленину, народовольцы боролись с правительством как-то по-иному, чем эпигоны народничества, ставшие простыми радикалами, «опошлителями народничества» (т. I, с. 188). Как же «по-иному»? Да так, что сокрушая правительство, народовольцы думали, что убивают рассадник, главный рычаг капитализма, т. е. совершают (добавлю для непонятливых младенцев), конечно, не пролетарскую,—но все же антибуржуазную революцию. Вот т. Невский восклицает: «А как Ленин думал позднее?» Нигде, Владимир Иванович, Ленин не говорил ничего иного,—ни в одном из последующих своих сочинений.

Товарищи, давайте же искать, раз является сомнение. Посмотрим, что пишет Ленин в других своих произведениях.

Время двигалось. После того, что я вам прочел, прошло 9 лет. И вот уже в 1902 г. вместо народников появились социалисты-революционеры, которых Ленин называет «левыми народниками» там, где он печатался легально, и эсерами—там, где он печатался нелегально. Всем вам известна его знаменитая статья «Революционный авантюризм». Вот что пишет в ней Владимир Ильич: «Отношение социалистов-революционеров к крестьянскому движению представляет особый интерес. Именно в аграрном вопросе всегда считали себя особенно сильными и представители старого русского социализма (говорится без ковычек.—*Ив. Т.*) и их либерально-народнические наследники, и те многочисленные сторонники оппортунистической критики, которые крикливо уверяют, что в этом пункте марксизм уже окончательно сбит с позиции «критикой». Под «сторонниками критики» разумеются эсеры, которые у бернштейнианства брали аргументы в защиту идеи некапиталистической эволюции земледелия при капитализме. Что же мы видим? А то, что Ленин продолжает отличать народников эпохи «старого социализма» и от эпигонов, и даже от эсеров, которые тем отличались от народовольцев, что в то время как последние социализацию земледелия мыслили как часть общей социализации, они свою социализацию земли вводили в программу минимум, т. е. считали ее осуществимой в рамках капитализма.

Проходит еще некоторое время. Наступает 1903 год. Ленин уже «большевик», ибо уже произошел раскол. Ленин уже вождь нашей фракции. Вот что он пишет: «Русские марксисты давно уже указывают на то перерождение (внимание!—*Ив. Т.*) старого русского классического революционного народничества, которое неуклонно происходит с 80-х годов прошлого века. Тускнела вера в особый уклад крестьянского хозяйства, в общину, как зародыш и базис социализма, в возможность миновать путь капитализма посредством немедленной социальной революции, к которой готов уже народ. Политическое значение сохранили только требования всяческих мероприятий по укреплению крестьянского хозяйства и «мелкого народного производства» вообще. Это было уже, в основе своей не более, как буржуазное реформаторство; народничество расплывалось в либерализме; создавалось либерально-народническое направление, которое не хотело видеть или не могло видеть, что проектируемые мероприятия (все эти кредиты, кооперации, мелиорации, расширения землевладения) не выходят из рамок существующего буржуазного общества» (т. IV, с. 262). Неужели, т. Невский, вы не видите, что в 1903 году Ленин смотрит на вещи так же, как и в 1893 году? В своей статье я употребляю термины: «левое крыло» и «правое крыло» утопического социализма и показываю, в чем их разница. Неужели не ясно, что мое «левое крыло» совпадает с «революционным народничеством» Ленина, а мое «правое»—с «эпигонами», с либерально-народнической линией—у Ленина.

За недостатком времени я опускаю целый ряд других цитат. Скажу только, что например в 1905 году Ленин писал о том, что именно тот факт, что натуральное и простое товарное производство перерастали в конце-концов в капитализм, повлек за собой перерождение «чистого» народничества в современный эсеровский эклектизм» (т. VIII, нов. изд., с. 257).

Вы все знаете прекрасные слова Энгельса о том, что диалектике «идей», течению «идей» всегда соответствует диалектика «вещей». Конечно перерождение старого народничества в новое соответствовало перерождению хозяйственной действительности: оно является отражением того

перерождения крестьянина в мелкого буржуа, о котором Ленин говорит сотни и сотни раз.

Кстати напоминаю вам, что «Коммунистический манифест» различает мелкого буржуа и крестьянина. Энгельс употребляет те же термины—крестьянин и мелкий буржуа. Плеханов тоже не смешивает в одну кучу мелкого буржуа и крестьянина. Все наши учителя понимали, что есть ряд переходов от мелкого производителя—через товаропроизводителя и мелкого буржуа—к буржуазии. Ленин например писал: «В жизни мелкий производитель рядом незаметных переходов сливается с буржуазией» (т. II, с. 21) и еще: «Мелкие производители выделяют горстки буржуазии и массы пролетариата» (ibidem, с. 22).

И так, согласно Марксу, Энгельсу, Плеханову и Ленину, мелкие производители имеют в себе две души, которые Маркс и Ленин характеризуют следующим образом: Маркс пишет в «18-ом брюмера»: «Династия Бонапартов является представительницей не просвещения, а суеверия крестьян, не их рассудка, а их предрассудков, не их будущего, а их прошедшего, не их современных Севенн, а их современной Вандеи». Ленин же говорит уже в 1918 г.: «Крестьянин, как труженик, как человек, вынесший гнет капитализма, такой крестьянин стоит на стороне рабочего. Но крестьянин, как собственник, у которого остаются излишки хлеба, привык смотреть на них, как на свою собственность, которую он может свободно продавать». Итак, в мелком производителе—душа собственника и душа труженика. В капиталистическом обществе эти «души» разъединяются, и у одних слоев берет верх первая: они врастают в капиталистическую систему; у других же—вторая: они склонны итти за пролетариатом. Наоборот, в простом товарном хозяйстве эти души не диференцированы еще, находятся в равновесии; наконец в обществе, возглавляемом рабочим классом, мелкий товаропроизводитель может быть подвергнут социалистической переделке, поскольку душе «труженика» в таком обществе легко взять верх над душой «собственника».

В 1897 году Ленин цитировал слова Скалдина о русском крестьянине и добавил: «Нашего крестьянина Скалдин в высшей степени верно и метко называет «оседлым пролетарием» (т. II, с. 316). Но нужно помнить, что уже и тогда Ленин понимал, что нельзя говорить о крестьянине суммарно, в целом. Он уже тогда знал, что для социалистической борьбы важно то крестьянство, которое он потом начал называть «беднейшим», «эксплоатируемым», «трудящимся», «полупролетарским», ибо в конце-концов такой крестьянин—«оседлый пролетарий», который при известных условиях может изжить «предрассудки» собственника.

Таким образом, товарищи, получается ясная истина, что подобно тому как крестьянин в процессе развития капиталистического способа производства превращается «в деревенскую мелкую буржуазию и сельский пролетариат» (Ленин, т. II, с. 92), так «старое, революционное народничество превратилось в идеологию мелкой буржуазии, отделив от себя (NB.—От себя! Понимают ли эти слова мои критики?—*Ив. Т.*) марксизм» (т. II, с. 84). Таким образом совершенно ясно, что крестьянский социализм народовольцев, по Ленину, превращался и превратился в «мещанский социализм» эпигонов.

Итак, вместе с Лениным мы должны отличать социализм научный от социализма не-пролетарского, от социализма домарксова. Но в этом последнем мы вместе с Лениным же различаем социализм крестьянский и социализм мещанский. Кто знает из вас «Коммунистический манифест»,

тот знает, что Маркс именно так и различал школы не-научного социализма. Буржуазный и феодальный социализм нас не интересуют, поэтому мы обращаем внимание на такое деление у Маркса: мелкобуржуазный социализм и социализм критически-утопический. Я вернусь вскоре к этим классическим страницам «Коммунистического манифеста» и сопоставлю их с делением Ленина, и вы увидите, что классификация у обоих авторов совпадает. А сейчас, как это мне ни грустно, но я должен сказать несколько слов «pro domo suo». Я в своей статье резко различаю утопический социализм от научного социализма. Мне печатно было брошено обвинение, будто я смазываю разницу между народовольцами и большевиками! А на деле моя позиция такова, что именно я каждой строчкой— я буду сейчас много цитировать,—повторяю, каждой строчкой, зная, с какого сорта читателем я имею иногда дело, вдалбливаю ту мысль, что народовольчество—социализм утопический, а большевизм—научный. Итак, буду цитировать. Когда вам надоест, вы мне скажите: довольно, вопрос ясен. Это—наша сакраментальная большевистская формула. Начинаю.

«Чтобы отчетливее понять данную здесь постановку вопроса, укажем, что автор статьи трактует ход русской истории, как типичный народник. Существовало-де когда-то «народное производство», но вот вмешался в дело новый фактор—современное самодержавное государство,— и хозяйственный строй народа гибнет, так как государство «насаждает буржуазию» («Каторга и ссылка» №№ 57—58, с. 13). На с. 14 я цитирую такие слова народовольцев: «Мы замечаем, что это государство составляет крупнейшую в стране капиталистическую силу, что оно же составляет единственного политического притеснителя народа, что благодаря ему только могут существовать мелкие хищники. Мы видим, что этот государственно-буржуазный нарост держится исключительно голым насилием». Тут я добавляю: «по сравнению с тем положением, что «буржуазия вырастает из кулака», определить ее как нарост, т. е. что-то случайное, значит сделать большой шаг назад». Слова о «голом насилии» это дань дюрингианству, а не научному социализму. На с. 15 я пишу: «Статья, из которой мы взяли цитату, не оставляет никакого сомнения в том, что под термином «народный строй» разумеется идеально конструированное простое товарное производство, а под термином «строй эксплоататорский»... производство развитое, капиталистическое. Не-марксисту-автору конечно неизвестно, что развитое капиталистическое общество самым естественным образом вырастает из простого товарного производства: наоборот, ему кажется, что «строй эксплоататорский» явился на Руси как какой-то кошмарно-злой deus ex machina». И я развиваю мысль, что весь «социализм» народовольцев заключается в том, что они хотели бы вернуться к простому товарному производству. Перейдем к с. 16. Видите, я беру страницу за страницей и не жалею, что был так предусмотрителен! Там читаем: «Без посторонней поддержки государства Разуваев (т. е. кулак—*Ив. Т.*) не может победить мужика, не может искоренить общинно-социалистической (читатель понимает, что здесь налицо утопическое прикрашивание действительности—*Ив. Т.*) основы, на которой держится мужицкая жизнь». На с. 17 читаем: «Авторы этих строк не понимали того обстоятельства, что «неразрывная слитость» в их понимании «политического радикализма» и «социализма», переворота политического и переворота экономического, является простым результатом хозяйственной отсталости России и недиференцированности по причине этой отсталости ее общественных отношений». На той же странице читатель найдет такие строки: «Пролетариат—е д и н с т в е н н ы й (было набрано

курсивом —*Ив. Т.*) класс, который может построить социализм. Народовольцы же думали, что демиургом социалистического строя может стать и мелкий производитель, т. е. были утопистами». И там же такие слова: «Народовольцы думали, что новый строй будет возвратом к улучшенному «народному производству».

Извиняюсь, что вернулся назад, к с. 12, но она дает всю установку. Я говорю: «Мы вполне бы понимали такую постановку вопроса, которая говорила бы, с одной стороны, о субъективных (курсив тогдашний—*Ив. Т.*) мечтах и планах» «Народной воли», а с другой стороны, что из этого вышло бы объективно, если бы «Народная воля» в свое время победила царизм. Можно с полнейшим основанием утверждать, что при сохранении в то время власти мировой буржуазии осуществление, скажем, лозунгов «Земли и воли» привело бы Россию не к торжеству социализма, а к бурному ее шествию по фермерскому пути капитализма (Ленин)».

Я прочту еще только одно место, потому что оно обратило на себя внимание одного из моих оппонентов—И. Татарова—и настолько тщательное внимание, что он его переврал. Я пишу: «Читатель при этом должен иметь в виду, что «социализм» (кавычки были раньше—*Ив. Т.*) мелких товаропроизводителей не то, что социализм пролетария, что речь идет у нас о последовательных этапах развития, отнюдь не тождественных (Товарищи! Неужели не ясны эти слова: «отнюдь не тождественных»?), а только более или менее сходных, близких явлений». Это место И. Татаров перепечатывает и кое-что набирает курсивом, которого у меня не было. Что же он набирает курсивом? Всякий добросовестный человек подумает: конечно те слова, на которых лежит логическое ударение всей фразы,—а такими являются слова: «отнюдь не тождественных». Ну, нет! Добросовестный человек ошибся, он забыл, что бывают читатели и критики, которые, не будучи в силах ниспровергнуть ненавистного автора, приписывают ему то, чего он не говорил, чтобы иметь хоть какие-нибудь шансы на победу по методу: «сперва оболгать, а потом разоблачить». Так и поступил Татаров. Слов: «отнюдь не тождественных» он не «заметил», зато подчеркнул слова: «более или менее сходных». Но даже и на этом он не остановился и вывел такое заключение: «Значит, социализм народовольцев—явление сходное, близкое с научным социализмом«. Как видите «испепелены» не только слова: «отнюдь не тождественных», но даже скромные наречия: «более или менее». Как назвать такой приемчик?

Итак, можно счесть установленным тот факт, что я не считаю социализм народовольцев научным, пролетарским. Но я, вслед за своим учителем Лениным, различаю в непролетарском социализме, во-первых, социализм мелкобуржуазный, мещанский и, во-вторых, критически-утопический, крестьянский. Ведь совершенно ясно, что то, что Маркс называет «мелкобуржуазным социализмом», Ленин называет «мещанским», а то, что Маркс называет «критически-утопическим», то Ленин—как вариант—называет «крестьянским социализмом». Ведь народовольчество—разновидность бабувизма. Я могу привести цитаты из одной очень официальной книги, которая называется «Большая советская энциклопедия», исторический отдел которой возглавляется таким почтенным историком, как М. Н. Покровский. Там можно прочесть, как оценивается бабувизм и бланкизм, русской разновидностью которых я считаю народовольчество. Но погодите, умерьте свою любознательность или вернее сказать любопытство, я до этого дойду, а сейчас я только категорически утверждаю,

что именно я ничем не дал повода думать, что не различаю социализма пролетария, социализма, развитого на базе материальных предпосылок, созданных капиталистическим обществом, и социализма мелких товаропроизводителей. Наоборот, через всю мою статью ясной нитью проходит эта идея.

Но для еще большей ясности я позволяю себе прибегнуть к некоей параболе, т. е. к тому, что часто позволял себе Чернышевский (относительно него я не посмел добавить, как это всегда делал Ленин—«великий русский социалист»: я боюсь теперь таких слов!) Парабола—это притча. Я прошу расценивать то, что скажу, как образ, как притчу, но ее мысль я развиваю в целом ряде мест своей статьи. Эта парабола совершенно ясно определяет мою точку зрения. Представьте себе, что в какой-нибудь местности существуют кустари сапожники. Живут, работают, благославляют небо по Сисмонди. Но вот в этой местности выстроили фабрику, продукция которой начинает вытеснять продукцию кустарей-сапожников. Я беру только фабрику, я ничего не говорю о предшествующих этапах развития, например о скупщиках. Вы сами понимаете, что притча должна уяснить только центральную мысль. Но так как я знаю, что найдутся такие умники, которые потом скажут: «Ага! вы о скупщиках ничего не сказали, и т. д. и т. д., то ради устранения лишнего аларма я нарочно оговариваю это обстоятельство. Итак, согласно моей параболе, фабрика начинает нещадно бить мелких кустарей. Кустари начинают отвечать на это жгучей ненавистью к фабрике. История нам показывает, что часто они ненавидят эту фабрику более жестокой ненавистью, чем даже те пролетарии, которые на этой фабрике работают. И часто бывает, что, когда выступают против предпринимателя, то именно этот кустарь, именно этот мелкий производитель склонен к более решительным, к более внешнереволюционным действиям, чем рабочий. Но конечно это только внешность! В чем же различие? Оно в том, что этот самый мелкий производитель хочет одного—разрушить фабрику и вернуться назад—к простому товарному производству. А пролетарий, ненавидящий буржуазию, тоже хочет задушить буржуазию, но получить в наследство ее производительные силы и, овладев ими, развить их дальше и построить социалистическое хозяйство. Вот, товарищи, кто усвоил мысль этой параболы, тот никогда никак не собьется в деле различения утопического социализма и социализма пролетарского. В прошлом году я делал доклады о Чернышевском в Саратове и здесь в Москве. Тут сидят товарищи, которые слышали мои доклады. Они могут подтвердить, что я уже в прошлом году рассказывал эту же параболу: я полемизировал при ее помощи со Стекловым, сказавшим, будто Чернышевский—родоначальник коммунизма. Тов. Фридлянд, который все время меня перебивает «критическими» восклицаниями, делает такую же, как Стеклов, ошибку; он о Чернышевском говорит так: «Его внимание к каждому шагу подлинного революционного движения в Европе делает его предтечей рабочей партии» (разрядка моя—*Ив. Т.*). Или еще: «Сын своего времени, он был гениальным предтечей грядущей эпохи». Это архиневерно и архинеосторожно, что не мешает т. Фридлянду кричать о том, что он не согласен со Стекловым. Ни в одной строчке моих писаний вы не встретите слов: «Родоначальник, предтеча», ибо я прекрасно понимаю то, что только-что было выражено приведенной мною параболой. Разрешите для полной ясности привести еще одно сравнение. Вот перед вами склад, где лежат бочки с цементом, кирпич, железо, железобетонные балки. Из них через некоторое время вырастает дом, ну, скажем, вроде дома

Института Ленина. Что же, можно ли будет сказать, т. Савельев, обращаясь к бочке цемента: «Ты—предтеча Института Ленина?» Нет, это будет неправильно. Но если я скажу, что Институт Ленина критически переработал, синтезировал бочку цемента, то это будет правильно.

Моя мысль такова: мелкий товаропроизводитель, вот этот самый сапожник, в своей борьбе с буржуазией накопляет известный опыт как в области организации, так и в сфере тактики и программных обобщений. Этот опыт пролетариат потом использовывает, критически его переработав. Понимаю ли я этот факт? Я позволяю себе процитировать опять несколько строк из своей статьи:

«В свете громадных событий последнего десятилетия, в свете гениальных синтезов ленинизма легко увидеть в построениях народовольчества целый ряд тезисов, одних,—в развитой, других—в зародышевой форме, которые суммируют великий опыт борьбы масс мелких товаропроизводителей, воспринятый, критически переработанный и обогащенный пролетариатом» (с. 36).

Вот и подлинная моя точка зрения. Потому я самым решительным образом отмежевываюсь от всех, грешащих «модернизацией» и «идеализацией» прошлого: от Горева, от Стеклова, от Лойко, от Фридлянда и еще от одного автора, которого я сейчас вам буду цитировать. Вот что например писал этот автор:

«Прежде всего в (желябовской) рабочей программе мы встречаем идею (кстати я никогда не говорю об идеях, я говорю о «зародышах» идей. Но этот автор—более властный, более маестатный—позволяет себе говорить о законченной идее.—(*Ив. Т.*), которая потом реализовалась в идею самостоятельной революционной рабочей партии...» Процитировав еще несколько мест из желябовской программы, наш историк продолжает: «Тут мы встречаем уже совершенно четкую социал-демократическую тактику». Но, не удовольствовавшись изобретением тождества с социал-демократией, автор, увлеченный собственным темпераментом, сравнивает народовольчество уже даже... с коммунизмом. Он восклицает: «Чем не семнадцатый год, когда рабочие в лице Совета рабочих депутатов зорко следили за Временным правительством и пришли к убеждению, что оно никуда не годится и его нужно выкинуть?» Правда, здесь некстати идеализируется весь «Совет рабочих депутатов», хотя всем известно, что меньшевики и эсеры вовсе не признавали Временное правительство никуда негодным, но этот промах сейчас нам не важен: важнее совершенно непозволительная модернизация народовольчества. (Голоса: Назовите автора!)

Теодорович. Вы хотите знать имя этого модернизатора? Имя его М. Н. Покровский.

Я очень прошу, чтобы т. Татаров, т. Генкина, т. Фридлянд, столь ополчающиеся против моей мнимой модернизации, указали здесь публично те свои статьи или другие выступления, где они разоблачали с такой же горячностью, с таким же возмущением уже не мнимое, а подлинное, действительное «модернизированье» со стороны М. Н. Покровского? Если они этих статей не назовут, всякий поймет настоящую цену их возмущения.

Итак, заключаю: я самым недвусмысленным, самым решительным образом, в целом ряде своих статей и выступлений, посвященных истории революционного движения, всегда развивал идею о недопустимости смешивания социализма «кустаря»—социализма мелкого товаропроизводителя,—с социализмом пролетария, но я всегда помню и помнил, что

массы мелких производителей накопляли очень ценный опыт в борьбе со своими врагами—помещиками, кулаками и капиталистами.

Товарищи, позвольте же осветить ту часть моей концепции, которая наименее понята. Когда капитализм обрушивается на мелкого товаропроизводителя, то этот последний жестоко сопротивляется ударам судьбы. Он не хочет гибнуть, совсем так, как говорится в басне Крылова: «Не хочется медведю умирать». Но он сопротивляется самыми различными путями, меняющимися как во времени, так и в зависимости от положения того слоя, который действует в данный момент. Одно крыло этих мелких товаропроизводителей рассуждает примерно так: я чувствую, что погибну, но если правительство или господствующие классы дадут субсидию, окажут кредит, поведут правильную политику цен, то я удержусь. Он хочет остаться независимым хозяйчиком.

Другой слой, учитывая опыт своего собрата, начинает рассуждать иначе: на правительство нечего рассчитывать, на совесть, на ум капиталистов нечего рассчитывать, давайте рассчитывать на самих себя. Наладим взаимопомощь, устроим кредитную, потребительскую, сельскохозяйственную кооперацию и тогда, поддерживая друг друга, сохранимся на поверхности, свернем шею капиталу.

И наконец имеется третье крыло, которое начинает на основании учета опыта всех форм борьбы заявлять: ложь, неправда—в ожидании поддержки и спасения от правительства; ничего не выйдет и из прудонистской взаимопомощи. В чем сила наших врагов? В политической власти. Прав например Артур Арну, когда он говорит: «Государством, одним только государством, причиняется ваша нищета и слабость, равно как сила и дерзость ваших врагов». Но неправ Артур Арну, когда говорит: «Разобьем эту государственную машину». Нет, захватим ее (отсюда—идея захвата власти—*Ив. Т.*) революционным путем, а захватив, повторим опыт наших же врагов: употребим эту власть, политическую власть, государственную власть на «задушение» капитализма, на «воскрешение» народного производства. Вот это так рассуждающее, третье, «левое крыло» и высказало—первое—ту мысль, которую потом так блестяще формулировал Лассаль: «За горло его и коленом на грудь!» Так вот, товарищи, этот опыт, опыт революционной борьбы целого класса, громадного класса мелких производителей целиком усвоен был пролетариатом. Для нас с вами тут нет и проблемы, конечно спасение—лишь в революции. А разве всегда так было? Разве всегда так думал рабочий класс? Разве вы не знаете, что пролетариат сплошь и рядом был в плену у легальности, в упованиях на поддержку правительства и господствующих классов. Неужели напоминать вам о том, что Ленин говорил о трэд-юнионизме. История учит, что, после того как мелкому производителю не удалось свергнуть капитализм,—так называемый мною «пролетарий-сын» говорил себе очень часто: капитализм прочен, скинуть его—утопия: жить в его «доме» придется долго—буду же устраиваться. Отсюда такие полосы движения, как наша заславщина семидесятых годов, трэд-юнионизм, похоронные кассы и т. д. и т. д. Но конечно эти иллюзии разбиваются жизнью. «Верую в мощь сберегательных касс»—эта мелодия очень скоро теряет свою власть над рабочими и тогда, обращаясь к опыту своего отца,—пролетарий-сын синтезирует свой опыт, опыт «рабочего» движения, с отцовским опытом—с опытом левого крыла мелких производителей. Эту мысль развивал в 1909 году Карл Каутский. Он говорил: «Великое дело, совершенное марксизмом для классовой

борьбы пролетариата, заключается в соединении утопического социализма (т. е. доктрины мелких производителей и пролетария-отца—*Ив. Т.*) и рабочего движения (т. е опыта первой стадии развития пролетария-сына—*Ив. Т.*)» («Предшественники новейшего социализма», с. 12). Разве не эту мысль развивал в 1902 году Ленин, когда целиком солидаризировался со словами Каутского: «Социалистическое сознание есть нечто, извне внесенное в классовую борьбу пролетариата, а не нечто, стихийно из нее возникшее» (т. V, с. 148).

Напрасно т. Фридлянд так волнуется: он ведь занимается историей социализма; он должен это знать. (Звонки председателя).

Теодорович. Хотя вы дали уже все три звонка, я все-таки не сойду с трибуны, не процитировав вам Маркса и Энгельса. (М. Савельев. «Пожалуйста, в чем дело?»).

Мне нравится ваше поощрение, я вижу, что даже в президиуме я имею друзей. Итак, у кого же взять революционный опыт? Между прочим и у мелкобуржуазных масс! Поэтому тот, кто бы пожелал критиковать добросовестно мою статью, должен именно на это обратить внимание. В самом деле, товарищи, если опыт мелких производителей помог рабочему классу притти к идее социалистической революции вообще, то этот же опыт дал мелкому производителю возможность первым додуматься до идеи захвата власти как предпосылки социалистической революции. Это же исторический факт, от этого нельзя никуда деться, от этого никак нельзя отговориться: именно мелкий товаропроизводитель, в частности у нас на русской почве,—в процессе борьбы пришел к заключению о необходимости захвата власти, чтобы «задушить буржуазию в самом зародыше», как сказали народовольцы.

Но, товарищи, дальше начинается уже разница, и конечно колоссальная. Вдумайтесь в следующие слова Ленина: «Либо оценивать капитализм с точки зрения класса мелких производителей, разрушаемого капитализмом, либо—с точки зрения класса бесхозяйных производителей, создаваемого капитализмом. Середины тут нет» (т. II, с. 344).

Тут—гвоздь всей моей концепции. Я говорю: мелкий производитель, разрушаемый капитализмом, хочет столкнуть капитализм, но, так сказать, назад,—в смысле возврата к старому, фантастически сконструированному простому товарному производству. Бесхозяйный же производитель,—пролетарий,—тоже хочет столкнуть капитализм,—но в другую сторону,—вперед! Это—громаднейшее различие. Но вытекает ли из него, что надо отрицать опыт борьбы с капитализмом? Конечно нет. А только это я и говорю. После этого у меня идут прямые цитаты из народовольческих документов. Я бы хотел, чтобы мои оппоненты вышли на эту трибуну и сказали мне: «Вот вы цитируете из литературы народовольчества, но вы неверно то-то и то-то цитируете, или то-то и то-то вы неверно понимаете у народовольцев». Никто этого не сделает. Не сделал этого сегодня и т. Невский. Он говорил мне: «Поразительно, что вы, т. Теодорович, их считаете крестьянскими социалистами, а вот Златопольский, вот Богданович—это типичнейшие политические радикалы и только». Товарищи, так полемизировать не годится. Ведь я сам пишу достаточно ясно:

Партия Народной Воли знала тоже два уклона—правый и левый. Недиференцированность общественных отношений и общественной мысли того времени привела к тому, что обнаружение этих уклонов замедлилось и они вскрылись много позднее. Основной слой жестоко страдавшего от развития капитализма мелкого товаропроизводителя имел два

фланга, левый и правый. На правом под влиянием перерастания азиатских форм капитализма в капитализм индустриальный образовывался постоянно, хотя и медленно, так называемый «товарный мужик». Этот «товарный мужик» и был почвой для «правого уклона» Народной Воли,—уклона в сторону политического радикализма, ибо «товарный мужик» нуждался очевидно не в социализме, хотя бы и утопическом, а в политической свободе как предпосылке упорядоченного капитализма» (с. 49—50).

Вы видите, что сам я сказал во сто раз решительнее, чем т. Невский с его убогими примерами насчет Златопольского и Богдановича. Он мог бы добавить и Караулова, и Николая Морозова, и целый ряд других типичных политических радикалов. Но ведь надо же понимать, что правое крыло народовольчества нельзя отождествлять с его коренным течением. Плеханов например, который является первоклассным знатоком партии Народной Воли, говорит: большинство народовольцев (вы сейчас узнаете колоритный плехановский жаргон!) принадлежало «к тихомировско-шанинскому согласию...». Пусть т. Невский прочтет плехановскую статью «Неудачная история партии Народной Воли и тогда он, во-первых, перестанет бить мне челом моим же добром, только чрезвычайно ухудшенным, и, во-вторых, поймет, что надо же отличать фланги народовольчества от его коренной струи.

Теперь мне остается только процитировать, как наши учителя—Маркс, Энгельс и Ленин—оценивали утопический социализм, показать вам, что они о нем говорили. Признавали ли они за ним какие-нибудь заслуги? Или они стояли на точке зрения товарища Малаховского, который поучал меня: «Вы умаляете заслуги большевизма». Чем? Не тем ли, что считаю Народную Волю течением утопического социализма? Я говорил, что утопический социализм—это социализм «кустаря», который хочет вернуться назад к простому товарному производству. Я разъяснил, что такой социализм—реакционен. Когда-то ставили вопрос, почему эсеры называют себя социалистами-революционерами. Ленин это очень остроумно объяснил. Он говорил: поскольку они социалисты, они- реакционеры, а поскольку они революционеры, постольку они не социалисты.

Теперь, товарищи, спустимся в склад, если не цемента, то коммунистической мысли. Посмотрим, что о таком реакционном, в известном смысле утопическом социализме говорит Энгельс в «Анти-Дюринге» на с. 243: «Утопическая сторона социалистических теорий теперь уже отошла в область истории, и мы не будем останавливаться на ней ни минуты долее, предоставив литературным лавочникам à la Дюринг самодовольно перетряхивать эти смешные фантазии.... Мы (я просил бы вас каждое слово записывать: ведь это же истинно-золотые слова—*Ив. Т.*) гораздо охотнее постараемся найти под фантастическим покровом зародыши гениальных идей, всюду разбросанные в теориях великих утопистов, но не заметные для слепых филистеров». Вдумайтесь, вслушайтесь, вчитайтесь в эти величественные слова: «Зародыши гениальных идей». Вдумайтесь, вслушайтесь, вчитайтесь в эти убийственные слова: «Слепые филистеры», «литературные лавочники». Говорю по совести: я не допускал мысли, что среди большевиков, штурмующих небо, найдутся «филистеры» и «лавочники», которые закричат об умалении заслуг ленинизма, когда услышат, что ленинизм развил в законченную пролетарскую систему зародыши гениальных идей, встречающиеся у утопистов. А я употреблял именно это слово: зародыши.

Я хотел в своей статье научить молодежь умению ценить заслуги старых революционеров. Я нахожу, что прав, совершенно прав поэт, сказавший по нашему адресу: «Верь в свет иной! Иным мечом борись! Но кто стезей страданий и печали шел до тебя, пред теми преклонись!» Этому я хотел научить нашу молодежь в своей статье.

Теперь обратимся еще к одному центральному документу нашей мысли,—к «Коммунистическому манифесту». Посмотрим, как он относится, с одной стороны, к критически-утопическому социализму, а с другой, к социализму мелкобуржуазному, мещанскому. Начнем с того, что пишет «Коммунистический манифест» даже не о критически-утопическом, а о гораздо ниже им расцениваемом мещанском социализме, близком не к социализму народовольцев, а к «социализму» эпигонов народничества. Но прежде вспомним, что Ленин писал об эпигонах: «Сравнивая доктрину Сисмонди с народничеством, мы видим по всем почти пунктам поразительное тождество, доходящее иногда до одинаковости выражений. Экономисты-народники стоят целиком на точке зрения Сисмонди» (т. II, с. 219). Итак, теперь посмотрим, что же писал Маркс о Сисмонди, т. е. косвенно и о наших эпигонах. «Так возник,—говорит он,—мелкобуржуазный социализм. Сисмонди стоит во главе этого рода литературы не только во Франции, но также и в Англии. Этот социализм прекрасно (NB—*Ив. Т.*) умел подметить противоречия современных условий производства. Он разоблачил мишурные прикрасы экономистов. Он неопровержимо доказал разрушительное действие машин и разделения труда, концентрацию капиталов и землевладения, перепроизводство, кризисы, неизбежную гибель мелкой буржуазии и крестьянства (NB. обратите кстати внимание, что здесь не отождествляются мелкая буржуазия и крестьянство—*Ив. Т.*), нищету пролетариата, анархию в производстве, вопиющие неправильности в распределении богатства, разорительную промышленную войну наций между собой, разложение старых нравов, старых семейных отношений, старых национальностей» («Коммунистический манифест», изд. 1923 г. с. 92).

Товарищи, вы знаете, что имеются такие анархисты (т. Татаров,—говорю между нами,—не самые умные из анархистов),—которые заявляют, что Маркс—плагиатор. Ни более, ни менее. Но нам-то разве придет в голову обвинять Маркса в умалении заслуг Маркса, поскольку он перечисляет здесь как установленные мелкобуржуазным социализмом зародыши почти всех основных идей, которые он потом развил? Конечно нет. Ведь дело заключается в том, что, как говорил об этом Ленин, как говорится об этом в моей статье, мы можем брать опыт прежних движений, в данном случае опыт Народной Воли, но его следует переработать, критически видоизменить, синтезировать! Только это я хотел сказать (Ц. Фридлянд: «Только это?»). Да, только это и ничего больше.

Теперь, товарищи, посмотрим, что же говорят наши учителя не о мещанском, а о критически-утопическом социализме. За недостатком места я не буду цитировать того параграфа «Коммунистического манифеста», который говорит о критически-утопическом социализме и коммунизме. Отсылаю вас к подлиннику. Скажу только, что Маркс и Энгельс говорят неизмеримо резче и больше, чем говорю я: они говорят об этом социализме, как о «революционной литературе», сопутствовавшей «первым движениям пролетариата» (с. 98). Позднее Энгельс говорил уже не о пролетариате, а о предпролетариате. Я же говорю вслед за Лениным гораздо осторожней: о «мелких производителях» и отчасти о «предпролетариате», т. е. о «пролетарии-отце».

В 1897 г. Ленин писал о критических утопистах: «Указанные писатели предвосхищали (NB. Обратите внимание на это слово: за него на меня обрушились горе-оппоненты!—*Ив. Т.*) будущее, гениально (NB.—*Ив. Т.*) угадывали тенденции той ломки, которую проделывала на их глазах прежняя машинная индустрия» (т. II, с. 257).

Через пять лет, в 1902 году, Ленин с полнейшим солидаризированием цитирует следующие слова Энгельса: «Немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна,—трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили (NB!!!—*Ив. Т.*) бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно (т. V, с. 137). Обратите внимание на полное совпадение у Энгельса и Ленина даже отдельных выражений: «Гениальные предвосхищения» и т. д. Но скажите, придет ли кому-нибудь из сидящих здесь в голову обвинять Ленина в умалении заслуг научного социализма за то, что он нашел у утопистов зародыши многих основных идей марксизма? Только комханжи, только комфилистеры способны были бы на это! Но ведь и я сказал не больше того, что говорил Ленин: я прошу найти у меня хотя бы одно место, где бы я сказал что-нибудь большее, чем эта мысль.

Товарищи, все это докажет дальнейшая полемика, но только не надо передержек и подтасовок. Если я действительно ошибся, то критикуйте настоящие ошибки, а не изобретенные. Татаров например сделал не меньше 25 литературных.. . искажений, чтобы не сказать острее и резче. Но когда выйдет моя брошюра, все увидят его портрет в натуральную величину: он сам найдет его безобразным. Как это ни противно, но я должен выступить на борьбу с падением литературных нравов: нельзя этого больше терпеть!

В заключение позвольте кончить шуткой. У Шарля де-Костэра в его «Легенде об Уленшпигеле» рассказывается, как спорили два еврея. Один сидел на четвертом этаже, а другой кричал ему снизу: «Эй, сойди сюда, я тебя так тресну по башке, что она у тебя провалится в грудную клетку и ты будешь смотреть сквозь ребра, как арестанты сквозь тюремную решетку». И. Татаров, выступавший против меня, написал, что в недалеком будущем вы все будете наслаждаться великолепным зрелищем, как т. Теодорович будет корчиться на острие пики М. Н. Покровского. У Татарова плохое воображение и недостаточно красочный язык. В этом смысле он далеко уступает своему средневековому духовному «предтече» (извиняюсь перед Фридляндом за плагиат). Иначе Татаров бы добавил после слов: будет корчиться,—слова: «в неописуемых муках». Это было бы.... покрепче! Но, товарищи, другой еврей ответил первому хитро. Он сказал так: «Обещай ты мне и в сто раз больше колотушек, я и то не сойду». А я, товарищи, сошел к вам вниз: ибо я не боюсь ни пики пикадора, ни тряпки матадора. Я пришел, чтоб сказать, что великие наши учителя—Маркс, Энгельс и Ленин,—учили нас уважать чужой опыт, конечно не слепо ему следуя, а критически его перерабатывая. Вы уже слышали, что даже Толстого в частности Ленин находил способным в известные моменты, в известной обстановке просвещать передовые классы. Если в результате нашей дискуссии получится такое трезвое понимание, такая справедливая оценка утопизма, я буду считать свое дело сделанным.

СОДОКЛАД И. ТАТАРОВА.

Вопрос о «Народной Воле» следует поставить—и это будет вполне правильно—в двух разрезах. Во-первых, надо выяснить, что собою представляла «Народная Воля», и определить ее классовую сущность. Во-вторых, что из «Народной Воли» вошло в арсенал нашей партии, что является «наследством» народовольцев, что мы переняли у них. Мы должны рассмотреть этот вопрос, который Ленин поставил в своей самой ранней работе, в работе, посвященной борьбе с народничеством: «Как следует отнестись рабочему классу к мелкой буржуазии и ее программам» [1].

В дискуссии помимо чисто-исторического разбора нам крайне важно подчеркнуть и момент политический.

Проблема отношения к крестьянству, ко всем течениям внутри крестьянства, к политическим программам, рождающимся в крестьянстве, это—проблема, которая не сходит с порядка дня всех наших революций. И совершенно понятно, что этот же вопрос мы должны поставить в историческом освещении «Народной Воли».

Когда говорят о «Народной Воле», надо прежде всего ответить на следующий вопрос: о каком периоде в истории «Народной Воли» должна итти речь, какую «Народную Волю» надо иметь в виду? «Народная Воля» складывается уже в недрах «Земли и Воли». Было бы близорукостью не видеть того, что «Народная Воля» уже в значительной степени в 78-м году, фактически складывается внутри «Земли и Воли». Она еще пока организационно не оформилась, но народовольческие тенденции уже побеждают, они становятся основными в кружках «Земли и Воли». И заслуга М. Н. Покровского заключается именно в том, что он подметил это обстоятельство, что «Народная Воля» существует уже в недрах «Земли и Воли». «Народная Воля» не прекращает своего существования после 1 марта. Мы знаем и такую яркую попытку, мимо которой историку никак нельзя пройти, как попытку создания Молодой партии «Народной Воли». Следует отметить и такое явление, чрезвычайно важное в дальнейшей эволюции народовольчества, как, например, кружок так называемого второго «1 марта»,—кружок А. И. Ульянова, Шевырева, Генералова. Наконец, в 90-х годах организуется партия «Народного права», которую Ленин характеризует, как прямое и логическое продолжение народовольчества.

Так вот, о какой «Народной Воле», о каких этапах в народовольчестве мы говорим? Мы должны в центре нашего внимания поставить народовольцев эпохи 1 марта. Исторически отграничивая от последующих этапов, мы не опускаем, мы не выбрасываем позднейшее народовольчество. Мы рассматриваем народовольческие идеи в их развитии, в их эволюции, но основным моментом, нас интересующим, является эпоха 1 марта. Именно, Ленин, рассматривая народовольчество 1 марта как отправной пункт, не изолирует его от всего народовольческого движения. Как он изображает весь процесс развития народовольчества? «Вера в коммунистические инстинкты мужика, естественно, требовала от социалистов, чтобы они отодвинули политику и «шли в народ». За осуществление этой программы взялась масса энергичнейших и талантливых работников, которым на практике пришлось убедиться в наивности представления о

[1] Ленин, Собр. соч., т. I, с. 184, изд. 2.

коммунистических инстинктах мужика. Решено было впрочем, что дело не в мужике, а в правительстве,—и вся работа была направлена на борьбу с правительством,—борьбу, которую вели одни уже только интеллигенты и примыкавшие иногда к ним рабочие. Сначала эта борьба велась во имя социализма, опираясь на теорию, что народ готов для социализма, что простым захватом власти можно будет совершить не политическую только, а и социальную революцию. В последнее время эта теория видимо утрачивает всякий кредит, и борьба народовольцев с правительством становится борьбой радикалов за политическую свободу» [2].

Изучая каждый этап в народовольчестве, изучая всю эволюцию народовольчества, мы не должны отрывать революционного народничества от народничества в целом, от народничества как огромного движения определенного класса, который видоизменялся, развивался, эволюционировал и т. д. Эту мысль Ленин подчеркивает в «Что такое друзья народа», когда он подводит уже итоги полемики с либеральными народниками. Я считаю, что решающей цитатой в нашем споре является следующая:

«Прошу заметить,—пишет Ленин,—что я говорю о разрыве с мещанскими идеями, а не с «друзьями народа» и не с их идеями (разрядка моя—*И. Т.*), потому что не может быть разрыва с тем, с чем не было никогда связи. «Друзья народа»—только одни из представителей одного из направлений этого сорта мещанско-социалистических идей. Если я по поводу данного случая делаю вывод о необходимости разрыва с мещанско-социалистическими идеями, с идеями старого русского крестьянского социализма *вообще* [3], то это только потому, что настоящий поход против марксистов представителей старых идей, напуганных ростом марксизма, побудил их особенно полно и рельефно обрисовать мещанские идеи. Сопоставляя эти идеи с современным социализмом, с современными данными о русской действительности, мы с поразительной наглядностью видим, до какой степени выдохлись эти идеи, как потеряли они всякую цельную теоретическую основу, спустившись до жалкого эклектизма, до самой дюжинной культурническо-оппортунистической программы. Могут сказать, что это—вина не старых идей социализма вообще, а только данных господ, которых никто ведь и не причисляет к социалистам; но подобное возражение кажется мне совершенно несостоятельным. Я везде старался показать необходимость такого вырождения старых теорий, везде старался уделять возможно меньше места критике этих господ в частности и возможно больше общим и основным положениям старого русского социализма» [4].

Повторяю, товарищи, это—решающее место!

Из этой точки зрения следует исходить при рассмотрении народовольчества как определенного этапа в общем развитии всего народнического движения.

Изучая историю народовольческого движения, мы анализируем его программу, тактику, организацию. Совершенно понятно, что всякий марксист меньше всего доверяет тому, что народовольцы говорят сами о себе. Мы всегда имеем дело с классовым анализом, и прежде всего нужно изучить те социально-политические причины, которые породили данное движение в его конкретном развитии. Мы, конечно, обязаны «выслушать»

---

[2] Ленин, Собр. соч. т. I, с. 175, 2-е изд.
[3] Разрядка моя; курсив Ленина—*И. Т.*).
[4] Ленин, Собр. соч., т. I, с. 183, 2-е изд. (Разрядка моя—*И. Т.*).

все, что говорят сами народовольцы. У т. Теодоровича вся его статья и все его доводы построены на наивной вере. Он верит их каждому слову, всему, что говорят народовольцы о себе. Приведу пример. Что представляет собой «Народная Воля»—группу, кучку, крепко сплоченную небольшую организацию или такую организацию, которая опирается на массы, которая стремится к массам, которая является партией, ориентирующейся на массы, массовой партией? Тов. Теодорович приводит массу цитат о том, что «Народная Воля» ориентируется на массы. Для доказательства он ссылается на «Программу», на «Вестник „Народной воли“» и т. д. Но вот что мы читаем по поводу программы у одного из авторов ее, да еще в таком авторитетном документе, как «Подготовительная работа партии»:

«Что касается организации в настоящее время в массе крестьянства, то она признавалась в эпоху составления программы совершенной фантазией, и, если не ошибаемся, дальнейшая практика не могла изменить в этом отношении мнений наших социалистов».

Веря всякому слову народовольцев, т. Теодорович даже не пытается сопоставить одни показания с другими, не противопоставляет одни высказывания другим, произвольно вырывает отдельные места. Как он это делает, об этом говорил т. Невский.

Еще одно замечание относительно позиции т. Теодоровича. Сегодня он подтвердил своим выступлением, что он не стоит на марксистской точке зрения. Он сводит общественные процессы к естественным процессам. Вот что пишет т. Теодорович: «Классификация различных школ, течений, направлений утопического социализма представляет значительные трудности, как впрочем классификация в любой отрасли знания. Ботаникам, например, известно, как трудно определять многочисленные виды ивы (вербы). Там и здесь трудность обусловливается чрезвычайной легкостью образования помесей. Гибридные формы в области идей столь же часто встречаются, как гибриды в мире животных и растений. Классификация, предлагаемая нами, построена на комбинировании двух признаков» [5].

И дальше идут эти признаки классификации, из которых явственно следует, что он вместо классового анализа становится на точку зрения «биологизма».

Обратимся к классовой характеристике народовольчества 70—80-х годов. Развитие капитализма создало такие отношения, при которых началось разложение крестьянства. Это разложение крестьянства еще не определилось в достаточной мере, еще не выявилось окончательно, оно еще не проявляет открыто мелкобуржуазных тенденций. Эти тенденции в крестьянстве еще не прощупываются, но они существуют, они проникали внутрь общины, внутрь крестьянского хозяйства и т. д. Развивающийся капитализм наталкивается на многочисленные остатки крепостничества. Крепостнические остатки—вот гвоздь борьбы, которая завязывается с нарождением и развитием капитализма. И вот на этой-то почве возникают определенные отношения класса мелких товаропроизводителей. А как т. Теодорович изображает дело? Он сегодня здесь говорил, что мелкий производитель—это натуральное хозяйство, а что мелкий товаропроизводитель—это денежное хозяйство. Идет борьба между денежным и натуральным хозяйством.

Мелкий товаропроизводитель обладает всеми чертами, присущими денежному хозяйству. Но это мы видим-де в достаточной степени только

---

[5] «Каторга и ссылка» № 8-9, ст. 25).

к 90-м годам. Поэтому, утверждает т. Теодорович, народовольцы были утопическими социалистами, они были идеологами мелкого производителя, а народники в 90-х годах представляли идеологию мелких товаропроизводителей. Я утверждаю, что такая точка зрения есть не что иное, как неправильная оценка мелких товаропроизводителей, идеализация мелкого производителя. Это—неправильная оценка той реальной действительности, которая имела место в 70-х годах.

Тов. Теодорович: Значит, не было натурального хозяйства?

Тов. Татаров: Я говорю о том, что у нас борьба шла по другой линии. Шла борьба нарождающегося капитализма, развивающегося капитализма с остатками крепостничества. А вы путаете эту проблему, ставя вопрос о натуральных отношениях и денежных отношениях. И совершенно понятно отсюда, что основная проблема—борьба капитализма с крепостничеством—совсем исчезает из вашего поля зрения.

Итак, по Теодоровичу существует в эпоху «Народой Воли» мелкий производитель, ничего общего с капитализмом не имеющий, а потом мелкий товаропроизводитель, который является социальной основой народничества 90-х годов. Однако иногда он сбивается с этой позиции и говорит и о мелком производителе и о товаропроизводителе.

Теперь относительно последнего положения т. Теодоровича.. Так как время уже позднее и настроение такое, что большинство спешит и хочет расходиться, то мне поневоле придется сократиться и мне не придется коснуться истории самой «Народной Воли»—отчасти я это делаю в тезисах *. Я затрону тогда вопрос о том, что мы берем от «Народной Воли». Тов. Теодорович считает, что «Народная воля»—это организация, которая опиралась то на мелких производителей, то на товаропроизводителей и на пролетариат. Его основное положение, которое он развивает, заключается в том, что пролетариат настолько близок к мелкому товаропроизводителю, что смазывается грань, их разделяющая. Это сказалось в смазывании различия идеологии пролетариата и мелкого товаропроизводителя.

Что же пролетариат берет от «Народной Воли»? Вот, что пишет по этому поводу т. Теодорович:

«Для социалистической революции, совершенной рабочими под руководством большевиков в октябре 1917 г., характерной является следующая установка. Надо, взявши власть, во-первых, разбить старую государственную машину; во вторых, на развалинах буржуазной формы государства создать новый его тип—«государство Советов»; в-третьих, воспользоваться новым типом государства для того, чтобы начать выращивать элементы социалистической экономики и, наконец, в-четвертых, установить, что этот процесс взращивания предполагает существование, более или менее продолжительное, так называемого «переходного периода». (К этому абзацу следует примечание: «Нужно помнить, что, по учению Ленина, в переходный период действует особая форма государства—диктатура пролетариата»). Внимательное изучение народовольческих документов, продолжает т. Теодорович, приводит нас к констатированию того факта, что в результате своего (разрядка т. Теодоровича—*И. Т.*) богатого политического опыта идеологи мелкого товарного производителя

---

* Ред. Тезисы тов. Татарова, одобренные секцией истории ВКП(б) и ленинизма О-ва историков-марксистов и принятые в основном Культпропом ЦКВКП(б), опубликованы 9 апреля в «Правде».

уже нащупывали, в одних случая — более, в других — менее ясно, все вышеперечисленные четыре момента» [6].

Эта—основная мысль т. Теодоровича. Он считает, что все моменты, характеризующие советскую власть, характеризующие у нас диктатуру пролетариата, строящийся социализм,—все эти моменты мы имеем в произведениях «Народной Воли». Иначе говоря, вся наша позиция, вся наша теория, ленинизм—все это лишь продолжение и развитие программных, теоретических и тактических позиций «Народной Воли». Это основная установка т. Теодоровича, но это глубоко неверная установка. Почему неверная? Что мы действительно взяли от «Народной Воли»? Мы взяли «от Народной Воли» главное, что ее характеризует,—борьбу с самодержавием. «Народная Воля» была организацией, которая ставила своей главной задачей борьбу с самодержавием, которая практически занималась именно этой стороной и внимание всего народнического движения привлекала к этой стороне борьбы, к борьбе с самодержавием.

«Народная Воля» создала крепкую дисциплинированную, законспирированную организацию. Правда, эта организация в большей своей мере уже была предвосхищена «Землей и Волей», но «Народная Воля» в наиболее законченной форме создала такую организацию.

Мы переняли и эту сторону.

Наконец, третий момент — «Народная Воля» действительно показала тип революционера, который потом перешел к нам. И это — одна из основ наследства «Народной Воли». Все наследство народовольчества было большевизмом переработано, поставлено с головы на ноги.

Теперь, что собой представляет социализм «Народной Воли»? Тов. Теодорович не понимает одного, что социализм революционного народничества, социализм народовольцев с неизбежностью вел их к перерождению в мелкобуржуазных радикалов. Для социализма народовольчества характерно вовсе не то, что ему приписывает т. Теодорович. Тов. Теодорович считает, что Маркса сближала с народовольцами идея единого планового начала. На самом деле основоположники научного социализма, Маркс и Энгельс, видели в «Народной Воле» ту организацию, которая сумеет сломить, опрокинуть самодержавие. Энгельс, подводя итог всему тому, что было сказано Марксом и им о «Народной Воле», пишет, говоря об эпохе быстрого роста социализма во всех европейских странах:

«В общем движении приняла участие и Россия. Здесь, как и следовало ожидать, движение это приняло форму решительной борьбы против царского деспотизма с целью завоевания свободы для духовного и политического развития нации. Вера в чудодейственную силу общинного землевладения, из недр которого будто бы может и должно явиться социальное перерождение, — вера, от которой не был совсем свободен, как мы видели, и Чернышевский, — сделала свое дело, подняв воодушевление и энергию героических русских борцов. Их было несколько сот человек, но своей самоотверженностью и отвагой они довели царский абсолютизм до того, что он уже принужден был подумывать о возможности и об условиях капитуляции. Таких людей мы не потянем в суд за то, что они считали свой народ избранным народом социальной революции. Но это вовсе не обязывает нас разделить их иллюзию» [7].

---

[6] «Каторга и ссылка», № 89, стр. 36.
[7] Энгельс, Статьи 1871—1875 гг., П. 1919, с. 85. (Разрядка моя—*И. Т.*).

Энгельс видел в народовольцах революционных борцов против самодержавия.

Ошибка, которую совершил Плеханов, ошибка, которую совершали все меньшевики, заключалась в том, что они не понимали революционно-демократического движения крестьянства. Они не понимали того основного революционирующего значения, какое имело выступление народничества в целом. Вот что пишет Ленин: «Воюя с народничеством, как с неверной доктриной социализма, меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое содержание народничества как теории массовой мелкобуржуазной борьбы капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского», против капитализма прусского. Отсюда их чудовищная, идиотская, ренегатская идея, что крестьянское движение реакционно, что кадет прогрессивнее трудовика»... [8].

Но совершенно напрасно т. Теодорович приписывает такую же точно мысль М. Н. Покровскому. Прежде всего, если говорить об ошибке, то в ней повинен и сам Теодорович. И. Теодорович указывает, что в «Русской истории в самом сжатом очерке» Мих. Ник. делает народовольцев «освобожденцами». Это же и в «Очерках русского революционного движения». «Одно крыло революционеров, — цитирует Покровского Теодорович, — ... взяло курс на рабочий класс... Другое крыло, во главе которого стоял Желябов, взяло курс на буржуазию». Такая оценка, конечно, не противоречит цитате из «Русской истории» 1929 г. (1929 год!?—ну и приемчик! *И. Т.*).

Эту мысль он ставит в вину Покровскому. Что же пишет сам т. Теодорович? Я приведу одно место не из его статьи, а из предисловия к книжке Русанова «В эмиграции». Сопоставьте это с тем, что он говорил сегодня о политрадикалах. В этом предисловии он пишет следующее: «Еще и раньше было известно, что, например, история «Народной Воли» являлась в сущности союзом трех течений: во-первых, политического радикализма, хватающегося за терроризм, как наиболее сильное из средств, имеющихся — за отсутствием масс — в его распоряжении; во-вторых, бланкизма, идеологии левого крыла товаропроизводителя, мечтающего о захвате политической власти для свержения капиталистической системы производства; и, в-третьих, зародышевого, еще не самоутвердившегося социал-демократизма». [9].

Как можно после этого обвинять Покровского? Тут вы имеете у Теодоровича, правда, не два течения, а три. У него вы находите тоже «политрадикалов», вы находите и зародыш социал-демократии. После этого можно утверждать, что и т. Теодорович стоит на точке зрения Плеханова. М. Н. Покровский не стоит на точке зрения Плеханова. Основное в том, что написал Покровский — это то, что он показывает место «Народной Воли» — между либерализмом и рабочим движением. И это совершенно правильно. «Народная Воля» не понимала классовых различий между движением буржуазии и между движением крестьянства. Но она жестоко критиковала либералов. Она жестоко восставала против нерешительности, дряблости, против того, что либералы осуждали их революционную тактику.

---

[8] Ленин. Собр. соч., т. XX, ч. 1, с. 315, изд. 1-е.

[9] Н. Русанов, «В эмиграции», М. 1929. Предисловие Теодоровича, с. 11.

В социализме народовольчества, как и во всем народничестве, конечно нет ни грана социализма. И главная ошибка т. Теодоровича в том, что он приближает,—не отождествляет, это было бы совсем уже нелепостью, а приближает,—утопический социализм народовольцев к социализму пролетарскому. Можно привести для доказательства и то место из его статьи, в котором он ясно говорит о том, что диктатура пролетариата, основные ее моменты в зародыше были уже предвосхищены народовольцами, что корни диктатуры пролетариата нужно искать в народовольчестве. Утверждая это, т. Теодорович совершает серьезную ошибку, потому что наше наследство мы воспринимали иначе, чем предполагает т. Теодорович.

Если вы возьмете тот вопрос, по которому расходилась «Народная Воля» с зарождающейся группой марксистов, возьмете переговоры и споры, имевшие место в 1882 г., с будущими основателями группы «Освобождение Труда», то вы увидите, что раскол был на почве понимания проблем взаимоотношения социализма и политической борьбы. Именно социализм и политическая борьба, т.-е. иначе говоря, отношения к пролетариату, готовому бороться за социализм, готовому в борьбе опрокинуть самодержавие, именно этот вопрос развел «Народную Волю» с будущими основателями группы «Освобождение Труда». Вопрос о социализме и политической борьбе не был решен «Народной Волей». Но этот вопрос ставился рабочим движением, зарождающимся рабочим движением 70-х годов. А т. Теодорович не заметил, что линия развития, сочетание социализма и рабочего движения у нас шли иначе, чем он представляет себе. В 70-х годах первые рабочие организации, нарождающееся рабочее движение ставит этот вопрос, но оно его еще не разрешает, теоретически его впервые разрешает группа «Освобождение Труда», а наполняет содержанием наша партия. И естественно, что эта линия, которую мы проводим, показывает, что ничего общего социализм пролетариата,—ничего общего, а не только схожего, или приближающегося, не говоря уже тождественного,—социализм пролетарский не имеет с «утопическим социализмом» народовольцев.

Тов. Теодорович, поскольку он совершает явную ревизию ленинского представления о наследстве, вместе с тем должен изменить и социальную базу народовольчества. И не случайно он выводит «пролетария-отца» как основу народовольчества, не случайно он должен видоизменить классовую основу народовольчества и этим самым полностью отказаться от ленинской постановки вопроса о том, что представляет собой революционное народовольчество.

В заключение я хочу остановиться только на одном моменте. Как характеризует Ленин народничество XX в.—народническое движение в Китае?

Вот что Ленин пишет о сунъятсенизме в 1912 г.:

«Китайская демократия не могла свергнуть старого порядка в Китае и завоевать республику без громадного духовного и революционного подъема масс... А в Европе и Америке, от которой передовые китайцы, все китайцы, поскольку они переживали этот подъем, заимствовали свои освободительные идеи, на очереди стоит уже освобождение от буржуазии, т. е. социализм. Отсюда неизбежно возникает сочувствие китайских демократов социализму, их субъективный социализм.

Они субъективно социалисты, потому что они против угнетения и эксплоатации масс. Но объективные условия Китая, отсталой земле-

дельческой, полуфеодальной страны, ставят на очередь дня в жизни чуть не полумиллиардного народа лишь один определенный, исторически-своеобразный вид этого угнетения и этой эксплоатации, именно феодализм...

И вот оказывается, что из субъективно-социалистических дум и программ китайского демократа на деле получается. . программа уничтожения одной только феодальной эксплоатации.

В этом суть народничества Сун-Ят-Сена, его прогрессивной, боевой, революционной программы буржуазно-демократических аграрных преобразований и его, якобы, социалистической теории» [10].

То же самое можно сказать и по отношению к Народной Воле. «Субъективный социализм» Народной Воли выражал революционный протест против крепостнических остатков, против всего того, что мешало развитию, как Ленин называет, американского пути развития капитализма, «демократического» капитализма, как он говорит. Это бесспорно. А т. Теодоровичу повидимому это непонятно. Он не понимает отношений мелких товаропроизводителей к капитализму, и поэтому он сближает социализм мелких производителей с социализмом пролетариата, не видя того, как мелкий товаропроизводитель на определенной ступени развития капитализма внутри себя лишь скрывает от внешнего мира мелкобуржуазную сущность, а потом ее выявляет. Это и есть идеализация мелких товаропроизводителей. А в наших условиях идеализация мелких товаропроизводителей есть не что иное, как воскрешение народничества. Вот почему мы т. Теодоровича обвиняем в том, что он воскрешает народничество.

ПРЕНИЯ

Э. Генкина в начале своего выступления констатирует, что заслушанные три доклада о «Н.В.» выражают три совершенно различных точки зрения на вопрос. Это обязывает участников дискуссии прежде всего обратить внимание на методологическую сторону проблемы народничества, на самую постановку изучения «Н.В.».

Доклад т. Теодоровича представляет собой замаскированное отступление от тех позиций, которые он защищал в своей статье, но и это отступление не делает данную в докладе оценку «Н.В.» правильной. Противоположная точка зрения т. Невского так же неприемлема. Яснее всего она изложена в его статье «О группе освобождения труда» в «Революционном сборнике». Диференциацию народничества на отдельные группы и течения т. Невский справедливо связывает с борьбой классов и классовой диференциаций 70-х и 80-х годов. Но совершенно неверно его утверждение, что через народовольчество либеральное течение народников эволюционировало к кадетам, а через «Черный передел» «левые» шли к социал-демократии. В своем докладе Невский опять сосредоточил главное внимание на эволюции «Н.В.» к либерализму и совершенно затушевал преобладающее среди народовольцев революционно-демократическое течение. Другая его ошибка—в отождествлении ленинской и плехановской оценок «Н.В.». Особенно бросается в глаза неверность его утверждения, будто Ленин и Плеханов были согласны в оценке народничества, но расходились лишь во взглядах на крестьянское движение. Такой разрыв в

---

[10] Ленин, Собр. соч., т. XX, ч. 1, с. 347, 1-е изд.

оценке народничества и крестьянского движения для марксиста методологически невозможен. Напротив, Ленин подчеркивал связь между тем и другим. В своем письме к Степанову-Скворцову он прямо пишет, что «отсюда (т. е. из неверной оценки народничества) вытекает и идиотская ренегатская идея, что крестьянское движение реакционно».

Для того, чтобы методологически правильно подойти к критике взглядов т. Теодоровича, следует воспользоваться его советом—обратиться к ленинской постановке вопроса о «Н.В.». У Ленина на этот счет можно найти пять основных указаний:

1) четкая классовая характеристика народничества, как определенного движения, взятого в целом, в отвлечении от отдельных этапов его развития. Вот эта характеристика: «Народничество есть идеология, есть движение крестьянской демократии в России»;

2) методологическое указание, как следует подходить к изучению отдельных этапов народничества в связи с развитием крестьянского движения в России. Здесь основным является ленинское разграничение между крестьянским и мещанским социализмом;

3) характеристика сущности народнической идеологии, как двух протестов: против капитализма, с одной стороны, и против крепостничества—с другой. Поэтому ленинская оценка Чернышевского, как одновременно утопического социалиста и крестьянского демократа, может быть вполне перенесена на народничество в целом. Такой двойной протест против капитализма и крепостничества был характерен и для самого крестьянского движения, происходившего в сложной и противоречивой обстановке пореформенной России;

4) решение вопроса о наследстве «Н.В.» в том смысле, что для революц. социал-демократии ценен не столько утопический социализм народовольцев, сколько опыт их революционно-демократической борьбы; и наконец,—

5) предостережение как против эсеровской переоценки крестьянского движения, так и против меньшевистского пренебрежения им, а отсюда и правильная постановка вопроса о «Н.В.», чуждая в равной степени и недооценке «Н.В.», и опрометчивому стиранию границ между мелкобуржуазным и рабочим социализмом.

Тов. Теодорович не оспаривает этих положений Ленина, но его собственные построения решительно противоречат им.

В своем докладе т. Теодорович, в согласии с Лениным, определяет «крестьянский социализм» «Н. В.» как идеологию мелкого производителя, не превратившегося еще в мелкого буржуа,—т. е. крестьянина докапиталистической формации. Между тем в своей статье т. Теодорович доказывает, что революционное народничество отражало интересы разоряемого капиталом, истекающего кровью товаропроизводителя—пролетария-отца. Тов. Теодорович наметил исторически развертывающуюся цепь явлений: мелкий производитель—мелкий товаропроизводитель—разоряемый товаропроизводитель—пролетарий-отец—пролетарий-сын,—и, увлекаемый своим темпераментом, провел идеологию «Н. В.» по всем этим ступеням от утопического крестьянского социализма почти вплоть до пролетарского научного социализма. Вопрос о подлинной классовой опоре «Н.В.» оказался таким образом совершенно смазанным. Тов. Теодорович должен прямо сказать, считает ли он народовольчество переходом к пролетарскому социализму?

В вопросе о периодизации народничества существенно указание Ленина, что теоретические ошибки революционных народников

оправдываются тем, что в их переходное время расслоение крестьянства еще очень слабо обозначалось, между тем как в 90-х годах эпигоны народовольчества сознательно игнорировали очевидные факты разложения общины, превращения крестьянина в мелкого буржуа и пр. Это различение ускользает в определении т. Теодоровичем народовольчества, как идеологии крестьянства, не превратившегося в мелкую буржуазию.

Ленин признавал борьбу народников против капитализма реакционной и соответствующим образом оценивал их социализм, как «социалистическую фразу», в которой «на самом деле ничего социалистического нет»; прогрессивной стороной их деятельности он считал борьбу с феодализмом, крепостничеством. Наоборот, т. Теодоровича гораздо больше привлекает социалистическая доктрина «Н.В.», чем объективно-революционное содержание народовольческого движения. В результате, желая всячески подчеркнуть заслуги «Н.В.», Теодорович на деле сводит ее значение к тому, что она как идеолог мелкого товаропроизводителя «протестует против капитализма и тянет назад» в противоположность пролетарскому социализму, который «тянет вперед». Таким образом показана реакционная сторона «Н.В.» и затушеваны ее революционные заслуги в борьбе за фермерский путь развития России. Ленин, говоря о том, что «Н.В.» стремилась к «крестьянской социалистической революции», вовсе не думал, подобно Теодоровичу, что такая революция возможна; в его глазах борьба за такую «социалистическую революцию» была «объективно» борьбой «за крестьянско-буржуазную революцию».

В своем стремлении стереть грани между народовольческой революционной тактикой и тактикой рабочей революции т. Теодорович дошел до прямого искажения текста «Н.В.», неполного и одностороннего цитирования. Он пытался доказать, что «Н.В.» не мыслила политического переворота вне массового революционного движения. Между тем беспристрастное чтение «Н.В.» позволяет говорить лишь о своеобразной теории «совпадения» захвата власти заговорщиками с социальным переворотом. Но при этом народовольцы всегда оставляли за собой «почин», ожидая лишь, что «потом, возможно, народные массы поддержат. . .». Ждать же массового движения и агитировать за него среди крестьян они считали ненужным. Дальше у т. Теодоровича идут бесчисленные сближения между народничеством и ленинизмом, из которых самым невероятным является сближение ленинского учения о партии (проблемы стихийности и сознательности) с субъективной социологией Лаврова.

Признавая необходимость учиться на опыте старых поколений революционеров, надо решительно отвергнуть мысль, что можно учиться у народовольцев ленинизму.

В. Малаховский. Участники настоящей дискуссии не могут ставить перед собой задачу ответить исчерпывающе на все вопросы истории «Н.В.»; хорошо, если они смогут дать только оценку исторического значения народовольчества. Эта задача тем труднее, что один из докладчиков—т. Невский—просто уклонился от такой оценки «Н.В.», другой же—т. Теодорович—дал оценку путанную и неправильную.

Тов. Невский, защищая М. Н. Покровского от нападок Теодоровича, напрасно старавшегося навязать Мих. Николаевичу взгляд на народовольцев, как на либералов, на самом деле развил не концепцию Покровского, а свою собственную, действительно близкую к тому, что Теодорович хотел найти в «Сжатом очерке русской истории» и в «Оч. революц. движения». Докладчик собрал массу цитат, где имеется хотя бы малейший намек на либеральную природу «Н.В.», на ее пренебрежение массами, на буржуазный

характер ее исторических построений и т. п. Но ведь и Плеханов разделял буржуазные представления о русском историческом процессе, однако не был либералом. С другой стороны, во всей литературе «Н.В.» мы найдем в изобилии рассуждения о необходимости участия масс в захвате власти и экономическом перевороте. При той постановке вопроса, которая дана докладчиком и которая по существу совпадает с карикатурой, написанной Теодоровичем на концепцию Покровского, вывод о «заслугах» «Н.В.» оказывается совершенно необоснованным. В области организационно-партийной и в пропаганде среди рабочих народовольцы, вопреки мнению т. Невского, ничего принципиально нового по сравнению с «Землей и Волей» не создали. Характеризует «Н.В.» не это, а ее политическая борьба против самодержавия, террор. Как же относиться к этой основной стороне ее деятельности? На такой вопрос у т. Невского нет ответа. Уклоняясь от прямого ответа, докладчик подробно говорит о Якубовиче, трактуя его чуть ли не как предтечу марксизма, хотя Якубович вовсе не случайно оказался в «Русском Богатстве» на самом правом фланге народничества.

Другая ошибка т. Невского состоит в полном отождествлении взглядов Ленина и Плеханова на народничество. Докладчик не замечает, что приведенные им цитаты из Плеханова не характерны и вовсе не определяют подлинной плехановской оценки «Н.В.». Ленин, говоря о «квасном патриотизме» народников, отнюдь не хотел этими словами охарактеризовать сущность народничества; напротив, он указывал, что лучшими представителями последнего были западники: Михайловский, Лавров, Чернышевский. Наконец, т. Невский не учитывает того, что ленинская оценка революционной роли крестьянства, противоположная плехановской, тесно примыкает к анализу социальной сущности народничества и из него прямо вытекает.

Плеханов правильно выводил идеологию народовольчества из системы народнических взглядов, находил в «Н.В.» старую теоретическую основу: несколько подновленные идеи Бакунина и Ткачева. Но ему казалось, что «Н.В.», вынужденная ходом событий начать политическую борьбу, должна будет неизбежно пересмотреть, в согласии с новой тактикой, свою старую народническую теорию и таким образом приблизиться к марксизму. Он исходил при этом из неверного положения, что практика народовольчества несовместима с теорией народничества, противоречит ей. Это кажущееся противоречие было для него неразрешимо, так как он не понял социальной сущности народничества, а народническую идеологию рассматривал как продолжение славянофильства. Между тем уже народники, отрицавшие политическую борьбу, фактически вели борьбу именно с русским самодержавием, а не с государством вообще.

Ленин, представлявший дальнейший этап развития марксизма (эпохи империализма), уже не ограничивался плехановской критикой народничества, а связал это направление с определенными социальными слоями и всей обстановкой пореформенной России и тем перенес всю проблему с высот абстрактного обсуждения развития «русской общественной мысли» на почву конкретного социально-экономического анализа.

Тов. Теодорович пытался доказать цитатами, что Ленин рассматривал народничество и «Н.В.» как две совершенно различные вещи и видел в народничестве партию социалистической революции, стремящуюся ликвидировать капиталистический строй. Однако всем хорошо известно, что Ленин, различая ряд этапов и направлений в народничестве, тем не менее подводил и народничество и «Н.В.» под одну рубрику «старого русского

крестьянского социализма», стремившегося к крестьянской социалистической революции» (Соч. т. I, с. 164). Иначе говоря, он отличал субъективное стремление народовольцев к социализму (который ими мыслился в виде федерации земельных общин и производительных ассоциаций) от объективного значения «Н.В.», как партии мелких производителей, боровшейся с самодержавием за мелкобуржуазный государственный строй, за то, что впоследствии получило название «американского пути» капиталистического развития.

Ленин вел упорную борьбу с идеологами «крестьянского социализма». Он ясно показал неизбежность вырождения революционного народничества в «Друзей народа» и нигде ни одним словом не обмолвился, что из наследства «Н.В.» можно извлечь хотя бы в зародыше идеи пролетарского социализма, марксизма. Достойною поддержки и сочувствия у «Н.В.» Ленин считал лишь революционно-демократическую сторону ее воззрений. Борьба Ленина с народничеством имела значение еще и потому, что подталкивала окончательно к марксизму тех полумарксистов, которые продолжали, вследствие обаяния «Н.В.», называть себя народовольцами.

Таким образом, Ленин и Плеханов дали различные концепции истории «Н.В.». Взгляды меньшевиков и самого Плеханова, ставшего в их ряды, в дальнейшем все более эволюционировали в сторону либеральной оценки народовольчества, но это не должно затушевать того факта, что и ленинская и плехановская (80—90 гг.) постановки вопроса были марксистскими, хотя и обозначали два различных этапа в развитии марксизма. Естественно, что мы, стоящие на плечах Ленина, видим теперь, при свете исторического знания, недостатки критики Плехановым народничества, сыгравшей в свое время огромную историческую роль и оказавшую влияние на всю последующую марксистскую литературу.

Неправильно, наконец, противопоставлять Покровского Ленину, зачисляя первого чуть не в либеральные историки: хотя в оценке социальной сущности народничества Покровский стоит на плехановской точке зрения, но признание им революционности крестьянства сближает его с Лениным. Тов. Теодорович доказывает Покровскому, что народники не пренебрегали массами. Но против этого не возражал даже Богучарский. Народовольцы действительно вели пропаганду в народе, напр. среди питерских рабочих, но считали, что в данный момент работа в народе является напрасной тратой сил и что все средства должны быть направлены на осуществление основной задачи—организации террора и захвата власти. А либеральная концепция Богучарского как раз и отрицала революционность «Н.В.» и в этом резко расходилась и с Покровским, и с Плехановым, даже его меньшевистской поры, когда он существенно изменил свой взгляд на историческое значение «Н.В.».

Не имея времени для освещения «неверных и политически вредных» взглядов т. Теодоровича, т. Малаховский отсылает слушателей к своей статье: «Правда ли, что народовольчество предвосхитило ленинизм»?

Э. Газганов. Работа т. Теодоровича, вокруг которой развернулась настоящая дискуссия, претендует на полную оригинальность трактовки «Н. В.» и направлена своим критическим острием одновременно и направо—против либерально-буржуазной концепции Морозова, и налево—против представителя ортодоксально-марксистской историографии—М. Н. Покровского. Однако т. Теодорович имеет своих предшественников и не является новатором в своем истолковании «Н. В.». Совсем недавно, в дискуссии о Чернышевском Ю. М. Стеклов выставил тезис: «Чернышевский набрасывает программу революции вроде той, какая была

осуществлена нашим пролетариатом в Октябрьские дни 1917 г.» («Н. Г. Чернышевский», т. I, с. 82). Эта постановка вопроса совершенно совпадает методологически с выступлением Теодоровича. Еще раньше т. Мицкевич в статье, посвященной анализу бланкизма-якобинства, нашел в прокламации «Молодой России» много таких лозунгов, которые претворены... в жизнь Октябрьской революцией... «Нехватает только одного—пролетариата» («Пролет. рев.» № 6—7 за 1923 г., с. 8); там же он признает, что «русская революция в значительной степени произошла по Ткачеву» (с. 18). Программу «Н.В.» т. Мицкевич прямо считает «этапом перехода от народничества к революционному марксизму». Но есть у т. Теодоровича предшественники и по ту сторону баррикады: экономисты, а позже меньшевики упрекали большевиков в подражании народовольцам, а на-днях Н. Жордания в брошюре «Большевизм» подтверждал, что большевизм вообще ничего общего с марксизмом не имеет и целиком заимствовал свои идеи у Ткачева и народников 70-х годов (с. 56 и 82), в частности идея нэпа была предвосхищена Тихомировым. Эсэры еще в 1903 г. отказывались видеть различие между своим и ленинским пониманием стихийности и сознательности в революционном движении, марксизм они отождествляли с реформизмом, а большевизм, признающий насильственный захват власти—с народовольчеством.

Основная ошибка т. Теодоровича в том, что он неясно представляет себе двойственную природу народничества и, абстрагировав одну сторону теории революционного народничества, механически связывает ее с марксизмом. Толкование Теодоровичем документов «Н.В.» совершенно произвольно. По утверждению т. Теодоровича:

1. у народовольцев имеется понимание необходимости «профессиональной, просветительной, кооперативной и партийной организации пролетариата» (с. 10);

2. у народовольцев можно найти «неясные, совершенно зародышевые указания на гегемонию пролетариата» (с. 12);

3. у народовольцев можно найти «некоторое понимание вопроса, откуда растет буржуазия: городской капитализм растет, как впоследствии говорил Ленин,—из «кулака», из мелкой буржуазии» (с. 13).

Последняя цитата показывает, как мало отвечают выводы т. Теодоровича действительным взглядам народовольцев. Соответствующее место в документах «Н.В.», на которое ссылается т. Теодорович, гласит: «Русский буржуа остается до сих пор хищником, капитализм как основа производства не имеет у нас даже будущности и выражается не в социализации труда, а в простом разобщении народа от орудий труда. Так что наша буржуазия представляет кулачество (разрядка автора—*Э. Г.*) и не может иметь в народе другой силы, кроме чисто материальной» («Литература партии Народной Воли», М. 1907, с. 208). Другими словами, народовольцы, как и все народничество в целом, стояли на той точке зрения, что буржуазия является каким-то наростом на «народном производстве», что «кулачество» не имеет никакой почвы в строе народного хозяйства и может существовать и развиваться только благодаря поддержке государства. Никогда народники не говорили, что из кулака растет городской капитализм. И то кардинальное положение, которое выдвинул марксизм в лице Ленина в борьбе с этими взглядами, т. Теодорович извращает и сводит к простому повторению этих взглядов.

4. «Народовольцам не чужда была в зародышевой форме» идея... единого, планового, коллективного производства, руководимого из единого центра» (с. 21). Т. обр. выходит, что идея «Госплана», до которой мы

додумались с большим трудом, идя сложным и извилистым путем, была уже у народовольцев...

5. Народовольцы якобы уже нащупывали следующие четыре момента: 1) необходимость слома, разрушения старой государственной машины; 2) необходимость создания «государства советов», причем в дальнейшем мы узнаем, что у них была и идея съезда советов и идея союзного правительства; 3) необходимость взращивания, пользуясь помощью государства, элементов социалистической экономики; 4) необходимость так называемого «переходного периода» (с. 36). В другом месте т. Теодорович пишет, что у «Земли и Воли» была идея «военного коммунизма». «Народная Воля» сделала шаг вперед и имела уже нечто вроде идеи нэпа. Иначе говоря, в период военного коммунизма мы односторонне заимствовали взгляды у землевольцев, в период перехода к нэпу мы стали на правильную точку зрения, которая была намечена народовольцами.

6. «Настороженность» народовольцев против «безнравственных» людей (мы говорим теперь: «разложившихся»), против чиновников (мы говорим: «бюрократов»)—дышит прямой современностью!» (с. 380)

7. Идея всеобщей забастовки, которая ожесточенно дебатировалась в социал-демократической литературе, к которой германская социал-демократия подходила под влиянием русской революции—эта идея, оказывается, была у народовольцев (с. 43).

Народовольцы говорят: когда мы производим террористические акты, было бы хорошо, чтобы закрывались фабрики и заводы. Это—идея «всеобщего беспорядка», между тем как в основе всеобщей забастовки лежит идея остановки всей хозяйственной жизни, идея ослабления государства перед вооруженным восстанием, в качестве подготовки к вооруженному восстанию.

8. В вопросе о нацменьшинствах к позиции народовольцев, оказывается, нечего прибавлять (с. 45).

9. Идея международной социалистической революции (с. 45). Откуда эта идея взята?—Из прокламации Исполнительного комитета, адресованной «офицерам русской армии». В этой прокламации говорится, что русские офицеры будут бороться за равенство, справедливость и свободу во всем мире.

10. По вопросу о стихийности и сознательности, по словам т. Теодоровича, «их (народовольцев—*Э. Г.*) взгляд приближается к взглядам Ленина» (с. 46). Не правильнее ли сказать, что взгляды Ленина приближались к взглядам народовольцев?

Наконец, 11. По вопросу о партии: «форменное предвосхищение идеи Ленина» (с. 470). Только «вместо «народ» надо ставить «пролетариат». Только это «только» и находит т. Теодорович по вопросу о партии.

Тов. Теодорович определяет социальную основу «Н.В.» как пауперизирующегося товаропроизводителя, гибнущего под колесницей капитализма. Ленин видел эту основу в крестьянине, протестующем «против крепостничества» (стародворянское наслоение) и буржуазности (новомещанское). С нашей точки зрения только первый тезиз прогрессивен и революционен; протест же против капитализма—есть утопическая попытка мелкого хозяйчика остановить историю. Таким образом, реальная борьба народничества направлена против крепостничества, за американский путь развития капитализма. Как же мог опыт этой борьбы лечь в основу ленинизма? Тов. Теодорович принял псевдосоциалистическую оболочку народничества, прикрывающую реакционное стремление мелкой буржуазии «преодолеть» капитализм, за основное и попытался связать эту реакционную

теорию с пролетарским социализмом. Таким образом, выпало то действительно революционное содержание «Н.В.», которое было связано с борьбой за аграрный переворот.

В народовольчестве были различные направления от либеральных до анархических, но «пролетарско-демократическая (т. е. соц-демократическая—*Э. Г.*) струя, по словам Ленина, в общем потоке народничества... не могла выделиться», т. к. рабочее движение «едва зарождалось» (т. XX, ч. 1, с. 451). Этим на голову разбивается концепция т. Теодоровича.

М. Поташ указывает, что т. Невский смазал различие во взглядах Ленина и Плеханова на «Н.В.» и стал на позицию либерально-буржуазной концепции народничества в вопросе о славянофильских корнях этого движения. Последняя теория не выдерживает критики, т. к. одна и та же идеология не может принадлежать двум антагонистическим классам: дворянству и крестьянству.

Тов. Теодорович, оперируя различениями научного социализма от утопического, крестьянского от мещанского, строит свои классификации совершенно формально, даже не пытаясь выявить классовую подоплеку этих течений. Напр., утопистов он делит на «левых», «правых» и «центр» и относит к правым Оуэна, Фурье, Л. Блана и Герцена. Между тем Ленин считал социализм двух первых «предвестником того класса, который... вырос теперь... в массовую силу, способную положить конец капитализму» (т. XX, ч. 1, с. 359), а «социализм» двух последних считал «прекраснодушной фразой..., в которую облекала свою тогдашнюю революционность буржуазная демократия». С точки зрения Ленина, крестьянский социализм есть лишь разновидность мелкобуржуазного (т. VI, с. 543—544). Тов. Теодорович переносит на мелкобуржуазный социализм в России характеристику некоторых западноевропейских течений утопического социализма, дав им к тому же преувеличенную оценку. Таким образом, получилось, что народничество боролось почти исключительно против капитализма, что резко противоречит ленинской оценке русского крестьянского движения, как направленного главным образом против абсолютизма и пережитков крепостничества, чего, конечно, не могло быть в это время на Западе (т. I, с. 387).

Напомнив, что т. Мицкевич в одной из своих статей 1925 г. («Каторга и ссылка») утверждал, будто объективнзя обстановка, в которой выросли большевизм и мелкобуржуазный утопический социализм в России, была одна и та же,—т. Поташ призывает не забывать, что марксизм есть явление мировое, заимствованное русским пролетариатом на известной ступени его развития, а не выросшее самобытно в России из каких-то старых теорий, выражавших интересы мелкого производителя.

Так понимать эволюцию отдельных групп народников к марксизму—значит стирать грани между идеологиями двух различных классов.

С. Мицкевич характеризует ранее выступавших ораторов, как людей «непомнящих родства», признающих своим учителем одного Маркса и забывших о его предшественниках. Это—идеалистический подход, игнорирующий ту материальную почву, ту русскую действительность, из которой вырастал большевизм. Ленин и Энгельс совершенно иначе оценивали значение «предшественников русской социал-демократии» и великих утопистов, которые гениально предвосхитили множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно».

Выступавшие указывали, что русская действительность сильно изменилась за время от «Н. В.» до возникновения соц.-демократии, но при этом они забывали, что многое осталось неизменным, что остатки

крепостничества дожили не только до образования Группы Освобождения Труда, но и до 1917 г. Но разве Ленин ценил в народовольцах только борцов против крепостничества и самодержавия? Нет, он видел в них людей, веривших «в возможность крестьянской социалистической революции» и боровшихся «против основ современного общества» («Что такое друзья народа?»). Ленин резко противопоставлял старых народников как социалистов либералам, хотя в «Н. В.» были, конечно и либеральные элементы, так как, по словам Ленина, народовольцы «постарались привлечь в свою организацию всех недовольных». Все же основной классовой базой народовольчества были: разоряющееся крестьянство, ремесленники и кустари и нарождающийся пролетариат. «Н. В.» сочувствовала и часть промышленной буржуазии и обуржуазившегося дворянства, отсюда либеральное течение в «Н. В.». Но оратор указывает, что в своей статье в «Пролет. революции» (№ 6—7 за 1923 г.) он имел в виду основное революционно-демократическое течение и левое крыло «Н. В.». Нет ничего удивительного в том, что утверждение автора статьи, будто большевики унаследовали идею захвата власти от Ткачева и народовольцев, внешне совпадает с основной мыслью брошюры Жордания. Разница в том, что большевиком это наследство оценивается, как положительный факт, а меньшевиком, отвергающим захват власти, — конечно, как отрицательный.

Цитируя программу рабочих членов партии «Н. В.» (№ 8—9 «Н. В.») и письмо Исп. ком. («Группа Освобождения Труда» «Сборн.» 3, с., 144), т. Мицкевич отметил «гениальные предвосхищения» левого крыла народовольцев в вопросах тактики революции, организации восставшим народом революционной власти и методов экспроприации помещиков и капиталистов. Ошибочно думать, что «Н. В.» рассчитывала на захват власти путем голого заговора. Последний они считали осуществимым только на гребне высокого подъема народного движения: крестьянских бунтов, рабочих забастовок, общего политического брожения. Вопреки мнению, поддерживаемому эсерами, «Н. В.» предполагала произвести экономический переворот непосредственно после захвата власти, до созыва Учредительного собрания. Эта программа была для своего времени утопичной, но эта была гениальная утопия, осуществленная впоследствии большевиками. Ленин не боялся назвать попытку «Н. В.» захватить власть «величественной» и не боялся упреков в народовольчестве и заговорщической тактике, которые бросались ему меньшевиками.

Большевизм вырос не из «Черного Передела», который был и для своего времени меньшевистским течением; Ленин и социал-демократы «первого призыва» вышли из народовольчества и «начинали революционно мыслить, как народовольцы» (Ленин). Они взяли от «Н. В.» все, что было в ней хорошего, и при помощи Маркса преодолели ее утопизм.

А. Рындич констатирует тот факт, что противникам Теодоровича не удалось подкрепить доказательствами свое утверждение, будто его концепция связана с правым уклоном. Напротив, своей трактовкой «Н. В.», целиком заимствованной у Плеханова, они сами стали на меньшевистскую позицию.

Сложная и противоречивая идеология «Н. В.» есть продукт классовой диференциации крестьянства в 70-х гг., когда из него усиленно выделялись и буржуазные, и пролетарские элементы, привносившие свои собственные оттенки в идеологию «Н. В». Даже промышленная буржуазия находила своего идеолога в легальном, либеральном народничестве. Идейное же влияние пролетариата на левое народничество обнаружилось между

прочим в том обстоятельстве, что Маркс мог целиком солидаризироваться с целым рядом тезисов «Н. В.»; так напр. между взглядами народников и Маркса на тогдашнюю общину нет никакой разницы. В предисловии к русскому изданию «Коммунистического манифеста» (1882 г.) Маркс, подобно народникам, безоговорочно признает возможность перехода докапиталистических общественных форм непосредственно к социализму, минуя капитализм (ср. также письмо к Зорге 1877 г.). Этот же взгляд разделялся и Энгельсом (в брошюре против Ткачева в 1874 г. и в др. местах). С другой стороны, «Н. В.», а позже «Вестник н. в.» в согласии с Марксом связывали свои надежды на коммунистическое развитие общины с успехом пролетарской революции на Западе.

Народовольцы не могли создать идею советской власти, так как они не понимали классовой природы русского государства («внеклассовое самодержавие»), а поэтому и к переходному типу государства не могли подходить с точки зрения классовых интересов пролетариата. Но они сознавали, что социалистический переворот не совпадает с моментом захвата власти, а представляет собой целую длительную эпоху. Захват власти—только начало революции, в которой развертываются силы народных масс, направленные на экономическое переустройство общества. Таким образом народовольцам отнюдь не чуждо было представление о переходном периоде. Любопытно, что Плеханов, осуждая народовольцев за их «либерализм», в то же время призывал «русских социалистов» отбросить «фантастическую цель» захвата власти и социалистической революции, чтобы не запугивать «красным призраком» либеральную буржуазию, готовую сотрудничать с ними для «завоевания свободных политических учреждений» (т. II, с. 83, 344).

Народовольчество—по взгляду т. Рындича—не исчерпывается понятием утопического социализма. В нем много элементов научного социализма. Эклектик Лавров был первым пропагандистом марксизма, но от него нельзя провести прямой линии к социал-демократизму, как это делает т. Сергиевский. Этот путь развития захватывает и Ткачева, и «Землю и Волю» и, наконец, «Народную Волю».

М. Югов. Настоящая дискуссия о «Н. В.», в сущности говоря, вылилась в спор об исторических корнях большевизма и оставила в стороне детальную оценку «Н. В.», ее различных течений и этапов ее развития. Достигнуто более ясное понимание ленинской трактовки народничества и в частности его героической эпохи, намечен правильный методологический подход к проблеме, отвергнуты крайности двух оценок «Н. В.»—как скачка к либерализму (Невский) и как источника идейных основ большевизма (Теодорович, Мицкевич и Рындич).

Можно, конечно, говорить о некоторых аналогиях между отдельными мыслями «Н. В.» и идеями большевизма, но переоценивать эти аналогии невозможно, хотя бы потому, что в движении «Н. В.» был ряд весьма различных течений: центральное-желябовское, либеральное, чернопередельческое, лавровское, «федеративная» группа Лопатина, группы Якубовича, Флерова и мн др. Тов. Мицкевич в своей статье утверждал невозможные вещи, вплоть до того, что русские якобинцы провидели Октябрьскую революцию (Ткачев). Автор упустил из виду, что предпосылки Октября были созданы позднейшим развитием капитализма, мировой войной и пр. Он ограничился чисто формальным сходством.

Но вместе с тем совершенно неправильно видеть в народовольцах чуть ли не предшественников к.-д. Ошибка т. Невского в том, что им недостаточно продумана сущность крестьянского социализма. Ленин

всегда рассматривал народничество, крестьянский социализм, как идеологическую оболочку борьбы против крепостничества за американский путь развития, т. е. объективно за наиболее прогрессивный тип капиталистического развития России. Не только 1905 г., но даже февральская революция 1917 г. не разрешили этой задачи демократической революции, а т. Невский видит в «Н. В.» предшественницу буржуазно-помещичьей партии, боровшейся за победу прусского пути развития. Теодорович делает другую ошибку, преувеличивая различие между крестьянским и мещанским социализмом, забывая, что и тот и другой являются идейной оболочкой буржуазно-демократического движения. Нельзя впрочем забывать и другого: крестьянский социализм объединял не только буржуазные элементы, крепко вросшие в товарно-денежные отношения, но и беднейшие слои крестьянства, в недрах которых формировался пролетариат. Отсюда слабые струи пролетарского социализма в народовольчестве. После окончательного отдиференцирования марксистского пролетарского потока 90-х гг., который взял на себя борьбу за последовательное осуществление демократии, эпигоны народничества растеряли наследие «Н. В.», отказались от разрешения задач буржуазно-демократической революции.

Ц. Фридлянд полемизирует против утверждений т. Теодоровича, будто молодые историки-марксисты не желают считаться с революционным опытом предшествующих поколений. Для того, чтобы усвоить опыт прошлого, следует трезво изучить процесс разложения мелкой буржуазии, роста и оформления пролетариата как класса, качественно отличного от массы мелких производителей, не поддаваясь при этом соблазну искать аналогии между якобинизмом и пролетарским революционным движением. Наследие «Н. В.» можно искать только по линии разложения мелкой буржуазии и выделения из нее элементов пролетариата, несущего в себе зародыши нового учения. Правильное решение проблемы о «наследстве» мелкобуржуазного социализма возможно лишь при строго выдержанном марксистском подходе к исследованию. У Маркса в одной из рецензий на работы Б. Бауера о христианстве высказана мысль, что в каждом данном историческом явлении мы должны изучать главным образом то, что в нем остается от прошлого, а не столько содержащиеся в нем зародыши будущего. Эта мысль должна удержать наших историков от естественного желания открывать в Марате, Бабефе или народовольцах большевиков. Метод т. Теодоровича лишает нас возможности выяснить конкретное перерастание опыта прошлых поколений в опыт пролетарской борьбы.

Это между прочим раскрывается в предложенной им периодизации революционного движения. Тов. Теодорович объединяет в своей схеме Луи Блана, Оуэна и Фурье на том основании, что и Луи Блан был противником насильственных методов революции. Между тем такое объединение чудовищно, ибо отношение этих деятелей к якобинизму, к Великой французской революции и революции вообще было совершенно противоположно. Далее, Теодорович говорил о «бабувизме» как течении, существовавшем без изменения до конца XIX в., и относил к нему между прочим «Н. В.». Для этого, понятно, нет никаких оснований. Впрочем и другая аналогия—с бланкизмом—страдает тем недостатком, что т. Теодорович забывает, что бланкизм 70-х годов XIX в. не имел уже ничего общего с бланкизмом средины века, когда бланкисты подписывали вместе с Марксом и Энгельсом декларацию о диктатуре пролетариата.

Якобинизм вырождался во второй половине века в то, что мы называем радикал-социализмом.

В своей статье Теодорович призывал не подменять оценку всего народничества оценкой правого или левого его крыла. В докладе он упрекал своих оппонентов в том, что они не считаются с отдельными течениями народничества. Между тем сам он в своей работе незаметно превращает историю народовольчества в историю одного его левого крыла.

На двух примерах т. Фридлянд доказывает неправильное толкование т. Теодоровичем текстов «Н. В.»; в частности, он утверждает, что Теодорович принял за лозунг диктатуры пролетариата и советской власти типично радикально-демократическое требование плебисцита, как поправки к Учредительному собранию. В заключение т. Фридлянд ставит Теодоровичу вопрос о его принципиальном отношении к исторической схеме М. Н. Покровского, против которой он начинает свой поход, и к результатам борьбы молодого поколения за марксистско-ленинскую историческую науку, а также спрашивает его, считает ли он возможным и после дискуссии смазывать грань между идеологией мелкой буржуазии и пролетариата и находить у народовольцев советскую власть, ЦК, нэп, Госплан и т. п.

П. Горин. Вопрос стоит не о том, принимаем ли мы наследие «Н. В.», а каково было это наследство: была ли «Н. В.» прямой предшественницей революционной социал-демократии, или мы должны, говоря о революционном движении конца 70 гг.—народовольчестве и первых рабочих организациях,—видеть тактический блок мелкобуржуазного революционного движения и нарождающихся соц.-демократических рабочих организаций. Ревизия в этом вопросе схемы М. Н. Покровского со стороны т. Теодоровича есть в то же время ревизия ленинизма, ибо М. Н. Покровский стоит на ленинском понимании народовольчества. Особая заслуга М. Н. Покровского заключается в том, что он вскрыл в «Н. В.» антагонистические элементы, из которых одни росли к либерализму, а другие к социал-демократии. Выступление т. Теодоровича против т. Покровского, кроме того, построено на искажении мыслей последнего, на неправильном цитировании, но сомнительно, чтобы этот прием был убедителен для историков-марксистов.

Столь же нелепо утверждение, поддерживаемое т. Малаховским, будто М. Н. Покровский в оценке «Н. В.» стоит на плехановской точке зрения. Ведь именно М. Н. Покровский первый поставил вопрос об истоках меньшевизма у раннего Плеханова и в своих «Очерках революционного движения» вскрыл его недооценку крестьянского революционного движения.

Пробелом настоящей дискуссии следует считать то, что оценка народовольчества давалась вне связи с существовавшими в то время первыми рабочими соц.-демократическими организациями—Южно-русским и Северо-русским рабочими союзами. Между тем легко заметить процесс подчинения значительных кадров «Н.В.» идеологии и требованиям социал-демократических групп, выделявшихся из ее состава. Это запечатлено в воспоминаниях раннего Плеханова, где ярко отражена идейная борьба народовольцев и рабочих организаций в конце 70 гг.

В заключение следует отметить, что ревизия ленинской оценки со стороны т. Теодоровича есть попытка возрождения народнических взглядов, безусловно реакционных в наши дни. И не случайно, пожалуй, что защита народнических предрассудков проводится т. Теодоровичем, который 6 лет назад, на страницах «Большевика» защищал работы Кондратьева и Огановского.

Е. Ярославский. Ошибка историков как молодых, так и старых, занимавшихся «Н. В.», заключается в недостаточном использовании ленинских оценок. Нельзя согласиться с тем, что Ленин и Плеханов одинаково относились к народовольчеству, как это делает т. Невский и другие. Плеханов,—как и вся группа Черного Передела, как почти все меньшевики, не умел правильно оценить революционный демократизм «Н. В.», ее ставку на крестьянство, как на одну из важнейших движущих сил революции. В письме к И. И. Скворцову-Степанову в 1911 г. Ленин назвал теорию «реакционности крестьянского движения» одной из особенностей русского оппортунизма. В этой теории в значительной мере сущность меньшевизма и троцкизма. Вот почему, когда Ленин в 1905 г. выдвинул лозунг «земли и воли», ему приходилось защищать его не только против меньшевиков, но и против ряда товарищей, видевших в этом какое-то воскрешение народовольчества («неонародничество», как сказали бы теперь). Конечно, большевики ни в какой мере не были народовольцами, как то пытались изобразить меньшевики, но большевики всегда умели четко подчеркнуть то революционное, что воплотила «Н. В.». Поэтому совершенно неправ был т. Газганов, который не понимает, почему меньшевики называли нас народовольцами, который даже не сумел поставить вопроса о наследстве, когда он, цитируя меньшевиков, сам сбивался в сущности на неленинскую оценку «Н. В.». В такой же связи я считаю совершенно неприличным выступление т. Татарова относительно «демьяновой ухи». Т. Татарову, как молодому историку, совершенно недопустимо было ухватиться в полемике против т. Теодоровича за неправильное, меньшевистское утверждение Плеханова и взять то оружие, которое Владимир Ильич осудил, т. е. возвратил Плеханову,—взять это оружие теперь против т. Теодоровича.

Вопреки утверждению т. Малаховского, мы и в юбилейные дни можем и должны отнестись к «Н. В.». с наибольшей объективностью, так как мы ценим то положительное, что взяли от нее. Поэтому мы можем и в юбилейные дни остановиться на основных ошибках «Н. В.». Одной из важнейших ее ошибок было идеалистическое представление о государстве. Несмотря на разнообразие взглядов, царившее в «Н. В.», в ней все же преобладала анархическая точка зрения на власть, как на надклассовое учреждение (см. программные положения в № 2 «Н. в.»). При таком понимании сущности государства невозможна никакая правильная политическая программа, а тем более предвидение советов, нэпа и пр. Тов. Теодорович в этом вопросе неправильно изложил взгляды народовольцев, отсюда у него и ошибочные выводы.

Другая ошибка «Н. В.»—в оценке социализма. Ленин признавал характернейшей чертой «Н. В.» ее веру в крестьянскую социалистическую революцию («О социализме и «Н. В.»). Поэтому неправильно видеть в народовольцах вообще только «либералов с бомбой», хотя нельзя отрицать, что в «Н. В.» были радикальные элементы, лишь прикрывавшиеся социалистической фразой. В «Друзьях народа» Ленин дал суровую критику народнического социализма; позже (в одной из статей 1918 г.—о блоке с левыми с-р.) он показал и «здоровое ядро» революционного народничества; это здоровое ядро заключалось в том, чтобы заставить основные массы крестьянства итти не за буржуазией, а вместе с рабочим классом по пути социализма.

Тов. Газганов недооценил революционного якобинства в народовольчестве. Но якобинство, о котором мы говорим, конечно, нужно понимать в том смысле, в котором о нем говорил Ленин, отвечая на

обвинение большевиков в якобинстве: «якобинство неразрывно связано с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы. Это и есть революционные соц.-демократы, т. е. большевики». В эпоху «Н. В.» таких организаций пролетариата, конечно, не было,—они лишь намечались. Впрочем правы были те товарищи, которые указывали, что влияние зарождающихся рабочих групп в народовольчестве было весьма значительно, несмотря на то, что часть народников (Лавров, напр.,) относилась к самостоятельному рабочему движению с большим недоверием. Так же относилась часть народовольцев и к программе политического заговора, насильственного захвата власти, провозглашенной «Н.В». Это не помешало Ленину взять на себя защиту заговорщической тактики «Н. В.» против органов экономистов («Рабочей Мысли»).

Конечно, не прав т. Теодорович, отыскивая у народовольцев идею гегемонии пролетариата; для возникновения этой идеи не было социально-экономических предпосылок. Тов. Теодорович в этом случае идеализирует «Н. В.». Но неправы и те товарищи, которые ограничивают право историка прибегать к аналогии. Ленин не чурался даже таких признаний, что существует полное сходство между отдельными нашими требованиями и требованиями «Н. В.» (см. напр. статью 1901 г. «Гонители земства и ганнибалы либерализма»). Но, прибегая к аналогиям, нужно остерегаться таких выводов, которые по сути дела уже не являются просто аналогиями, когда смешивают то, что «Н. В.» думала осуществить в рамках капиталистического государства, и то, что мы создаем в условиях пролетарской диктатуры.

Признавая заслуги утопического социализма в формировании идей научного пролетарского социализма, нельзя забывать, подобно Лаврову, и принципиальных отличий этих систем, разницу во взглядах на общину, на судьбу капитализма в России, на экономический материализм и проч.

Важный вопрос об эволюции народничества так же нашел свое разрешение у Ленина. Ленин решительно отвергает весьма распространенную у нас схему развития двух ветвей «землевольчества»: одной—через «Черный Передел» и «Группу Освобождения Труда» к социал-демократии, а другой—через «Народную Волю», народоправство и освобожденство к эсэрству. Из этой схемы выпадают те немногие рабочие кружки, которые не примыкали полностью ни к «Черному Переделу», ни к «Народной Воле», те народовольцы, которые, подобно Халтурину, тяготились тем, что террористическая борьба, поглощая все их силы, мешает им работать среди рабочих. Ленин, неоднократно подчеркивая, что социал-демократия преимущественно связана с «Н. В.», дает другую, подлинно диалектическую схему развития революционного движения в России.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

И. Татаров. Выступления тт. Теодоровича, Мицкевича и Рындича составляют логическое продолжение попыток искать крестьянское корни ленинизма, определить ленинизм из отношения к крестьянскому вопросу. Эти попытки делались особенно усердно в 1924—1925 гг. (ср. работу Зиновьева). Важнейшая ошибка этих трех товарищей заключается в том, что они смотрят на «Н. В.» как на изолированное явление, несвязанное с предшествующим и последующим развитием народничества. Это резко противоречит взглядам Ленина. Переходя к классовой характеристике народовольчества, оратор указывает, что фронт борьбы крестьянства

с остатками крепостничества за «американский путь развития»—определял самую сущность народовольчества. «Н. В.» поставила также и вопрос о капитализме, но не разрешила его. В крестьянском социализме следует отметить две черты—утопическую и реакционную. Маркс многое заимствовал у утопистов, но что взял большевизм от лавровских, бакунинских и ткачевских идей, от идеалистической теории народничества?—Ничего. Поэтому неверно сближение «Н.В.» с левым крылом бабувизма. Бабувизм имел буржуазную революцию позади, а народничество—впереди себя. Народовольцы в своих воспоминаниях вовсе не изображают себя социалистами, они считают себя борцами с самодержавием. Эта борьба облекалась ими в социалистические одеяния, и это было вполне естественно, так как «неразвитось экономики вызывает переживание и воскрешение в той или иной форме отсталых форм социализма, который является мелкобуржуазным социализмом, ибо идеализирует преобразования, не выходящие из рамок мелкобуржуазных отношений» [11].

В 70-х годах тенденция превращения крестьянина в мелкого хозяйчика была скрыта от современников, но она была, и теперь мы не можем ее игнорировать.

На вопрос оратора, продолжает ли т. Теодорович настаивать на том, что в «Н. В.» следует видеть родоначальника большевизма и ленинизма, т. Теодорович с места отвечает утвердительно.

Говоря об историографии «Н. В.», оратор указывает, что Ленину пришлось бороться одновременно с двумя оценками народовольчества—меньшевистской (также и Плехановской) и народнической. Первая из них рассматривала народовольчество как идеологию натурального хозяйства и игнорировала революционно-демократическую струю в народничестве. Оратор отмечает, что в докладе т. Невского нет нужного отмежевания от неправильных, меньшевистских взглядов Плеханова в этом вопросе. С другой стороны, Ленин боролся с народническим направлением, шедшим от Михайловского к Чернову и пытавшимся скрыть классовую основу движения. С этой последней точки зрения народовольчество было социалистическим движением «трудового народа», в котором нет надобности различать крестьян от рабочих. Тов. Теодорович скатывается к этому пониманию «Н. В.» как вождя «трудового народа», по-народнически понимая связь демократического движения с социалистическим. Тов. Рындич пошел еще дальше т. Теодоровича в сближении социалистической идеологии «Н. В.» с пролетарским социализмом и прямо заявил, что Маркс был целиком согласен с народниками в своем понимании некапиталистической эволюции. Таким образом выходит, что идея некапиталистической эволюции, записанная в программе Коминтерна—есть идея, взятая от народничества. Такие попытки воскрешения народнических взглядов в настоящее время представляют политическую опасность, так как они игнорируют то, что у мелких производителей есть тенденции к капитализму, что из крестьянства растут капиталистические элементы.

И. Теодорович. Дискуссия показала, что марксистское изучение «Н. В.» только еще началось, и в среде историков царит величайшее разнообразие мнений: почти все ораторы выступали с взаимно исключающими суждениями.

---

[11] Ленин, Собр. соч. т. VIII, с. 256—57.

Полемизируя с Татаровым, т. Теодорович доказывает, что толкование Татаровым ленинской характеристики «Н. В.» в том смысле, что в народовольчестве важна только демократическая струя, только идея «демократического капитализма», стирает всякое различие между Лениным и Плехановым [12].

Между тем тот же Татаров утверждает, что он опровергает плехановскую концепцию.

Отвечая на упрек т. Горина в том, что им не учтено значение пролетариата как гегемона революции, т. Теодорович цитирует те места своей статьи, где «классом-организатором, классом-вождем» признается «лишь пролетариат».

Особенностью дискуссии было то, что почти никто из выступавших не цитировал ни Маркса, ни Энгельса, ни Каутского (той поры, когда он был «главой ортодоксального марксизма»). Это вносило в прения оттенок национальной ограниченности и разрыва генетических связей. С другой стороны, бросается в глаза, что высказывания Ленина, относящиеся к разному времени и к разным ситуациям, принимались без всякого анализа. Между тем существенные для данной темы суждения Ленина о возможности некапиталистического пути развития, о пределах товарности крестьянского хозяйства, о диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства,—все они относятся к более позднему времени (резолюция II конгресса Коминтерна, статья о продналоге и т. д.); при их наличии более ранние и как бы противоречащие им высказывания должны быть понимаемы диалектически с учетом изменения ситуации. Окончательная точка зрения Ленина на возможные пути развития мелкого производителя такова: без пролетарской революции на Западе или внутри страны победа над феодализмом и самодержавием ведет к тому, что простое товарное производство будет бурно перерастать в капиталистическое; напротив, в случае победоносной социалистической революции крестьянство может пойти путем некапиталистического развития. Таков же был взгляд и Маркса на «Н. В.».

Далее, цитируя М. Н. Покровского [13], Теодорович противопоставляет его фразу «русская деревня была буржуазна, не понимала социализма и по-буржуазному относилась к бедности» учению Ленина о том, что в крестьянстве надо различать бедноту, середняка и кулака и что «коренных расхождений между трудящимися и эксплоатируемыми крестьянами и пролетариатом нет. Только социализм может удовлетворить их интересы», Теодорович отмечает, что эти слова оправданы современной политикой партии в деревне и тягой не только бедняков, но и середняков в колхозы.

Тов. Татаров и др. оппоненты готовы все это считать идеализацией мелкого производителя, забывая, что ленинский закон союза пролетариата с трудящимся крестьянством был формулирован им в борьбе против меньшевизма. Докладчик цитирует из «Предшественников новейшего социализма» (Каутского) отрывок о «пролетарском коммунизме средних веков» (с. 219), подставляет на место «пролетариата» (как неправильной модернизации) понятие «мелкий производитель» и затем присоединяется к выводу Каутского: «Великое дело, совершенное марксизмом.... заключается в соединении утопического социализма с рабочим движением».

---

[12] Плеханов, Соч. т. XXIV, с. 109, 112, 116—117.
[13] Русская история, т. V, с. 207.

Выводы: 1. Социализм «Н. В.»—социализм утопический. 2. Марксизм многое позаимствовал от утопического социализма (напрасно Газганов иронизировал над «госпланом» «Н. В.», ведь и у Фурье существует зародыш идеи планового хозяйства в виде общего производственного плана фаланстера). 3. Следует отличать крестьянский социализм от мещанского. Крестьянский социализм Ленин ценил за то, что тот требовал низвержения капитализма; напротив, в мещанском социализме Ленин видел «основную фальшь... в допущении некапиталистического пути развития земледелия при капитализме».

В. Невский сводит все возражения, сделанные ему, в три группы: 1) докладчик покрасил всех народовольцев под один цвет либералов (Генкина, Малаховский и др.); 2) он не заметил левых течений «Н. В.», их эволюции к марксизму; 3) он рассматривал точки зрения Ленина и Плеханова на «Н. В.» как идентичные.

Цитатами из своей работы о группе «Освобождение труда» докладчик доказывает, что он всегда различал буржуазно-демократические и социалистические прослойки в революционном движении 70-х—80-х гг., что эволюция отдельных кружков к марксизму была им прослежена в результате детального исследования социально-экономических основ народничества, оказавшихся весьма сложными и пестрыми. Уже в 70-х гг. складывались рабочие организации (Северо-русский рабочий союз и др.), от них и началось движение отдельных групп «Н. В.» к научному социализму. Тов. Невский указывает, что только непониманием его слов можно объяснить приписываемую ему мысль, будто Якубович и «Молодая Н. В.» были близки к научному социализму. Это было, напротив, возвращением к пропагандистскому периоду народничества. Единственно научный путь изучения народовольчества—это изучение его на всех стадиях развития и во всех его разветвлениях; при этом необходимо развитие идеологии «Н. В.» тесно увязать с изменениями социально-экономической основы движения. Если так подойти к теме, то не трудно убедиться, что в известные исторические моменты либеральная струя была достаточно сильна и устойчива в «Н. В.». Памятником ее было письмо Исполнительного Комитета к Александру III и ряд других документов.

Анализируя характеристики «Н. В.», данные Плехановым и Лениным, докладчик отмечает, что наряду с несомненными отличиями в оценке ими корней народовольчества имеется и много общего: напр., в признании обоими исторической связи между народовольчеством и славянофильством. Эта связь подтверждается и Энгельсом (письмо к В. Засулич в 1895 г.). Такая стойкость идеи «самобытного развития» зависит от большого социального веса в нашем государстве мелких производителей.

В заключение докладчик указывает т. Теодоровичу, что данная им характеристика русского крестьянства, как вполне готового войти в социализм под руководством пролетариата—одностороння, так как не учитывает тех элементов мелких производителей, которые растут в капитализм и сопротивляются коллективизации. Эта односторонность политически вредна, и против нее выступали молодые историки, твердо усвоившие ленинское учение о расслоении крестьянства и о внутренней борьбе в нем бедняцкой части с кулацкой верхушкой.

Теодорович прав, указывая на зародыши идей пролетарского социализма у народовольцев. Эти следы можно найти у всех утопистов. Но нельзя смешивать мечты мелкого производителя о госплане с осуществлением последнего пролетариатом, притом в союзе не со всем крестьянством,

а лишь с теми его элементами, которые готовы итти вместе с ним к социализму.

Заслуги «Н. В.» в революционной борьбе огромны, поэтому она не нуждается в том, чтобы ей приписывались чужие заслуги, заслуги вождей и идеологов самого передового и решительного класса современного общества—пролетариата.

М. Савельев (председатель), подводя итоги дискуссии, отмечает, что Общество историков-марксистов сумело дать решительный отпор попытке Теодоровича, Мицкевича и некоторых других товарищей ревизовать взгляды Ленина по вопросу о «Н. В.». Трактовка идеологии «Н. В.» как утопического крестьянского социализма не умаляет исторического значения народовольчества, и партия не отказывается от его революционного наследства. Не следует затушевывать различий в оценках «Н. В.» Лениным и Плехановым, так как даже в ранних суждениях последнего можно заметить элементы меньшевизма. Наконец, дискуссия показала, что проблема взаимоотношения пролетариата и крестьянства, взятая даже в историческом разрезе, сохраняет всю свою актуальность для сегодняшнего дня.

Выводы настоящей дискуссии будут формулированы в спецальной резолюции, подготовляемой секцией по истории партии, и несомненно лягут в основу дальнейшего обсуждения проблемы Народной Воли.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

А. Слуцкий

НОВАЯ КНИГА ПО ИСТОРИИ ИМПЕРИАЛИЗМА

«Книга для чтения по истории нового и новейшего времени», т. III. Эпоха империализма (1871—1914). Под ред. Г. Зайделя, С. Моносова и Ц. Фридлянда, изд. «Пролетарий», с. 768.

Нет нужды доказывать, какое огромное политическое и научное значение имеет для нас марксистская история эпохи империализма. Еще I конференция историков-марксистов указала на всю актуальность разработки проблем этой эпохи. Вот почему с особым интересом мы ждали выхода в свет «Книги для чтения по истории нового и новейшего времени. Эпоха империализма (1871—1914)». По существу это—одна из первых попыток (если не считать II тома «Истории Западной Европы» Ц. Фридлянда) дать марксистскую историю империализма. Надо сказать, что тип коллективной работы в виде «Книги для чтения», где авторы не связаны архитектонической систематикой, для такой работы является наиболее удачным на данном этапе научной разработки проблем. Он дает возможность, не гоняясь за полнотой и необходимостью охватить в одинаковой степени все стороны явлений различных стран в их хронологической последовательности, поместить только самое необходимое с точки зрения той целевой установки, которую ставит перед собою редакция. С другой стороны, при неразработанности проблем эпохи империализма такой тип книги дает возможность охватить наиболее важные и необходимые для учебных целей (а «Книга для чтения» ставит перед собой в первую очередь учебные цели) вопросы. Но если «Книга для чтения» как тип учебной книги облегчает ее составление, то немалые трудности встают при разработке ее плана. Эти трудности усугубляются еще и тем обстоятельством, что по огромному большинству проблем эпохи империализма нет научных марксистских монографий и почти все области (экономика, политика, рабочее движение и т. п.) в одинаковой степени подлежат еще научной марксистской разработке.

Редакция в разработке плана издания пошла по правильному пути, когда включила статьи не только по основным европейским странам (Англия, Германия Франция), но и по США и Востоку. Нельзя не признать, что включение в книгу статьи т. Султан-Заде является только первым шагом в этом направлении, так как статья посвящена только Ближнему востоку (Турции и Персии). История Китая и Индии, имеющая большое политическое и научное значение, не нашла освещения в данном томе.

Два упрека можно сделать редакции с точки зрения плана книги. Редакция «Книги для чтения» в своем предисловии пишет: «„Книга" должна дать материал бо́льший, чем тот, который можно получить в обычном учебнике для вуза». Мы полагаем, что эту целевую установку можно было бы выполнить лучше в том случае, если бы охват тем отдельных статей был значительно у́же, если бы план «Книги» был более тематически дробен. От этого бы только выиграла «Книга», избавившись от необходимости помещать слишком общие статьи, но зато и мало содержательные. В этом отношении план издания старых дореволюционных «Книг для чтения»

стоял на более правильном пути. Дробность тем давала бы возможность исчерпать проблему до основания. Это тем более необходимо было сделать, что почти большинство тем эпохи империализма носят исследовательский характер. От такой диференциации «Книга» только бы выиграла.

Другой недостаток заключается в том, что проблемы массового рабочего движения нашли слабое отражение в книге. Социалистическим движением не исчерпывается массовое рабочее движение эпохи империализма, тем более, что в большинстве статей, посвященных этим вопросам, социалистическое движение рассматривается более под углом зрения развития идеологии движения, а не как движение самих масс. Если в статьях по истории рабочего движения Франции мы находим попытку изучить действительно массовое рабочее движение (синдикализм), то по Англии эта сторона вопроса разработана слабо, а по Германии и совсем упущена. В этой же связи необходимо указать и на такое упущение, как на недостаточное и неравномерное изучение и анализ таких процессов в рабочем движении эпохи II Интернационала, которые питали левые крылья социалистического движения. Нельзя, например, пройти мимо левых радикалов в Германии, а в книге мы найдем недостаточный материал по этому вопросу. Марксистов-историков при изучении рабочего движения эпохи II Интернационала прежде всего должны интересовать те противоречивые процессы внутри рабочего класса, которые, с одной стороны, питали и взращивали оппортунизм, с другой стороны,—левые группировки. Если в ряде статей по различным странам мы находим достаточное освещение первого процесса, то в тени остался другой процесс.

Перейдем теперь к обзору отдельных статей по странам. На наш взгляд, менее всего повезло истории Англии. Она представлена двумя статьями—«Экономическая и политическая жизнь Англии конца XIX и начала XX вв.» И. Л. Попова-Ленского и «Рабочее движение Англии в конце XIX и начале XX вв.» Арк. А—на Редакторы «Книги» совершенно правильно отмечают в предисловии основную методологическую установку, которая заключается в «выявлении характернейших черт эпохи империализма, как последнего этапа в развитии капитализма». Редакторы чувствуют всю трудность поставленной задачи и считают необходимым предупредить читателей. Они пишут: «Возможно, что эта основная мысль, долженствующая проходить красной нитью через все статьи данного тома, окажется недостаточно оттененной некоторыми из его статей». Нам думается, что это осторожное замечание редакции надо иметь в виду прежде всего при чтении статьи Попова-Ленского. Большой фактический материал статьи не подвергнут автором необходимой критической обработке и не увязан в стройную марксистскую схему. Мы тщетно бы стали искать в ней ответа на своеобразие истории Англии эпохи империализма, на выявление и анализ новых черт в английской экономике и политике. Автор прошел мимо характернейших и основных черт эпохи—монополий и роли финансового капитала. На протяжении всего изложения мы почти не встречаемся с попыткой серьезно подойти и изучить эти факты. Это объясняется тем, что автор к изучению экономики Англии подходит только под углом зрения «застоя в промышленности и упадка сельского хозяйства» (с. 76). Этими явлениями исчерпывается для него вся экономическая история Англии эпохи империализма. Автор поэтому часто скользит по поверхности событий. Отсюда же вытекает и целый ряд неверных на наш взгляд выводов. Так, например, замедление темпа промышленного развития Попов-Ленский объясняет тем, что «Англия постепенно перестала быть промышленным монополистом на мировом рынке» (с. 86), застой 80-х гг.—«иностранной промышленной и торговой конкуренцией» (с. 91). Но всем известно, что иностранная конкуренция в начале XX в. еще более обострилась, а Англия начала выходить из полосы депрессии. Этот факт отмечает и автор, когда на с. 92 пишет: «Полтора десятка лет, протекшие с начала века до конца мировой войны, можно характеризовать как годы некоторого подъема английского народного хозяйства».

Следовательно, дело здесь не только в иностранной конкуренции. Неверная методологическая установка автора приводит его к тому, что он проходит мимо таких явлений, как социальный паразитизм, загнивание Англии, экспорт капитала. Не умея объяснить основные вехи экономической истории, автор статьи часто беспомощен и в политической истории Англии.

Вторая статья—Арк. А—на—посвящена рабочему движению Англии. Являясь по существу компилятивной сводкой ряда работ, опубликованных ранее на русском языке (Бера, Ротштейна, Вебба, Кола и др.), она почти не дает ни нового материала, ни новых установок. Классифицируя рабочее движение Англии с начала XIX в. до настоящего времени на три периода (первый – начало XIX в. до 50-х гг. – революционный, второй—до 80-х гг. прошлого столетия—чистый трэд-юнионизм, третий—с 80-х гг. до настоящего времени), автор дает слишком общую и суммарную схему. Основную тенденцию третьего периода,—периода, который является предметом исследования данной статьи,—автор характеризует как «стремление более передовых элементов рабочего класса сбросить иго трэд-юнионизма и соглашательства и вновь вступить на путь истинно рабочей политики и действительной борьбы с капиталом» (с. 125). Рассматривая такой длительный отрезок времени, с 80-х гг XIX в. до наших дней,—период, насыщенный различнейшими характерными особенностями внутри английского рабочего движения, как один период, автор заранее отрезает себе путь к уяснению своеобразия различных его этапов, ибо угол зрения, под которым подходит автор к историческим явлениям, отличается большим схематизмом. Совершенно бесспорно, что нельзя китайской стеной отделить события довоенного времени от событий военной и послевоенной эпох. Но также не подлежит сомнению, что история английского рабочего движения после войны носит целый ряд новых, совершенно своеобразных черт, выросших на основе новой мирохозяйственной роли Англии после войны и тех внутренних процессов, которые не были известны в прошлой истории. Ограничиваясь слишком общим подходом к рассматриваемым явлениям, автор очень часто дает и общие характеристики, не вдаваясь в более глубокий анализ. Так, например, неуспех социалистической агитации в Англии т. Арк. А—н объясняет, во-первых, тем, что Маркс и Энгельс с самого начала недружелюбно относились к Г. Гайндману (с. 130), и, во-вторых, неумением вождей с.-д. федерации владеть диалектическим методом в теории и на практике.

Ошибочную доктринерскую тактику с.-д. федерации автор объясняет в значительной степени также и тем, что вождями владела «первое время уверенность в близости социальной революции» (с. 133). Но известно, что этим «грешили» не только одни англичане. Вспомним хотя бы неоднократные предсказания Бебеля, да и самого старика Энгельса. Далее недостаточным пониманием марксизма, неумением овладеть диалектическим методом, применить марксизм к практике движения, отличались опять-таки не только англичане этого периода. Вспомним оценку Гэда и гэдизма во Франции, данную Марксом и Энгельсом, Готскую программу немцев и весь период вплоть до Эрфурта и отношение основоположников научного коммунизма к этим фактам. Очевидно для объяснения столь важного явления в истории английского рабочего движения необходимо привлечь какие-то иные факты.

Так же общи и не прибавляют ничего нового характеристика и анализ фабианцев, независимой рабочей партии и революционного сдвига в рабочем движении начала XX в. Так, например, автор указывает, что «главной причиной этого сдвига следует считать начавшееся с первых годов XX в. вздорожание предметов продовольствия и обихода, приведшее к значительному падению реальной заработной платы» (с. 152). Но вздорожание жизни является только поводом, который в свою очередь обусловлен целым рядом новых явлений империалистической эпохи. Эти более глубокие явления, происходившие во всем строе отношений, как раз и следовало вскрыть. Мы не найдем также в статье анализа положения рабочего класса, его эволюции в эпоху империализма, его состава, выяснения роли различных

прослоек в нем, как и не найдем анализа массового и трэд-юнионистского движения этого периода. Все эти пробелы, требующие еще своего исследователя, подменены общими и суммарными рассуждениями.

Если истории Англии эпохи империализма посвящены только две рассмотренные нами статьи, то Франции посвящены четыре: С. Красного «Буржуазная республика во Франции», Г. Зайделя «Социализм во Франции» и «Жюль Гэд», С. Куниского «Жорес и жоресизм». Необходимо с самого начала отметить, что история Франции представлена наиболее богато, и статьи эти представляют наибольший интерес. А если к тому принять во внимание чрезвычайную скудость марксистской (да и не только марксистской) литературы по истории Франции эпохи империализма, станет понятным то огромное научное значение, которое имеют они. Если статьи, посвященные Англии, отличались компилятивным характером, то большинство статей по Франции носят исследовательский характер статей, написанных по первоисточникам. Это обстоятельство еще больше повышает их ценность и качество. В первую очередь это относится к статьям т. Г. Зайделя.

Очерк С. Красного посвящен описанию и анализу экономической и политической эволюции Франции 1871 г. до войны. Особенно ценно то, что очерк, насыщенный достаточным фактическим материалом, не ограничивается общей характеристикой процесса эволюции, но пытается выяснить те специфические особенности в развитии страны на различных его этапах, которые характерны для империалистической Франции.

Особый интерес, как мы говорили, представляют статьи Г. Зайделя. Написанные с привлечением большого количества первоисточников, они выходят за пределы только учебных целей, являясь по существу сокращенными монографиями. Первая статья посвящена истории синдикализма во Франции. Автор не ограничивается только изучением синдикального движения, но подвергает анализу и критике синдикалистскую идеологию. При этом автор поставил задачей изучение как идеологов синдикализма—практиков (Пуже, Грюффеля, Пелутье и др.), так и «чистых теоретиков» синдикализма (Сорель, Берт, Лагарделль и др.). Подробно выяснив эволюцию синдикализма на различных его этапах под углом зрения развития его идейных, организационных и тактических положений, т. Зайдель обосновал то ленинское положение, которое рассматривает французский синдикализм как «левый» мелкобуржуазный революционизм, выросший на своеобразной почве «демократической» Франции. Но автор не ограничивается только характеристикой и выяснением социальной значимости и социальных корней синдикализма. Он вслед за Плехановым устанавливает и идейные истоки синдикализма. Определяя синдикализм как анархо-синдикализм, т. Зайдель устанавливает и его идейные корни (Прудон, Бакунин, Анри Бергсон). Давая критическую оценку синдикализму как «массовому» движению, отмечая его слабости, ошибки и заблуждения (организационная слабость, незрелость и эклектизм в теории, утопическая тактика), автор вместе с тем отмечает и его сильные и положительные стороны (разрушение веры в чудодейственную силу парламентаризма, подчеркивание классового характера профессионального движения, проповедь антимилитаризма и антипатриотизма). Для автора синдикалистское движение не окрашено в один цвет. Он видит и борьбу внутри синдикалистских рядов и правильно различает две струи в нем: реформистскую и революционную. Но эта проблема как раз меньше разработана в статье. Она только поставлена, но еще не разрешена, как и не резрешена другая проблема: состава и эволюции рабочего класса Франции.

Вторая статья т. Зейделя посвящена Жюлю Гэду, основоположнику французской рабочей партии и пионеру научного социализма на французской почве.

Ж. Гэд как теоретик и руководитель партии—настолько типичная фигура для французского социализма, развитие и эволюция Гэда и гэдизма так характерны для французского социализма, все перипетии борьбы Гэда настолько тесно

сплетены с историей его партии, что статья, посвященная Гэду, по существу является историческим очерком французского социализма. Тов. Зайделю удалось умело сочетать историко-биографический очерк о Гэде с историей французского социализма эпохи. Причем автор чужд как вульгарного апологетизма Гэда и гэдизма, так и упрощенчества. Критически освещая эволюцию, идеологию и тактику гэдизма на различных этапах его развития, начиная с конца 70-х гг., когда Гэд начал складываться как марксист, т. Зайдель на основе привлечения большого количества материалов дает верную характеристику Гэда и гэдизма в последующие периоды как идеологию французского центризма. Нам представляется, что статья значительно бы выиграла и в полноте и в цельности, если бы уделила больше внимания внутрипартийной борьбе, в особенности с жоресизмом. Это тем более необходимо было бы сделать, что следующая статья «Книги»—«Жорес и жоресизм» С. Кунисского—обходит эту сторону дела. Посвященная выяснению облика Жореса как политика и борца, статья занимается главным образом анализом основ мировоззрения, политической и тактической позиции Жореса, выяснением его места в международном социализме. Примыкая к серии статей того же автора, помещенных в «Историке-марксисте» о Жоресе как историке, настоящая статья дает Жореса-политика. Прежде всего необходимо отметить, что название статьи «Жорес и жоресизм» не совсем соответствует содержанию. Жоресизм как определенное течение внутри французского социализма, а потом и внутри социалистической партии, его борьба за гегемонию, его эволюция, как и ряд других проблем, не затронуты в настоящей статье. Она посвящена исключительно Жоресу, при этом Жоресу, поданному статически, а не динамически. От этого, нам кажется, статья носит несколько общий характер. Другим недостатком статьи является несколько апологетический ее характер, во всяком случае она оставляет двойственное впечатление. Это происходит оттого, что т. Кунисский, правильно характеризуя Жореса, как оппортуниста на практике и эклектика—с уклоном в идеализм—в теории, непременно хочет доказать особый характер жоресистского оппортунизма. Для этого он строит схему оппортунизма «эмпирического» «мелкоплавающего оппортунизма без идей, без размаха» (с. 341) и «оппортунизма более высокого порядка», «который превращается в свою противоположность» (с. 342). Вряд ли можно согласиться с автором в этой исходной точке зрения. Оппортунизм всегда и при всяких условиях есть оппортунизм. И его так сказать «идейная чистота» является как раз более опасным явлением, чем «мелкотравчатый оппортунизм». Об этом свидетельствует и история французского социализма. Если в Германии во время войны выступил К. Либкнехт, то Франция не знает таких фигур. Мы считаем совершенно недоказанным и неправильным утверждение автора, что «Жорес стоял на точке зрения центра» (с. 358). В. И. Ленин иначе расценивал Жореса и жоресизм. И уж во всяком случае никак нельзя согласовать это утверждение т. Кунисского с выводами предыдущей статьи т. Зайделя, который на основании анализа эволюции идейных позиций Гэда и гэдизма после 90-х гг. утверждает: «Это было началом скатывания Гэда в лоно реформизма, вернее ц е н т р и з м а (разрядка т. Зайделя—*А. С.*): на этой центристской позиции Гэд с теми или другими небольшими отступлениями остается до империалистической войны, когда со вступлением в буржуазное министерство он окончательно порвет со всем своим революционным прошлым» (с. 321). Читатель-вузовец, для которого и предназначена «Книга», вправе недоуменно спросить: «где правая, где левая сторона», а где центр?

Следующие три статьи «Книги» посвящены Германии. Первая статья дает экономическую и политическую историю Германии (1871—1914). Две другие статьи—Е. Ривлина и Фейгельсона «Борьба течений в Германской социал-демократии» и С. Гингорна «Август Бебель»—представляют несомненно бо́льший интерес. Е. Ривлин и Фейгельсон пытаются дать суммарный очерк основных вех в истории германской с.-д. партии под углом зрения внутрипартийной борьбы трех течений: правых-

«центра» и левых. При ограниченности объема статьи конечно можно только развернуть общую схему. Вот почему ряд выдвинутых положений не мог быть в достаточной степени аргументирован. Заслуживает быть отмеченной основная методологическая установка авторов: в общем и целом они далеки как от апологетизма, так и от вульгарного упрощенства, склонного на всех этапах развития партии видеть оппортунизм, не критически подходя к оценке явлений с точки зрения задач сегодняшнего дня. Но от одного упрека в этом отношении все же не свободны авторы: они недооценивают левых радикалов, упрекая их в том, в чем вряд ли их можно упрекать, если принять во внимание условия и характер эпохи, в которых им приходилось бороться. Упреки левым радикалам в том, что они «не выдвигали вопроса о вооруженном восстании», «неясность отношений левых к вопросу о разрушении буржуазной государственной машины», «отсутствие у них постановки вопроса о форме диктатуры пролетариата»,—вряд ли являются основательными. Именно левые радикалы из всех западноевропейских социалистов первые в борьбе с извращениями центризма в марксовом учении о пролетарской революции и государстве выступили с идеей необходимости разрушения буржуазной государственной машины, именно они явились носителями идеи социальной революции как длительного процесса отчаянной классовой борьбы. Как неоднократно указывал В. И. Ленин, в этих спорах с центристом Каутским марксизм был на стороне Паннекука. Левые никогда не выступали против идеи диктатуры пролетариата и вооруженного восстания. Но при оценке левых радикалов надо учитывать историческую обстановку и силу идейных традиций эпохи II Интернационала, чтобы правильно понять их роль.

Нам также кажется противоречащим истине утверждение тт. Ривлина и Фейгельсона, когда они так оценивают готское объединение: «Сближение обеих групп (лассальянцев и эйзенахцев) произошло не в результате принятия одной из них программы другой, а в результате продвижения каждой из этих партий к позициям марксизма, главным образом в вопросах тактики» (с. 414). Видеть в Готской программе и во всей тактике партии в этот период «приближение к марксизму»—по меньшей мере неосновательно. Всем известна резкая и ясная оценка Марксом и Энгельсом готского объединения как победы лассальянцев и отступления эйзенахцев. Неверная оценка объединения, по нашему мнению, приводит и к другому неверному утверждению о лассальянцах, которые якобы еще накануне 1875 г. поняли всю иллюзорность всеобщего избирательного права (с. 414). Точно так же нам кажется недостаточно обоснованной оценка позиции Моста и «Freiheit» в первый период как подлинно последовательной позиции социал-демократии (с. 419). Объяснять переход Моста на анархистские рельсы под влиянием, с одной стороны, особенностей характера Моста и травли,—с другой (как делают авторы), было бы наивностью. Забывать роль Моста в партии до того момента, когда он стал в оппозицию к руководству партии, его дюрингианский период, и судить о нем только по «Freiheit»—будет не верным. К оценке Моста нам дает массу указаний переписка Маркса с Энгельсом, кстати сказать недостаточно использованная авторами. Переоценка революционности Моста приводит и к переоценке «молодых», когда авторы заявляют: «Несмотря на все это (идет речь о слабых местах «молодых»—*А. С.*), они в борьбе с партийным руководством защищали революционную позицию против совершенно бесспорного сползания партии в болото реформизма» (с. 448). Нам кажется малоубедительной попытка авторов опорочить оценку «молодых» Энгельсом в ряде его писем ссылкой на то, что Энгельс, живя за границей, был не в курсе партийных дел. Нельзя здесь не отметить и того противоречия в оценке позиции партийного руководства этого периода, какое мы находим у только что цитированных авторов и у С. Гингорна, который в статье «Август Бебель», анализируя позицию Бебеля как представителя партийного большинства, на с. 499 приходит к выводу: «Таким образом, несмотря на наметившийся у него (Бебеля) за этот период

уклон вправо по некоторым вопросам (например по вопросу о войне), он все же в общем оставался на революционно-марксистских позициях». Противоречие между авторами этих двух статей сказывается не только в этом. Так например, при анализе работы партии в эпоху исключительного закона авторы приходят к диаметрально-противоположным выводам о существовании единой нелегальной организации. Тов. Ривлин совершенно справедливо утверждает, что хотя «формально общегерманской нелегальной организации с определенным уставом не существовало, но фактически все местные нелегальные организации были между собою связаны и направлялись из единого центра» (с. 422). С. Гингорн, некритически следуя за Бебелем, утверждает: »Централизованной организации, которая бы охватила всю страну, в течение всего периода действия законов против социалистов не было создано: Бебель был против этого...» (с. 495). Но разноречие авторов порой идет и дальше и сказывается на одной из основных проблем: о центризме и его характере. Если т. Гингорн характеризует позицию Бебеля до падения исключительного закона как позицию «революционного марксизма» (с. 517), то тт. Ривлин и Фейгельсон политику основного руководящего ядра партии, т. е. в том числе и Бебеля, квалифицируют как «центризм». Они пишут: «Центр—это основной руководящий кадр партии, вышедший из рядов эйзенахцев и лассальянцев, строивший партию еще до исключительного закона... По вопросам, разделявшим партию в эпоху исключительного закона, центр занимал промежуточную позицию между обоими крайними крыльями (т.е. правыми и левыми—*А. С.*), но в эти годы он, если не считать первых лет исключительного закона, стал значительно ближе к левому крылу партии». И, далее: «Несмотря на значительную эволюцию партии влево, основная масса членов партии, которую и представлял центр, не стояла еще полностью на позициях революционного марксизма» (с. 431). Мы могли бы продолжить это сопоставление противоречивых взглядов (например, оценка авторами этих двух статей взглядов центра на революцию и насильственные методы после 1890 г., сравни с. 437 и 439 со с. 516, и т. п.), но в этом нет необходимости. Мы указали на это потому, что здесь, по нашему мнению, гвоздь методологической проблемы: как подходить к изучению германской социал-демократии? Мы не имеем возможности здесь развернуть этот вопрос, но его необходимо поставить в центре внимания наших исследователей. Иначе мы не выберемся из путаницы и разноречия, которые царят в этих вопросах.

Мы хотели указать еще на два момента в работе тт. Ривлина и Фейгельсона. Первое. Подходя к изучению германской социал-демократии под углом зрения борьбы трех течений, авторы методологически правильно намечают и вскрывают различное социальное содержание и социальную природу правых и левых течений внутри партии на различных этапах. Так например они умеют верно подметить отличие фольмаризма, правого крыла в эпоху исключительного закона (Гейхберг, Шрамм, Бернштейн, часть парламентской фракции) от бернштейнианства и ревизионизма, точно так же как левую оппозицию «молодых» от позднейших левых (Р. Люксембург, Паннекук, Радек, Цеткина и др.). Но нам представляется, что эволюция самого центра на различных этапах прослежена недостаточно. Второе замечание—о Каутском. Авторы с самого начала относят Каутского к представителям центра. При такой трактовке непонятными становятся такие факты, как выступление Каутского по ряду кардинальных вопросов политики (о войне и милитаризме, о профсоюзах и партии и т. п.) против Бебеля как типичного представителя партийного центра, расхождения с Бебелем по ряду теоретических вопросов (до 1909 г.), появление таких работ Каутского как серия работ о социальной революции и «Путь к власти», и наконец борьба Каутского вместе с левыми на ряде этапов против оппортунизма.

США посвящены две статьи Л. Райского: «Рабочее движение в конце XIX и начале XX вв.» и «Очерк экономического и политического развития США в конце XIX и начале XX вв.»

Из статей, трактующих общие проблемы, должны быть отмечены статья М. Спектатора «Основные черты экономики эпохи империализма», С. Бессонова «Развитие техники в период 1870—1914 гг.» и Г. Зайделя «Борьба течений во II Интернационале». М. Спектатор интересно подобранными данными иллюстрирует на экономическом развитии основных стран Европы и Америки те изменения в экономическом строе, которые произошли в эпоху империализма. От анализа изменений в органическом составе капитала автор переходит к выяснению организационных изменений в области промышленности в эту эпоху (монополизм), выяснению основных линий империалистической политики и анализу неравномерного развития отдельных стран.

Нам представляется, что автор недостаточное внимание уделяет выяснению роли и природы финансового капитала и эволюции сельского хозяйства.

Значительный интерес для историков представляет статья т. Бессонова. Обычно историки, как это ни странно, уделяют мало внимания развитию техники и производительных сил вообще, влиянию их на общественные отношения и т. п., ограничиваясь обычно общей констатацией. Тем ценнее является статья специалиста о развитии техники в эпоху империализма. Тов. Бессонов в своей статье, после выяснения некоторых общих методологических понятий о влияниях техники на экономику, дает обзор эволюции техники или вернее основных ее элементов в различных областях народного хозяйста эпохи империализма (машиностроительная промышленность, горнозаводское дело, водный и железнодорожный транспорт и т. д.). Но автор не ограничивается только этим, а рассматривает этот процесс под углом зрения влияния на общественные отношения и в частности на рабочую силу и положение рабочего класса. Эта часть статьи для историка представляет наибольший интерес, так как проливает свет на целый ряд диалектических процессов внутри рабочего класса. Приходится только выразить сожаление, что все эти проблемы (техника и рабочая сила) изложены крайне схематично и бегло (они занимают меньше 3-х страниц).

Интересна и статья Г. Зайделя «Борьба течений во II Интернационале». Автор на основании изучения официальных публикаций протоколов конгрессов и бюллетеней Бюро II Интернационала пытается дать общую периодизацию довоенного Интернационала. Подходя к анализу деятельности II Интернационала под углом зрения борьбы трех течений (ревизионизма, центра и левого крыла, или, по терминологии автора—реформизма, центризма и революционного марксизма), Г. Зайдель различает в истории Интернационала три периода: 1) организационный (1889—1900), 2) период зарождения и роста оппортунизма (1900—1907) и 3) период руководящей роли центризма. Автор предупреждает об условности граней этих периодов и хотя первый период называет организационным по внешним признакам, основное содержание всех периодов видит в борьбе течений на арене международного социализма. Первый период Г. Зайдель характеризует как период консолидации сил рабочего движения, начало разделения на правое и левое крылья. Но так как консолидация сил выдвигала перед социалистическим движением прежде всего задачу овладения массовым рабочим движением и борьбы с анархистами, с одной стороны, и разрешение первоочередных вопросов движения,—с другой, то наметившиеся разногласия в международном рабочем движении, в первую очередь по вопросам тактики, не находя питательной почвы, не идут вглубь. Автор приходит к выводу, что «общая линия II Интернационала в этот период была правильной, несмотря на отдельные мелкие ошибки и зародыши крупных ошибок» (с. 667). Несмотря на такую характеристику основной линии развития II Интернационала, автор считает необходимым отметить и вскрыть недостаточную марксистскую теоретическую и практическую зрелость международного социализма этого периода, проявившуюся в ошибках при проведении в общем правильной тактики исключения анархистов (нежелание считаться с массой анархистски настроенных рабочих), в формулировке вопроса о

завоевании власти (Лондонский конгресс), при разрешении аграрного вопроса (Цюрих и Лондон).

Второй период характеризуется зарождением и ростом оппортунизма, расцвету которого способствовал ряд объективных условий эпохи, и вместе с тем одновременным ростом и укреплением левого крыла социализма. Несмотря на значительную силу и оформленность оппортунизма, в этот период в основном побеждает левое крыло (Амстердам, Штуттгарт). В этот же период начинает формироваться международный центризм, к которому в последующий третий период переходит руководство Интернационалом. Этот третий период характеризуется существованием блока центра и правых и политическим топтанием на месте международного социализма.

Нельзя отказать в цельности, стройности и довольно солидной фактической аргументации схеме основных вех развития II Интернационала, данной т. Зайделем. Нам представляется только, что она носит слишком общий характер и нуждается еще в разработке. При этом мы думаем, что т. Зайдель недооценивает факта борьбы с анархизмом, его характера и значения для дальнейших судеб развития международного социализма. Правда, автор считает необходимым остановиться на этом событии, но он проходит мимо анализа содержания и формы борьбы.

Второе замечание—относительно Базельского конгресса, который, кстати сказать, почему-то совсем не нашел освещения, как и вообще слишком схематичная и слабая разработка третьего периода. Как объяснить с точки зрения схемы, начертанной т. Зайделем, Базельский манифест, который В. И. Ленин расценивает как революционный шаг? Очевидно, схема т. Зайделя нуждается еще в дальнейшей разработке и носит общий и предварительный характер.

Мы ознакомились с содержанием подавляющего большинства статей «Книги для чтения». Несмотря на ряд серьезных возражений, которые вызывают некоторые статьи «Книги», несмотря на ряд противоречий в позициях авторов различных статей, нужно признать, что появление этого тома «Книги для чтения» является значительным событием в наших рядах. Оно означает одну из первых серьезных марксистских попыток научно подойти к истории империализма и дать не только нашему комвузовскому и вузовскому студенчеству, но и преподавателям доброкачественное пособие, вытеснив вредные немарксистские писания проф. Тарле и др. Мы должны приветствовать почин выпуска необходимого пособия. Нужно только пожелать, чтобы скорее последовал выход других томов.

Еще одно пожелание. В переизданиях данного тома, которые несомненно последуют, редакции следовало бы вновь поставить вопрос о плане и тематике «Книги». И вместе с тем необходимо позаботиться о том, чтобы не было такого разноречия в точках зрения авторов статей. В случаях невозможности избежать этого необходимо выявить хотя бы в предисловии позицию авторитетной редакции.

РЕЦЕНЗИИ

ALBERT MATHIEZ, Réaction thermidorienne, F. Alcan, Paris 1929, p. 320.

АЛЬБЕРТ МАТЬЕЗ, Термидорианская реакция, изд. Ф. Алькан, Париж 1929 г., с. 320.

Новая книга Матьеза представляет собою непосредственное продолжение его трехтомной работы „Французская революция".

По словам самого автора, единственной разницей между двумя работами: „Термидорианской реакцией" и „Французской революцией" является то, что первая, ввиду предоставленной издательством возможности, могла быть снабжена ссылками, в то время как при чтении „Французской революции" читатель был вынужден верить автору на слово.

Следовательно, мы имеем дело с книгой общего и популярного характера, рассчитанной на широкий круг читателей. Если учесть это обстоятельство и если не принимать во внимание предисловия, о котором придется говорить особо, новая работа Матьеза продолжает оставаться на прежнем уровне его ранее появившихся работ. Прекрасный стиль, совершенное владение материалом, привлечение даже для популярной работы источников, некоторая близость автора к марксизму, близость, которая делает работы Матьеза столь интересными и ценными, и, наконец, глубочайшее знание предмета,—вот обычные и основные качества его работ.

Кроме того в данном случае, как на особую заслугу автора приходится указать на то, что рассмотрению эпохи, которую обычно трактуют как незначительный период—заключение истории Конвента или введение в историю Директории—им посвящен особый том, содержащий 12 глав и свыше 300 страниц.

Что касается недостатков книги, то все они сводятся к одному: автор ее лишь временами приближается к марксизму,—марксистским методам он конечно не владеет; отсюда его частые сползания к идеалистической и индивидуалистической трактовке, отсюда же выпячивание момента формального и юридического.

В краткой рецензии трудно изложить или оценить полностью все богатое содержание работы Матьеза. Потому мы останавливаемся лишь на некоторых ее моментах, стараясь более критиковать, чем реферировать. Прежде всего, основною целью автора является показать непрерывный рост реакционных сил. „Мы будем присутствовать,—говорит Матьез,—при постоянном разрушении учреждений и порядков предшествующей эпохи, эпохи террора, точно так же как и при изгнании и преследовании всех лиц, которые перед этим обладали властью или участвовали в управлении". В общем с этой поставленной перед собою задачей наш автор справился. Но это развитие и рост реакционных сил он изобразил как какой-то стихийный, помимо воли групп и лиц, участвующих в политической борьбе, происходящий процесс. „События развивались, как будто бы они были результатом какого-то плана, предварительно задуманного, и все-таки эта внешность была обманчива. Какого бы плохого мнения мы ни были о термидорианцах, мы должны были бы приписать им столько утонченного лицемерия, столько тончайшего маккиавелизма, что подобное предположение невозможно".

Эпоха термидорианской реакции противопоставляется Матьезом эпохе террора, как время низких страстей, как эпоха жалких пигмеев, эпохе благородных побуждений, великих идей, осуществляемых великими людьми. „Личное соперничество,—пишет Матьез,—взяло верх над борьбой идей, общественное благо стушевалось или исчезло перед частными интересами, политиканство сменило политику,—словом вдруг выявился рассчитанный эгоизм".

Среди всех гигантов эпохи террора выделяется могучая фигура „Неподкупного"; последний, по словам Матьеза, „был на пути к социальной революции, и это было одной из причин его падения". Знакомый с общими работами Матьеза легко догадывается, что попыткою осуществления социальной революции Матьез называет „вантозовские законы", каковые конечно нами за такую попытку признаны быть не могут.

Воплощению добра—Робеспьеру противопоставлено воплощение зла—Дантон, нужды нет, что он уже не существует, его губительную деятельность продолжают его сторонники: „Дантон был казнен 4 месяца тому назад, но теперь торжествовала его циничная программа... наконец-то дантонисты управляли". Фактическому положению вещей это заявление Матьеза приблизи-

тельно соответствует, но оно, как и вышеприведенные утверждения, страдает полным отсутствием попытки дать классовый анализ происшедших событий.

Однако несколькими страницами ниже классовый характер происшедших после 9 термидора изменений начинает выясняться. Характеризуя термидорианский режим, наш историк говорит: „Правительственная анархия, неизбежная при подобном режиме, не могла им (господствующим группам) не нравиться: ведь в мутной воде лучше всего ловить рыбу. Республика, которую они хотели восстановить, была республикой... богатства и довольства“.

В конце же своей работы Матьез дает еще более четкую характеристику господствующей в эту эпоху группы. Приведя тираду одного из термидорианцев, направленную против возвращения эмигрантам и духовенству имуществ, Матьез заявляет: „Подобные высказывания проникали в самое сердце всех представителей класса приобретателей национальных имуществ, людей получивших выгоды от революции, с которыми все более и более сближались термидорианцы“ (с. 265).

Наконец на одной из последних страниц почтенный историк ставит все точки над „и“ и говорит по поводу термидорианцев, что они „имели за собой только приобретателей национальных имуществ и поставщиков—фалангу малочисленную, но дисциплинированную и смелую“ (с. 311). Таким образом социальная база термидорианского режима—авангард крупной буржуазии, ее спекулятивная, хищническая прослойка, здесь указана, в конце концов, правильно.

Более детального анализа мы у нашего историка не найдем, мы не найдем у него классового фундамента, подведенного под фракционные разногласия среди самих термидорианцев. Его характеристика той группы, которую он называет центром, удовлетворить нас не может. Вот как характеризует Матьез этот конвентовский центр: „К центру принадлежали люди, работавшие прежде в комитетах, легисты, как Мерлен из Дуэ и Комбасерес, которые молчали в эпоху террора и которые чувствовали, что их время придет среди всеобщей посредственности... Именно отсюда Бонапарт будет рекрутировать своих высших чиновников“ (с. 63).

Матьез слишком много внимания уделяет борьбе внутри Конвента и значительно меньше—событиям вне его стен, тем событиям, которые в значительной степени эту борьбу объясняют. Слишком мало места отводится рассмотрению позиции якобинцев, анализу ошибок принятой ими тактики и т. д. Так, в качестве роковой ошибки, приведшей якобинцев к закрытию их Клуба, Матьез указывает на то, что они „ввязались в дело Карье“. Между тем, роковым в положении якобинцев было то, что они не могли опереться на широкие городские массы. Впрочем, ниже в связи с рассказом о прериальских событиях Матьез дает прекрасную характеристику позиции якобинцев, но об этой характеристике придется говорить особо.

Пожалуй, еще хуже обстоит дело с теми группами, которые в свое время были оппозицией якобинцам слева. Прежде всего, все эти группировки Матьез называет общим именем „гебертистов“. Таким образом, гебертистами оказываются и Варле, один из вождей бешеных, и будущий вождь „равных“—Бабеф. В изображении Матьеза гебертисты являются прочными союзниками термидорианцев. Бабеф, согласно этой концепции, издает свой журнал на средства Фрерона; мало того, наш историк идет в этом направлении так далеко, что прямо утверждает, будто Бабеф был „первым вождем золотой молодежи“.

После 9 термидора в течение некоторого времени в Парижских секциях, повидимому, царило большое оживление и происходила острая борьба. К сожалению, рассматриваемая нами работа непропорционально мало внимания уделяет этой интересной проблеме. Как мы уже говорили, борьба, происходящая в секциях, не увязывается с тем, что происходит в Конвенте, благодаря этому оказывается невозможным понять, почему одно время Конвент занимал как будто более левую позицию, свидетельством чего является декретирование перенесения тела Марата в Пантеон.

Однако события развертываются таким образом, что нашему автору приходится обратиться к массовым выступлениям. Событиям жерминаля и прериаля посвящено по одной главе. Жерминальское выступление характеризуется самим заголовком главы: „Первый голодный бунт“. Такая характеристика является конечно недостаточной. Жерминальское выступление было не только „голодным бунтом“—оно выдвинуло и политические лозунги.

Кстати, лишь в этой главе мельком упоминается продовольственная политика Конвента, осуществляемая после термидора. Это обстоятельство не может не вызвать удивления: каким образом могло произойти, что историк, выпустивший отдельную работу о максимуме, столь мало внимания уделил вопросу о падении максимума.

Возвращаясь к рассмотрению жерминальского выступления в освещении Матьеза, мы прежде всего укажем, что политические требования, предъявленные восставшими, Матьез характеризует как возрожденные требования гебертистов. Нам бы казалось, что родословную этих требований следовало вести от бешеных, но о последних наш автор почему-то совершенно забывает.

Зато касаясь вопроса о взаимоотношении между массовыми выступлениями

весны 1795 г. и остатками монтаньяров, Матьез разрешает этот вопрос совершенно правильно. Несмотря на то, что следствием неудачи первого выступления явилась высылка виднейших бывших якобинцев, а результатом второго — казнь „последних монтаньяров“, остатки якобинцев, конечно, не были вождями и организаторами этих революционных выступлений парижских предместий.

Второе выступление—прериальское восстание—наш историк не оценивает уже как „голодный бунт“. По его мнению, прериальские дни—это последнее усилие „рабочих и ремесленников Парижа завладеть властью и остановить реакцию“. С такой характеристикой нельзя не согласиться; но еще более интересными кажутся нам те строки этой главы, где все движение, вся борьба первых дней прериаля изображены как борьба двух непримиримых классовых врагов: „Мы обратились,—цитирует Матьез слова Ровера,—с призывом к порядочным людям, добрым гражданам, которые имели какое-либо имущество, чтобы его сохранить. Мы их призвали в каждой секции, и мы сразу получили армию в пятьдесят тысяч человек“ (с. 253). В прериальские дни „рабочий Париж, канальи, как выражался Ровер,—говорит Матьез,—и Париж бездельников, „порядочные люди“ — стояли друг против друга“ (с. 254).

Мы уже упоминали, что в этой же главе Матьезом дается прекрасный анализ позиции, занятой во время восстания монтаньярами: „Депутаты - монтаньяры,— говорит Матьез,—до последней минуты пребывали в некоем нейтралитете, гибельном, боязливом и тревожном. Парижские рабочие плавали без руля и без ветрил, так как те, чьего руководства они ждали, их покинули. Ни 12 жерминаля, ни 1 прериаля монтаньяры не сумели открыто и своевременно взять на себя ответственность. Они укрылись за легальностью, возможность обвинения в заговоре парализовала их. И как бывает часто, демократическая масса была лучше своих вождей. Эти ремесленники, голодавшие в течение нескольких месяцев, взбунтовавшиеся открыто и горевшие желанием броситься сражаться против полиции и армии порядка, держались иного поведения, чем депутаты, которые наперед предупреждали всякое подозрение в причастности их к восстанию. Монтаньяры, несмотря на искренность своих демократических чувств, несмотря на все, принадлежали к другому классу, чем народные массы, все они были выходцами из буржуазии, они понимали народ только умом, они не были на равной ноге с рабочими, от которых их отделяло воспитание, материальное положение и вкоренившиеся предрассудки. Народ не имел представителей, взятых из своей собственной среды».

Мы думаем, что столь длинная цитата не вызовет нареканий против нас—многое Матьезу можно простить за эту прекрасную характеристику якобинцев и их взаимоотношений с народными массами. Впрочем, в этой же главе имеется и некий промах, на который нельзя не указать. Матьез утверждает, что восстание не имело вождей, но то обстоятельство, что монтаньяры не были вождями восстания, не дает еще возможности заключить, что у него вовсе не было никакого руководящего центра. К сожалению, однако, наш историк не использовал доступных ему возможностей, чтобы выяснить, кто мог стоять во главе движения.

Как мы уже говорили, в журнальной рецензии невозможно исчерпать все богатое содержание разбираемой нами книги. Белый террор, заговоры роялистов, их различные фракции, пресса того времени и организация контрреволюционных журналистов, заигрывание реакционеров из Конвента с вандейскими мятежниками, религиозная политика термидорианцев, вандемьер и т. д. и т. д.—вот богатое содержание книги Матьеза.

В начале нашей рецензии мы обещали отдельно поговорить о предисловии к рассматриваемой нами книге. Последнее является весьма неприятным, тяжеловесным и недоброкачественным привеском ко всей работе. Оно является продуктом каких-то специфических обстоятельств, толкнувших нашего историка на попытку окончательно и решительно отмежеваться от марксистской науки, от ученых марксистов, сочувственные отзывы которых, очевидно, в момент составления предисловия казались профессору Матьезу прямо-таки компрометирующими.

Заявить и выставить себя сторонником аполитичной науки, неответственным за те политические выводы, которые злонамеренные люди захотели бы сделать из его беспристрастных научных исследований, вот основное стремление, руководившее Матьезом в момент написания им этого предисловия. „Я пишу—декларирует он,—не для того, чтобы катехизировать или чтобы рекрутировать сторонников с той или с другой стороны, а лишь для того, чтобы учить и ознакомлять с фактами. Я считал бы себя упавшим в собственных глазах, если бы я, берясь за перо, заботился о тех или иных политических партиях, которые извлекали бы из моих писаний выводы для политики нынешнего дня во Франции или за границей. Пусть люди действия—красного, черного или белого стараются использовать мои книги для своего дела, это неприятность, которую я должен переносить спокойно. Ни их похвалы, ни их оскорбления не заставят меня отклониться от моего пути. Если история—политика прошлого, то это не является еще основанием для того,

чтобы делать ее низкой прислужницей политики, тем более политиков настоящего. Она не имеет другого смысла, как совершенно независимо говорить то, что она почитает истинным, тем хуже для тех, кому эта истина неприятна".

Эта тирада наводит на большие размышления. Что это, случайная тактика, созданная условиями момента, или это полный и окончательный разрыв, решительный отход в лагерь черной реакции? Ответом на этот вопрос будут дальнейшие печатные выступления профессора Матьеза.

С. Моносов.

А. Н. ШТРАУХ. К вопросу о генезисе социальных воззрений Н. Г. Чернышевского. (Индустриально-Педагогический Институт им. К. Либкнехта. Научные труды под ред. проф. Н. Н. Месяцева. Серия социально-экономическая, вып. 9, с. 27). Изд. Индустриально-Педагогического Ин-та им. Либкнехта. М. 1929.

Диспут о Н. Г. Чернышевском, разгоревшийся в связи с его недавним юбилеем, дал чрезвычайно ценные методологические результаты. Критика концепции Ю. М. Стеклова выяснила, насколько неправильно приписывать Н. Г. Чернышевскому „ленинские идеи", видеть в нем „основоположника коммунизма" в России и пророка Октябрьской революции и советской власти, рассматривать его оторванно от породившей его эпохи. Естественно было предположить, что после юбилея начнут появляться специальные работы о Н. Г. Чернышевском, монографически разрабатывающие, в противовес концепции Ю. М. Стеклова, различные выдвинутые юбилеем проблемы. Работа А. Н. Штрауха — одна из этих немногих работ. В целом эта работа была написана до появления 2-го издания двухтомного труда Ю. М. Стеклова: концепция последнего была известна тогда лишь из его популяризаций и отдельных статей. Этим объясняется беглый характер замечаний, относящихся именно к двухтомнику Ю. М. Стеклова. Но „поскольку основные черты его концепции были совершенно ясны и до появления двухтомника, работа А. Н. Штрауха во всем построении своем и выводах оказывается заостренной против концепции Ю. М. Стеклова.

В этом - одна сторона значения работы А. Н. Штрауха. Другая же сторона в том, что это—первая работа монографического типа, имеющая в качестве одной из основных предпосылок выдвинутую М. Н. Покровским концепцию крестьянской революции как основного двигателя „эпохи реформ" 60-х годов.

В вводной части своей работы А. Н. Штраух совершенно правильно считает одним из важнейших методологических промахов Ю. М. Стеклова то, что он не учел одного из „основных требований диалектики—изучать объект в его движении и взаимодействии с окружающей средой" (с. 5); поэтому Н. Г. Чернышевский у Ю. М. Стеклова „вырван из исторической обстановки и поднят над ней в своеобразном апофеозе из самой себя развивающейся гениальной мысли" (там же). А. Н. Штраух указывает и на второй крупный методологический промах Ю. М. Стеклова: он построил изучение Н. Г. Чернышевского на изуродованных цензурой текстах, хотя имел полную возможность изучить подлинные тексты и корректуры. Из этих двух крупнейших ошибок проистекает „недостоверность и произвольность полученных выводов".

А. Н. Штраух избрал своей темой сравнительно краткий, но чрезвычайно важный период развития взглядов Н. Г. Чернышевского,—период их первоначального формирования, с 1848 до начала 50-х годов. Исследование строится главным образом на материале дневника Н. Г. Чернышевского (I т. „Литературного наследия"), имеющего то огромное преимущество, что текст его не искажен ни внутренней цензурой самого автора (дневник писался Н. Г. Чернышевским только для себя, и особый шифр исключал возможность его прочтения другим лицом), ни внешней цензурой.

На основании записей дневника А. Н. Штраух устанавливает эволюцию политических взглядов Н. Г. Чернышевского. События 1848 г. по мнению А. Н. Штрауха оказали на Чернышевского огромное влияние, но не в самый момент их возникновения, а значительно позже. Опыт революции 1848 г. усвоен Чернышевским как урок классовой борьбы и социализма не в то время, когда иностранные газеты и журналы приносили юному студенту Чернышевскому известия о крупнейших классовых боях 1848 г. Так, известие об июньских днях воспринято Чернышевским как весть о „бунте", которая тем ужаснее, что тогдашний идеал Чернышевского—Луи-Блан... обвинен в соучастии. А. Н. Штраух подчеркивает (с. 7), что Ю. М. Стеклов стоит на диаметрально противоположной точке зрения, но в соответствующем месте его книги имеется „лишь догматическое изложение взглядов самого Стеклова, не подтвержденное ни одной ссылкой на писания Чернышевского". Первый этап политического развития Чернышевского и характеризуется тем, что „1848 г., преломленный сквозь призму утопического социализма, не мог внушить Чернышевскому идеи классовой борьбы и сознания, что освобождение трудящихся есть дело самих трудящихся. Чернышевский был в это время убежден, что улучшение быта „простолюдинов" должны „придумать" великие умы социальных реформаторов, после чего „идеи" победят сами собой,—или в царство будущего, „на все готовое" народ будет введен абсолютным монархом,

на долю которого выпадает при этом и роль просветителя темных масс и практическая подготовка их к новым формам общественного быта" (с. 24). Под влиянием Луи-Блана Чернышевский „все более" утверждается „в правилах социалистов" (с. 9). По „спад революционной волны,— пишет далее А. Н. Штраух,—делает Чернышевского постепеновцем радикально-буржуазного толка и усиливает идеалистический элемент его общественных воззрений. Влияние социалистов оттесняется на второй план идеей абсолютного права и справедливости в буржуазной интерпретации Гизо" (с. 24). На переломе от этого—второго—этапа развития к третьему Чернышевский знакомится с Гегелем, но еще не усваивает гегелевскую диалектику, как „алгебру революции",—это приходит позже, через изучение Фейербаха. Перелом совершается под влиянием растущей крестьянской революции в России, с одной стороны, и нового обострения политической борьбы на Западе—с другой. Для Чернышевского становятся яснее законы классовой борьбы, и сам он решительно становится на сторону борющегося „народа" (с. 25). „Однако, экономическая отсталость России, в частности слабость в ней рабочего движения, составляла слишком скудную почву для развития понятий научного социализма. Хотя Маркс и был известен петрашевцам, но Чернышевский не испытал ни прямого, ни косвенного влияния этого мыслителя и остановился на позициях фейербаховской антропологии, не исключавшей идеалистической трактовки общественного развития и переоценки исторической роли „критически мыслящей личности" (с. 25). В начале 50-х годов Чернышевский уже безоговорочно приветствует нарастающую волну крестьянской революции, хотя его научному мировоззрению еще далеко до той законченности философской системы, которая присуща более позднему и более зрелому Чернышевскому, а его политической программе не достает последовательности и устойчивости. Такова постепенная эволюция Чернышевского от „мирного вегетарианского социализма утопистов" к позициям радикального мелкобуржуазного демократизма, характерная для того этапа развития Чернышевского, который прослежен А. Н. Штраухом. Один частный момент этой концепции мне кажется спорным: известное утверждение Н. Г. Чернышевского: „лучше всего, если абсолютизм продержит нас в своих объятиях до конца развития в нас демократического духа, так что как скоро начнется народное правление, правление de jure и de facto перейдет в руки самого низшего и многочисленного класса—земледельцы + поденщики + рабочие—так чтоб через это мы были избавлены от всяких переходных состояний",—это утверждение анализируется А. Н. Штраухом лишь с точки зрения особых воззрений Н. Г. Чернышевского на абсолютизм и на своеобразие путей развития России, отличных от Западной Европы; между тем другая сторона—представление о политическом господстве „самого низшего класса"—остается непроанализированной. Между тем именно на этом утверждении Ю. М. Стеклов базирует ряд неправильных выводов. Заметим также, что к концу исследуемого А. Н. Штраухом периода Чернышевский до конца преодолел и совершенно отбросил боязнь перед тем, что ранее ему казалось „бунтом"; фраза о революции: „Я приму участие... меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня"—ответ на „страхи", распространенные в окружавшей Чернышевского мелкобуржуазной среде, а не доказательство остатков „некоторого ужаса" перед этим у самого Чернышевского (с. 27).

Но эти замечания не умаляют правильности основного вывода работы. „План реформ, начертанный Чернышевским, на случай захвата власти демократами, устранял важнейшие препятствия с пути капиталистического развития России.. Субъективно выражая взгляды разночинной интеллигенции, Чернышевский готовился по существу дела принять на свои плечи тяжесть... борьбы с феодально-крепостническим режимом"... Насколько далеко отошел Чернышевский впоследствии от этой политической позиции, на этот вопрос может дать ответ только внимательное изучение дальнейшего развития социальных воззрений Чернышевского во второй, петербургский период его жизни (с. 27).

Пожелаем продолжения этой работы. Действительность показала, что „юбилейное обольшевичение" деятелей революционного движения—явление отнюдь не случайного порядка. Это доказал юбилей „Народной Воли". Поэтому особенно ценно всякое монографическое исследование, ведущее борьбу на этом фронте.

М. Нечкина.

К. Ф. НОВАК. Версаль, ГИЗ. М. 1930, пер. с нем. А. В. Юдиной с предисл. Б. Е. Штейна.

У нас мало литературы, посвященной дипломатической стороне Версальской конференции, которая была бы доступна широкому советскому читателю, незнакомому с иностранными языками. Мы, пожалуй, не ошибемся, если скажем, что чаще всего у нас с этой стороной версальских переговоров знакомятся, как это ни странно, по соответствующей главе из книги Тарле. Большая же часть остальной, имеющейся на русском языке литературы, рассматривает Версальский мир преимущественно в аспекте его экономических и политических последствий [1]. Нечего и говорить, что при

[1] Книга Бекера „В. Вильсон" конечно не относится сюда, но эта книга не относится и вообще к разряду научных работ, имея лишь значение материалов.

таких условиях желательно пополнение литературы о Версале на русском языке. Крайне желательно появление солидной марксистской работы, посвященной Версальскому миру. Пока мы такой работы еще не имеем, и поэтому нельзя не приветствовать хотя бы перевод того, что имеется наиболее добросовестного в буржуазной иностранной литературе о Зерсале.

Насколько отвечает предлагаемая ныне нашему читателю книга австрийского историка К.Новака этой задаче—ознакомить с ходом дипломатических переговоров в Версале?

Работа Новака дает в общем добросовестное изложение фактов. Автор использовал в основном все источники, которые были известны в 1927 г.—т. е. в момент, когда его труд появился на немецком языке. Он привлек важные, неопубликованные материалы. Автор целого ряда работ, связанных с комплексом проблем, вращающихся вокруг поражения центральных империй и Версальского мира [2], Новак прекрасно владеет материалом. Вместе с тем Новак имел доступ в „высшие сферы" довоенной и послевоенной эпохи, главным образом, конечно, к былым правящим кругам Австро-Венгрии и Германии (он был близок к Конраду фон Гетцендорфу), он сумел также завязать связи и с деятелями Антанты. Благодаря этим связям работа Новака в значительной степени написана на основе не документов, а интервью. „Основной остов работы,—пишет Новак, взят из сообщений многочисленных государственных деятелей, дипломатов и военных" обоих лагерей. „Все они были участниками или вождями Версальской мирной конференции". Личное интервью с живыми участниками событий является ценным и интересным видом исторических источников. Но нельзя забывать, что этот тип источников открывает и исключительно широкое поле для произвола историка: как-никак, но писанный документ ставит этому последнему более узкие рамки, чем устное интервью. Реконструкцию исторических фактов на основе документов гораздо легче проверить, нежели реконструкцию на основе личных бесед с участниками событий — особенно, если эти последние уже успели умереть или если историк не делает определенных ссылок на тех лиц, которые сообщили ему приводимые им факты. А именно так и поступает К. Новак. И тем не менее приходится признать, что мы не можем его упрекнуть в недобросовестности. Это происходит, между прочим, потому, что общая концепция Новака является с нашей точки зрения, во многом правильной. Его изложение стремится показать насильственный, эксплоататорский характер Версальского мира, его концепция—конечно концепция буржуазного историка, но это вместе с тем—концепция побежденной стороны, и это во многих существенных моментах сближает ее с нашей оценкой Версаля. В смысле использования источников Новаку можно поставить разве один упрек: он мало использовал прессу. Нельзя однако не признать, что этого недостатка крайне трудно избежать и вследствие слабой разработки методов использования прессы, как источника по истории внешней политики, и вследствие того, что здесь в большинстве случаев не проделана достаточная подготовительная черновая работа.

Серьезнее другой недостаток. После 1927 г., когда вышла книга Новака, появились новые источники. Так, в 1928 г. вышел том IV личных бумаг полковника Хауса [3]. Этот интересный материал, конечно, не мог быть использован Новаком.

Переходя к содержанию работы Новака, приходится прежде всего отметить, что большим ее плюсом,—который несомненно должен был говорить в ее пользу при выборе из наличной литературы книги для перевода на русский язык,—является то, что Новак—не только не затушевывает, но, наоборот, старается подчеркнуть и довольно рельефно выявляет грабительский характер Версальского мира и безграничный цинизм методов дипломатии Антанты. Это конечно обусловлено принадлежностью Новака к побежденной стороне—мы не хотим впрочем сказать, что из-под пера представителей противоположного лагеря не вышло отдельных работ, дающих весьма много в этом смысле—достаточно напомнить работы Нитти или Кэйнса.

Во всяком случае, Новак дает большой материал, характеризующий империалистический, насильнический характер Версальского договора. Может быть особенно нового он тут и не сказал, но яркость изложения делает то, что с этой точки зрения работа Новака наверное пригодится в практической работе преподавателю наших вузов, комвузов и т. д.

Вместе с тем Новак подчеркивает антисоветские устремления Антанты—делает он это, не то чтобы прямо сочувствуя планам похода на Советскую Россию, но во всяком случае вполне ценя всякую предусмотрительность на счет „большевистской опасности". Из области относящегося к „русской проблеме" особенно интересно письмо Ллойд-Джорджа, фигурирующее под названием„ документа из Фонтенебло", которое Новак печатает целиком.

Конечно, как правильно отмечает в своем предисловии т. Штейн, Новак все-таки не дает полного представления о той роли, которую играл в Версале так называемый „русский вопрос".

---

[2] „Der Sturz der Mittelmächte"; „Der Weg zur Katastrophe"; „Chaos".

[3] „The intimate papers of colonel House. Arranged bu Seymour". Vol IV.

Наконец большим достоинством работы Новака являются ее литературные качества. Новак дает увлекательный рассказ о дипломатической игре, сопровождавшей выработку и заключение Версальского договора. Попутно он дает галлерею красочных портретов главных героев драмы—Ллойд-Джорджа и Клемансо, Вильсона и полковника Хоуса, Эрцбергера и графа Брокдорф-Ранцау. Прекрасный язык Новака удачно передан переводчицей. В силу этого книга Новака и в русском переводе читается как занимательный роман.

Таковы положительные стороны рецензируемой книги. Но она имеет и весьма серьезные недостатки. Обладая блестящим литературным стилем, хорошо осведомленный, в общем добросовестный и интересный рассказчик и талантливый разоблачитель антантовской дипломатии—Новак гораздо слабее в области научного исторического анализа.

Так, анализируя позицию Вильсона, Новак лишь подчеркивает ее беспочвенность и то обстоятельство, что американская буржуазия не поддержала своего президента. Как совершенно верно указал в своем предисловии т. Штейн, Новак не пытается дать анализ классовых основ этой политики невмешательства в европейские дела, политики, которая победила линию В. Вильсона. Но быть может, еще большим недостатком работы Новака является то, что он не анализирует и политики самого Вильсона. Допустим, что Вильсон был „беспочвенным" политиком. Сама эта „беспочвенность" должна же иметь какую-то социальную „почву", какие-то более глубокие причины, чем личные филантропические убеждения, настроения и вкусы профессора и президента Вудро Вильсона. Конечно, наивно ждать от немарксиста Новака анализа классовых корней взглядов Вильсона, но мы вправе были бы ждать от него хотя бы анализа идейного генезиса его политических убеждений. Это тем более, что и самый тезис о „беспочвенности" Вильсона нам не кажется бесспорным: кое-какая „почва" у Вильсона была: уже в 1919 г. существовал слой американской буржуазии, заинтересованный во вмешательстве в европейские дела. В силу того, что проблема военных долгов еще не успела встать во всей своей остроте, этот слой оказался тогда менее сильным и энергичным, чем безусловные сторонники доктрины Монроэ. Но все же у политики вмешательства в европейские дела была объективная почва и в тех кругах финансового капитала, которые кредитовали Антанту, и в тех сельскохозяйственных слоях Запада и особенно Юга, которые всегда поддерживали Вильсона как представителя демократической партии и которые были заинтересованы в восстановлении покупательной силы Европы. Наконец, нельзя забывать, что пацифистская и филантропическая фразеология Вильсона вовсе не была только его личной особенностью, и следовательно не была случайной. Скорее, она является традиционной принадлежностью американской дипломатии. Позднейшая попытка повторить в новых формах то, что не удалось Вильсону, попытка активно выйти на мировую политическую арену—пакт Келлога—тоже ведь не свободна от этой фразеологии.

У Новака же получается такая концепция: с одной стороны „Америка", выступающая в виде монолитной массы, враждебной участию в европейских делах и цепко держащаяся за доктрину Монроэ, а с другой—ее мечтатель-президент, вся политика которого не имеет как будто никаких иных причин, кроме его личных убеждений.

Относительно лучше удался Новаку анализ французской политики. Но позиция британского империализма и его вождя Ллойд-Джорджа им опять-таки недостаточно объяснена. Он подчеркивает страх Ллойд-Джорджа перед большевизмом. Но он игнорирует англо-французскую борьбу за гегемонию в Европе, игнорирует стремление не дать слишком усилиться Франции, мотив, который несомненно в значительной мере руководил Ллойд-Джорджем и которым, между прочим, в не малой мере объясняется и то отрицательное отношение Ллойд-Джорджа к усилению Польши, которое Новак склонен объяснять личной антипатией британского премьера к полякам.

Мы отметили только важнейшие промахи Новака—их можно бы привести и еще не мало. Здесь мы укажем только, что если условия мира, навязанные Германии, изображаются Новаком в их настоящем свете, то разоблачения истинного значения Лиги наций мы у него, конечно, не найдем.

Подводя итоги сказанному, можно, думается, все-таки признать, что перевод работы Новака принесет определенную пользу.

Нельзя не отметить, что некоторые другие иностранные работы, посвященные Версалю, в ряде отношений стоят выше книги Новака. Но наиболее капитальная работа, посвященная Версальскому миру, многотомная работа Темперлея[5] уже в силу своих размеров неудобопереводима. Работа Новака снабжена полезным и интересным предисловием т. Штейна, в котором т. Штейн посвящает несколько страниц деятельности гр. Брокдорф-Ранцау.

С внешней стороны книга издана удовлетворительно. Перевод в литературном от-

[4] Nowak, Versailles, S. 145 русск. перевод. с. 90 и след.

[5] Temperley, A history of the peace conference of Paris, vol. 1—3 and 6, London 1920—1924.

ношении выполнен хорошо. Встречаются отдельные ляпсусы: так. вместо того, чтобы „Montenegro“ перевести словом „Черногория“, переводчик и по-русски пишет о каком-то „Монтенегро“ [6]...

В. Хвостов.

„ЛЕВЫЕ КОММУНИСТЫ“ В СВЕТЕ НОВЫХ ФАКТОВ (XI Ленинский сборник, Институт Ленина, Гиз, 1929, с. 421. Ленин, сочинения, т. XXII. 1917—1918. Подготовлен к печати В. Н. Рахметовым, Институт Ленина, изд. 2-е, Гиз, 1929, с. 680; Протоколы ЦК РСДРП. Август 1917—февраль 1918. Подготовил к печати В. Рахметов, Институт Ленина, Гиз, 1929, с. 309.

„В этом споре разберется историк, но ему не легко будет подыскать оправдание для тактики: „войны не прекращать“,—так говорил Ленин на VII съезде партии, докладывая о партийных разногласиях по вопросу о Брестском мире. История, несомненно, уже осудила Брестскую тактику „левых“, точно так же, как сами они осудили свое поведение. Но новые материалы открывают такие факты и сообщают такие детали, о которых говорят, что они составляют самую картину. К числу указанных „деталей“ принадлежит и вопрос, выполнял ли Троцкий линию партии, когда выдвинул в Бресте лозунг „ни войны, ни мира“. „Ознакомление с документами,—писали „примечатели“ к сочинениям Троцкого,—не оставляет никакого сомнения в том, что, выступив со своей декларацией, которой состояние войны объявлялось прекращенным, но в то же время провозглашался отказ от подписания мира, наша делегация поступила в точном соответствии с решением ЦК РКП“ [1]. Это заявление, к сожалению, не только не было опровергнуто, но стало общепринятым, поскольку проникло даже в коментарии к новому изданию Ленина.

Так ли это, однако?

21 (8) января Ленин вынес на совещание ЦК совместно с членами фракции III Всероссийского съезда советов свои тезисы о мире. На собрании во время обсуждения наметилось три точки зрения: за революционную войну с Германией высказалось 32 товарища, за демобилизацию армии и объявление войны прекращенной, но при отказе от подписания мира (Троцкий)—16, за предложение Ленина заключить сепаратный аннексионистский мир—15.

24 (11) января состоялось заседание ЦК, на котором обсуждались все эти три точки зрения, причем голосование в ЦК разбилось следующим образом:

1) За революционную войну 2, против 11, воздержалось 1.

2) За предложение Ленина, „что мы всячески затягиваем подписание мира“—12, против—1.

3) За предложение Троцкого:—мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем“—9, против—7.

Именно из этого голосования до сих пор делали вывод, что ЦК принял предложение Троцкого и сделал его своей директивой.

Разберем, однако, внимательно как самое голосование, так и ряд последующих событий.

Отметим прежде всего:

Из трех точек зрения—„революционная война“ несомненно отпадает, как собравшая всего 2 голоса, и остаются, следовательно, лишь точка зрения Ленина и Троцкого.

Во-вторых, предложение Ленина отнюдь не является, как писал в своих воспоминаниях о Ленине Троцкий, переходом на позицию Троцкого; напротив, оба предложения голосовались отдельно, как противоположные друг другу. Чтобы судить, какое же из них было принято, мало поэтому ограничиться самим голосованием, нужно привлечь и другие материалы.

После заседания ЦК Троцкий выступил на III съезде Советов с информационным докладом о ходе мирных переговоров. По его докладу съезд принял резолюцию, в которой одобрил политику затягивания мирных переговоров, совершенно не давая точных директив делегации, но предоставил Совнаркому неограниченные полномочия в деле заключения мира. В резолюции съезда нет, таким образом, лозунга Троцкого, что, правда, можно объяснить официальным характером резолюции: в советской, т. е. официальной резолюции политически было невыгодно открыть карты противнику.

Дело однако оказалось не только в дипломатии. Немедленно после принятия резолюции группа членов ЦК, принадлежавших к „левым“, в том числе и т. Бухарин, а также ряд наркомов подали в ЦК заявление с протестом против резолюции съезда „ввиду того, что в резолюции, внесенной от имени большевистской фракции на съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, не имеется прямого указания на недопустимость подписания договора 11 февраля (29 января) и в то же время предоставлены неограниченные полномочия Совету народных комиссаров по вопросу о заключении мира, т. е., следовательно, и право подписать „похабный мир“.

„Левые“ таким образом поняли, что резолюция съезда как раз развила точку зрения Ленина, а не „левых“ или Троцкого, а потому и всполошились. Им удалось про-

---

[6] Nowak. Versailles, S. 249; русск. перевод, с. 149.

[1] Л. Троцкий, т. XVII, ч. I, Гиз, 1926, с. 651.

вести в Московском областном бюро, целиком находившимся в руках „левых", и на заседании Питерского комитета тезисы т. Бухарина, после чего „левые" потребовали немедленного созыва конференции под угрозой отставки „во всяком случае", т. е. оставляя про запас и другие средства.

Маневр „левых" чрезвычайно прост. В их руках находился ряд партийных комитетов (Питер, Москва, Урал, некоторые комитеты на Украине и т. п.). Так как конференция собирается из представителей комитетов, т. е. без дискуссии, без вовлечения масс, то, возможно, удастся протащить на ней комитетскую точку зрения „левых". Именно такой маневр применили и современные правые в Швеции, в руках которых оказались некоторые партийные аппараты.

Ленин однако разгадал нехитрый маневр. Ходу „левых"—„конференция является только ловлей мнения партии, которое необходимо зафиксировать" [3], говорил Ленин,—он противопоставил предложение созвать партийный съезд на основе дискуссии, а до этого организовать совещание представителей всех точек зрения.

При этом Ленин так оценивал резолюцию советского съезда:

„Как принято решение на III съезде? Так, как это предложено ЦИК. ЦИК уже вынес решение согласно решению фракции, а фракция приняла его согласно решению ЦК... Затягивая мирные переговоры, мы даем возможность продолжать братание, а заключая мир, мы можем сразу обменяться военнопленными и этим самым мы в Германию перебросим громадную массу людей, видевших нашу революцию на практике; обученные ею они легче смогут работать над пробуждением ее в Германии" [4].

У Ленина, как мы видим, не было сомнения в том, какую же резолюцию принял ЦК на заседании 24 (11) января.

Новое заседание ЦК, состоявшееся 1 февраля (19 января), по обсуждении письма „левых", приняло предложение Ленина: съезд созвать 5 марта (20 февраля), совещание же организовать 3 февраля (21 января).

На совещании ЦК с представителями разных течений присутствовало всего 15 человек (2 ушли до голосования), голоса коих разбились следующим образом:

1) Допустим ли вообще мир между социалистическими и империалистическими государствами: 13 за, 2 против.

2) Допустимо ли сейчас подписать мир: 6 за, 9 против.

3) Затягивать ли переговоры: 12 за, 2 против, 1 воздер.

4) Затягивать ли их до разрыва их немцами: 12 за, 2 против, 1 возд.

[3] Протоколы ЦК, с. 213.
[4] Там же, с. 211.

5) Допустимо ли подписать мир в случае разрыва ими переговоров и ультиматума: 13 за, 2 против.

6) Нужно ли в таком случае подписать мир: 6—за, 2 против, 7 возд.

Итак, и на межгрупповом совещании точка зрения „левых" оказалась полностью битой, точка зрения Троцкого не голосовалась [5], предложение Ленина затягивать мир, как и на первом заседании 24 (11) января, получило большинство.

Мало того. Большинство совещания высказалось за допустимость подписания мира в случае немецкого ультиматума и только по вопросу о необходимости подписания мира 7 товарищей воздержалось, дав формальное большинство Ленину.

Подведем теперь предварительные итоги.

1) На первом совещании 24 (11) января большинство получила точка зрения Ленина—затягивать мир, (а не Троцкого—ни войны, ни мира): именно она была партийной директивой.

2) Точка зрения Ленина являлась лишь переходом к заключению мира. На том же самом спорном совещании, результат которого до сих пор считали победой точки зрения Троцкого, мы имели следующее заявление, сохранившееся в первоначальном протоколе:

„Ленин. При этом затягиваем мир прелиминарный в мир постоянный, хотя бы путем уплаты 1 000 000 000" [6]. Эти строки идут как раз за предложением Ленина—„мы всячески затягиваем подписание мира",—поясняя тем самым позиции Ильича.

Это наше мнение подтверждается и всем поведением „левых" и Троцкого на VII съезде партии.

„Все, в том числе и т. Ленин,—так выступал на съезде Троцкий,—говорили: „идите и потребуйте от немцев ясности в их формулировках, уличайте их, при первой возможности оборвите переговоры и возвращайтесь назад". Все мы видели в этом существо мирных переговоров.... Перед последней поездкой в Брест мы все время обсуждали вопрос о дальнейшей нашей тактике... Большинство сказало: „Нет, продолжайте ту же политику агитации, затягивания и т. д." [7].

Сам Троцкий на съезде отнюдь не защищал того, что ему была дана директива „ни войны, ни мира". Но и это его выступление было дезавуировано Лениным.

„Дальше я должен коснуться позиции т. Троцкого,—говорил Ленин в заключительном слове на съезде,—он цитировал часть разговора со мной, но я добавлю, что между нами было условлено,

[5] Сам Троцкий находился в это время в Бресте.
[6] Протоколы ЦК, с. 207.
[7] Протоколы VII съезда, с. 69.

что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем. Немец нас надул: из 7 дней он украл 5. Тактика Троцкого, поскольку она шла на затягивание, была верна: неверной она стала, когда было объявлено состояние войны прекращенным и мир не был подписан. Я предложил совершенно определенно мир подписать" [8].

Сейчас в наших руках имеется документ, который полностью кладет конец дискуссии. Когда Троцкий по получении ультиматума немцев 10 февраля запросил Ленина, как быть, Ленин вместе со Сталиным ответил: „Наша точка зрения Вам известна, она только укрепилась за последнее время.." [9].

Любопытно подчеркнуть — и это последний довод,—что на VII съезде „левые" пытались оправдать позицию Троцкого, свалив вину за его поведение на партию. Т. Крестинский внес на съезде следующую резолюцию: „Седьмой съезд РСДРП(б) полагает, что тактика неподписания мира в Бресте 10 февраля этого года была правильной тактикой, так как она наглядно показала даже самым отсталым отрядам международного пролетариата полную независимость рабоче-крестьянского правительства России от германского империализма и разбойничий характер последнего" [10].

Съезд большинством голосов отверг эту резолюцию и принял другую, в которой подчеркнул „громадную работу ее (делегации) в деле разоблачения германских милитаристов" и т. д. Короче, съезд одобрил ту часть работы, которая шла по линии ленинской директивы—затягивать мир для революционизирования рабочих масс, но отверг лозунг „ни войны ни мира".

Итак, даже беглый анализ новых материалов позволяет нам разрушить еще одну легенду: Троцкий в Бресте получил от ЦК директиву затягивать переговоры до ультиматума, после чего должен был „сдать", Троцкий во-время не сдал, выдвинув не партийный лозунг „ни войны, ни мира", а потому вся политическая ответственность за последствия, вытекавшие из нарушения партийной директивы, падает целиком на Троцкого.

Посмотрим, однако, кто еще разделяет с ним эту ответственность.

Позиция Троцкого являлась отнюдь не отдельной ошибкой, вытекавшей из неправильной оценки конкретного момента. Она являлась результатом всей его старой концепции „перманентной революции", составной частью которой являлось учение о невозможности победы социализма в одной стране. „Несомненно,—говорил Троцкий на VII съезде,—что все мы без исключений полагали, что самый факт нашей Октябрьской революции со всеми дальнейшими вытекающими из этого факта последствиями... послужит прямым и непосредственным толчком для развития брожения на Западе". Но международная революция не вспыхнула и, следовательно, ее нужно подтолкнуть, взорвать, иначе „мы будем раздавлены". Вся позиция Троцкого и сводилась к тому, чтобы искусственно ускорить вызревание международной революции.

Тот же исходный пункт лежал и в основе рассуждений т. Бухарина. „Мы говорим,— аргументировал т. Бухарин свою позицию,—что либо русская революция развернется, либо погибнет под давлением империализма" [11]. А его тогдашний сторонник т. Ломов (Оппоков) договорился до вывода, легшего в основу резолюции Московского областного бюро, по поводу которой Ленин написал свою статью „Странное и чудовищное".

„Неправильно положение т. Ленина,— говорил на одном из заседаний ЦК т. Оппоков (Ломов),—что мы, желая сохранить ребенка — социалистическую республику, отказываемся от войны. Именно разложение германской армии, именно гражданская война с германским империализмом, именно наше задушение может поднять революцию на Западе" [12]. В угоду своей „теории" „левые" соглашались идти даже на потерю советской власти!

Однако не только одинаковая методологическая установка роднила „левых" и Троцкого: их точки зрения совпадали и по существу. „Насчет невозможности революционной войны.—писал Троцкий в одном из своих пасквилей, пытаясь показать, что его точка зрения не имеет ничего общего с „левыми",—у меня не было и тени разногласия с Владимиром Ильичем... На совещаниях, которые решали вопрос о мире, Ленин выступал очень решительно против „левых" и очень осторожно и спокойно против моего предложения. Он, скрепя сердце, мирился с ним, поскольку партия была явно против подписания и поскольку промежуточное решение должно было явиться для партии мостом к подписанию мира" [13].

Насколько мало было в этом правды, показывает поведение самого Троцкого. 23 февраля, когда выяснилось, что немцы решительно двигаются вперед, все захватывая на своем пути, Троцкий в ответ на ультимативное предложение Ленина подписать мир воздержался от голосования, заявив: „Доводы Владимира Ильича далеко

[8] Там же, с. 116.
[9] XI Ленинский сборник, с. 25.
[10] Протоколы VII съезда, с. 133.
[11] Протоколы ЦК, с. 236.
[12] Там же, с. 204.
[13] Троцкий, о Ленине, Гиз, с. 79, 83.

не убедительны; если бы мы имели единодушие, могли бы взять на себя задачу организации обороны, мы могли бы справиться с этим"[14]. А на VII съезде партии Троцкий еще прямее пояснил, что значит „справиться с этим": „Тов. Ленин, - говорил он,—считает, что сегодня необходимо подписать мир, после того как немцы взяли Ревель и др. города: другое крыло, к которому я принадлежу, считает, что сейчас единственная возможность для нас... воздействовать революционизирующим образом на германский пролетариат... Мы отступаем и обороняемся, поскольку это в наших силах. Мы выполним ту перспективу, которую предсказывает т. Ленин: мы отступим к Уралу, эвакуируем Петроград, Москву"[15]. Единственный выход Троцкий видел только в революционной войне, а воздержался при голосовании (чем дал пройти точке зрения Ленина) только потому, что без Ленина, т. е. при расколе, считал невозможным драться.

Что это так, подтверждает и поведение „левых". На заседании ЦК Бухарин заявил: „Позиция т. Троцкого самая правильная",— это, между прочим, вызвало реплику т. Бубнова, что из трех точек зрения осталось две, „так как, очевидно, точка зрения революционной войны не находит сторонников"[16]. Для „левых", таким образом, которые никогда по существу не отказывались от лозунга „революционной войны", точка зрения Троцкого явилась тем прикрытием, куда они скрывались от сокрушительной критики Ленина. „Ни войны, ни мира" был мостом не к подписанию мира, а к революционной войне, тем самым вся политическая ответственность за срыв партийной директивы в Бресте падает и на „левых" во главе с т. Бухариным.

И. Минц.

Л. П. МАМЕТ. Ойротия. Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. Изд. Научной ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем, М. 1930, с. 160, приложение—карта, тир. 2 050, цена 2 руб.

Секция истории народов СССР Общества историков-марксистов вплотную подходит к своей работе только лишь за последнее время. Этим в известной мере объясняется крайняя бедность исторического материала, которая особенно заметна в отношении истории народов, являвшихся в старой царской России объектом колониальной эксплоатации. Историкам народов СССР, центром внимания которых будет как раз изучение истории именно этих народов, приходится начинать свою работу во многих случаях почти на пустом месте. Примером такой «зачинательной» работы и является книжка Л. П. Мамета об Ойротии. В то же время она может быть названа также и несколько случайной для самого автора, который рассказывает, что мысль ее написать у него появилась лишь весной 1928 г. во время поездки в Ойротскую автономную область в качестве руководителя группы летней практики студентов КУТВ. Сначала автор собирался дать очерк гражданской войны на Горном Алтае, но по мере разработки темы расширил рамки своей работы, включив в нее и национально-освободительное движение среди алтайцев в 1904—1905 гг. (бурханизм).

Работа написана главным образом по архивным материалам Ойротского Истпарта. Этот архив во время работы над ним т. Мамета находился в состоянии «первозданного хаоса», документы не только не были переписаны, подшиты и систематизированы в деле, но и валялись без всякого присмотра на чердаке Обкома в полнейшем беспорядке. Отсюда отсутствие в книжке соответствующих ссылок на дела, на страницы документов и т. д. К ряду документов автор должен был сам подставлять даты на основании косвенных показаний. Местные работники делились с автором материалами из своих личных архивов. Так создавалась эта в своем роде единственная книжка об Ойротии.

А теперь по существу. Автор начинает свое исследование с общих положений о колониальной политике русского царизма, вообще характеризуя ее как своеобразное первоначальное накопление путем колониального грабежа и выкачивания ценностей местного населения. Автор далее связывает колониальную политику царизма с переселенческой, ставившей себе задачу смягчить противоречия между помещиками и крестьянством в метрополии. В тесной связи с колониальной политикой царизма была и его национальная политика.

Л. П. Мамет отмечает, что к концу XIX и началу XX в. особенно под влиянием русской революции 1905 г. волна национально-освободительных движений охватывает не только зарубежный Восток: Китай, Персию, Турцию и т. д., но и народы, населявшие Российскую империю, так наз. ныне—Советский Восток, причем национально-освободительное движение на восточных окраинах принимало зачастую религиозную окраску. В этом отношении бурханизм горных алтайцев и был такого

[14] Протоколы ЦК, с. 248.
[15] VII съезд, отчет, с. 71.
[16] Протоколы ЦК, с. 205.

рода национально-освободительным движением. С этой стороны книжку Л. П. Мамета можно назвать в известной мере юбилейной, так как она в первую очередь знакомит читателя с движением на Алтае в 1905 г.

Другой вопрос, который поставлен Л. П. Маметом, это вопрос об условиях пролетарской революции на национальных окраинах, которым «приходится из первобытных форм хозяйства перейти в стадию советского хозяйства, минуя промышленный капитализм». Здесь речь идет главным образом об установлении линии компартии в эпоху народных движений угнетенных национальностей, где чаще всего движение возглавляется, в особенности на первых порах, националистической интеллигенцией.

Попытку Л. П. Мамета на примере маленькой, заброшенной в алтайские горы Ойротии дать конкретный анализ национально-освободительного движения в эпоху 1905 г. и в эпоху гражданской войны в разрезе указанных выше положений в известной мере можно считать удавшейся.

Правда, нас не удовлетворила конструкция материала в книжке т. Мамета. Так, первая глава в ней посвящена подготовлению бурханизма и событиям, происшедшим в Ойротии в связи с этим движением. Дальше автор переходит к истории колонизации Алтая и деятельности алтайской духовной миссии, отражению на Алтае русско-японской войны и революции 1905 г. Он подробно трактует вопросы борьбы с шаманизмом, рассказывает о национальном эпосе и сказаниях об Ойрот-хане. После этого автор снова возвращается к бурханизму, характеризуя его, как национально-освободительное движение алтайских масс. Такого рода метод изложения крайне затрудняет чтение книжки. Было бы правильнее, если бы вместо первой главы автор дал во введении характеристику бурханизма в виде общих наметок своей работы и, исходя из них, повел бы свой рассказ и об истории колонизации края и всей политики царизма, которая привела к бурханизму. После этого можно было дать несколько картин движения бурханизма и сделать соответствующие аналитические выводы. Затем от них легко перейти и к последующему этапу истории Ойротии—к революционному движению на Алтае в связи с Октябрьской революцией.

Как общий недостаток книжки следует отметить многословие автора: он приводит большое количество длинных цитат из разного рода документов архивного порядка или редких изданий, тогда как их можно было бы изложить коротко своими словами. Несоразмерно велика глава о колонизации. Таблицы на с. 34 целесообразнее было бы дать в изложении словами. Несколько растянуты главы, касающиеся революции 1917 г. и последующих годов. Приведенные в конце книжке данные по экономической географии Ойротии в ее современном районировании совершенно не вяжутся с общим характером исторического очерка. В книжке встречается также повторение материала и в тексте, и в приложениях. Вместе с этим важнейшая часть книжки—предыстория Ойротии—освещена автором совершенно недостаточно. Чувствуется некоторая поспешность в работе, что видно даже в мелочах. Так, автор не везде выдерживает транскрипцию Ойротских фамилий: в одном например случае он употребляет фамилию «Чет-Чеплан», в другом—«Чет-Чепланов», в третьем—«Чет Чепланов» (без черточки) и наконец просто «Чет». Далее не объяснены местные слова—«зайсан», «дючина» и др.

Книжка Л. П. Мамета снабжена хорошими рисунками и картой, которые значительно облегчают ее использование. Издана она хорошо, тираж явно недостаточен, цена дороговата.

А. Шестаков.

Х Р О Н И К А

РЕЗОЛЮЦИИ, ПРИНЯТЫЕ НА ОБЩЕМ СОБРАНИИ ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ОТ 19.III-30 Г. [1].

I.

Особенности переживаемого нами исторического момента—острый экономический кризис и безработица в крупнейших буржуазных странах (САСШ, Англия и Германия) и социалистическая реконструкция народного хозяйства СССР—обусловливают такой размах классовой борьбы, какого не наблюдалось уже давно, с первых лет по окончании империалистической войны. Стремясь защититься от поднимающейся грандиозной волны рабочего движения, капиталисты всех стран употребляют отчаянные усилия, чтобы ослабить союзника и опору этого движения—рабочее государство Советского Союза. Одновременно с этим все контрреволюционные элементы нашей страны напрягают последние силы, чтобы остановить победоносное наступление социализма. Между буржуазией вне СССР и остатками буржуазии внутри СССР образуется спайка, выразителями которой являются всевозможные вредительские и заговорщические организации, неизменно уходящие корнями в зарубежную эмиграцию и состоящие на содержании у иностранных капиталистов. Нарастающая с чрезвычайной быстротой классовая борьба немедленно находит себе отражение в идеологической области,—причем по мере увеличения остроты и размаха борьбы стирается грань между идеологией и политикой в ее чистом виде. Люди, которых еще вчера мы считали только своими идейными противниками, сегодня оказываются активными участниками антисоветских организаций. Где кончается «несогласие с марксизмом» и начинается прямое вредительство, различить становится все менее и менее возможным. Каждого антимарксиста приходится рассматривать как потенциального вредителя. В то же время подлинно марксистская, т. е. подлинно революционная теория становится нужна и нам, и нашим западным товарищам так, как она бывает нужна только в наиболее острые моменты революционной борьбы, ибо «роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией» [2]. Перед историками-марксистами стоит, таким образом, двойная задача. Первая—на своем участке принять самое энергичное участие в общей работе социалистической реконструкции, подготовляя в темпе более быстром, чем все виданные до сих пор, новые и гораздо более широкие кадры работников данного участка культурно-просветительного фронта и способствуя историческим анализом прояснению сознания всех работников этого фронта и всех масс трудящихся.

Ленин придавал этому анализу прошлого громадное значение. Уроки истории он в одном месте поставил рядом с марксистским учением. «... Всякий, кто хоть чему-нибудь научился из истории или из марксистского учения, должен будет признать, что во главу угла политического анализа надо поставить вопрос о классах,»—писал Ленин летом 1917 года [3]. И эти уроки для него уходили иногда в далекое прошлое: «Фр. Энгельс особенно подчеркивал урок опыта, объединяющий до известной степени крестьянское восстание XVI века и революцию 1848 года в Германии...» [4]. «Для того, чтобы победить, нужно понять всю глубочайшую историю старого буржуазного мира». Но особенно ценными в глазах Ленина были примеры близких к нам этапов революционной борьбы пролетариата. Парижская Коммуна 1871 года является наиболее популярным и наиболее часто встречающимся у Ленина примером. Он настаивает на «изучении конкретных исторических особенностей рабочего движения в определенных странах» [5]. В предисловии к письмам Маркса к Кугельману Ленин подчеркивает, что «Маркс прямо с восторгом говорит о том, что парижане начинают прямо-таки штудировать свое недавнее революционное прошлое, чтобы подготовиться к предстоящей новой революционной борьбе» [6]. Это изучение конкретных особенностей прошлого для Ленина есть только средство

---

[1] Помещая в настоящем № резолюции общего собрания Общества „И.-М.“, редакция вынуждена по техническим причинам перенести отчет об этом собрании в следующую, 16 книжку журнала.

[2] Ленин. Сочинения, т. IV, с. 380—381.

[3] Ленин. Сочинения, т. XIV ч. 2-я, с. 61.

[4] Там же, с. 25.

[5] Ленин. Сочинения, т. VIII, с. 341.

[6] Там же, с. 192.

приучиться различать конкретные особенности настоящего. «Марксизм требует безусловно исторического рассмотрения вопроса о формах борьбы», писал Ленин по поводу «партизанской войны» в 1906 году [7]. „Ставить этот вопрос вне исторически-конкретной обстановки значит—не понимать азбуки диалектического материализма». «Марксизм требует от нас самого точного, объективно проверимого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики» [8].

Совершенно естественно, что мы, давая будущим кадрам широкое историческое образование, уделяя достаточно места классовой борьбе самых отдаленных эпох, должны обратить особенное внимание на разработку тех отделов истории, которые наиболее тесно связаны с происходящими на наших глазах грандиозными сдвигами и непосредственно могут служить к уяснению этих сдвигов. История Октябрьской революции, история гражданской войны, история интервенции, история рабочего движения в буржуазных странах в послевоенные годы, затем история вооруженных восстаний последних десятилетий, история колониальных революций, массового движения в отсталых и порабощенных странах, наконец, прежде и больше всего, история возникновения и развития нашей большевистской партии—прообраза революционных рабочих партий для всего мира, история Коминтерна,—должны быть в центре нашего внимания, должны стать главным объектом нашей научной работы.

Главной опорой в этом должен служить для Общества возникший в Комакадемии, в результате инициативы Всесоюзной конференции историков-марксистов, Институт истории. Что ему удалось в своей структуре преодолеть косность домарксистских исторических рубрик, тяготевших над институтом истории РАНИОН'а, что в нем больше нет ни древних, ни средних, „ни русских", ни „всеобщих" историй, является, конечно, крупной его заслугой. Но этого мало. Изучение истории тех отделов, которые перечислены нами выше, как главный для нас объект исторического исследования, еще не развернуто как следует до сих пор.

Это заставляет членов Общества, работающих в Институте истории, употребить все усилия к интенсивному изучению этих проблем и дальнейшему укреплению и усилению в работе Института четкой марксистско-ленинской методологии, в противовес эклектическому академизму Института РАНИОН'а.

Второй задачей историков-марксистов является борьба с чуждыми марксизму, буржуазными историческими концепциями, а также с пережитками этих концепций в нашей собственной среде. Нами далеко еще не сделано все, что мы должны сделать, в первом из указанных сейчас направлений: разоблачение буржуазных подтасовок и фальсификаций истории до сих пор остается на стадии легко-кавалерийской разведки, больших серьезных работ в этом направлении почти не имеется, тогда как марксистская научная общественность их давно ждет. Недостаточно указать на ошибки последователей Допша и Макса Вебера, нужно дать обстоятельную марксистскую критику первоисточников этих ошибок, дать ряд статей и сборников, посвященных чрезвычайно характерному для переживаемого периода „загниванию" буржуазной исторической науки. Лишь радикально разрешив эту задачу, мы сможем застраховать нашу молодежь от заражения с этой стороны и от попыток отдельных наших товарищей занять межеумочные позиции по отношению к идеологии чуждых нам классов. В изучении истории революционных движений нашей страны характерным для настоящего момента примером являются попытки изобразить народников предшественниками большевизма, чем объективно затушевывается мелкобуржуазная сущность народничества (статьи и выступления тов. Теодоровича по поводу юбилея „Народной Воли"). С большим упорством отстаивает свои не менее фальшивые построения историческая механистика Богданова и Рожкова. Показателем ее влияния может служить книга т. Дубровского „Об азиатском способе производства", где искажено учение Маркса и Ленина о социально-экономических формациях.

Попытки ревизии марксистско-ленинского понимания исторического процесса, требующие самого решительного разоблачения, должны еще раз напомнить историкам-марксистам, что только изучение Маркса и Ленина и использование их метода в изучении истории является залогом успеха в нашей научной работе. Особенно большого внимания требует изучение истории народов СССР, где еще недавно под видом марксизма проводилась мелкобуржуазная, реакционная националистическая концепция (Яворский и его школа). Попытки ревизии марксизма и ленинизма в наши дни обыкновенно являются прямой или прикрытой, сознательной или бессознательной защитой право-оппортунистических или троцкистских взглядов.

Борьба против попыток ревизии ленинизма может быть успешной только при условии проведения ряда мероприятий, обеспечивающих нормальную научно-исследовательскую работу. Необходима полнае реа-

---

[7] Ленин. Сочинения, т. X, с. 81.
[8] Ленин. Сочинения, т. XIV, I, с. 27. «Письма о тактике» 1917 года.

лизация самокритики в области изучения и преподавания истории. Борьба за большевистскую самокритику и решительное разоблачение псевдо-марксизма в наших собственных рядах должна быть неотъемлемой частью нашей работы.

Борьба эта, как и наша работа на своем участке культурного фронта по социалистической реконструкции, может вестись успешно только силами историков-марксистов Советского Союза. Поэтому скорейшее осуществление пожелания всесоюзной конференции об образовании Всесоюзного общества историков-марксистов является одним из непременных условий правильного и быстрого решения стоящих перед нами задач.

II.

Признавая, что политическая линия Общества была совершенно правильна, и одобряя деятельность Совета, общее собрание в связи с теми новыми задачами, которые стоят сейчас перед марксистской исторической наукой, считает необходимым:

1) Организовать широкое обсуждение вопроса о задачах исторической науки в реконструктивный период, мобилизуя вокруг обсуждения этого вопроса внимание всех историков-марксистов Союза.

2) В соответствии с требованиями социалистического строительства выработать единый план работ всех исторических научно-исследовательских учреждений Москвы и провинции, организовать широкое обсуждение этого плана.

3) Пересмотреть весь наличный состав научных работников исследовательских институтов с точки зрения обеспечения подлинного марксистско-ленинского изучения стоящих в порядке дня проблем.

4) Более решительно провести коммунизацию состава научно-исследовательских институтов, закрепив за ними необходимые кадры коммунистов, в частности из числа оканчивающих ИКП и Ин-т истории.

5) В свете новых задач Об-во историков-марксистов должно значительно перестроить свою работу, стать подлинным центром исторической общественности и популяризации задач исторической науки в реконструктивный период.

Необходимо развернуть научно-популяризаторскую деятельность общества, для чего:

а) Ускорить намеченный в свое время выпуск научно-популярного массового исторического журнала.

б) Наметить план издания научно-популярных брошюр по наиболее актуальным проблемам истории.

3) Установить тесную связь с парторганизациями, предприятиями и рабочими университетами, с историческими и историко-революционными музеями, для проведения циклов эпизодических лекций, организации консультаций для партийного и рабочего актива.

4) В ближайшее время должно быть закончено оформление Общества как Всесоюзной организации историков-марксистов, установлена фактическая связь Общества с местными научными организациями, осуществлено руководство и налажена систематическая взаимная информация и обмен докладами.

5) Журнал „Историк-марксист" должен стать органом, сплачивающим все коммунистические силы как в деле борьбы на идеологическом фронте, так и в изучении актуальных проблем; он должен стать боевым органом, направляющим и организующим исследовательскую работу историков-марксистов. Особое внимание должно быть обращено на привлечение к участию в журнале молодых коммунистических сил и на обеспечение более частого выхода журнала в соответствии с решениями конференции.

6) В области преподавания исторических дисциплин общество должно обеспечить широкий общественно-научный контроль, руководство и помощь в работе исторических кафедр вузов, комвузов, и др. уч. заведений как в Москве, так и в провинции, а также развернуть критическую методическую и методологическую работу по подготовке учебных пособий и руководств, для обеспечения преподавания истории в выдержанном марксистско-ленинском направлении.

III.

Общее собрание Общества историков-марксистов с возмущением узнало о факте политического авантюризма М. Яворского, который, прикрываясь в течение ряда лет именем члена партии и члена О-ва историков-марксистов, фальсифицировал марксистскую историческую науку Украины.

Об-во историков-марксистов совместно с историками-марксистами и коммунистами Украины неоднократно обращало внимание на национал-демократические извращения марксизма и ленинизма в исторических работах Яворского и вело решительную борьбу за подлинно-марксистскую схему истории Украины. Факт идеологического вредительства Яворского представляет серьезную опасность для марксистской исторической науки Украины, тем более, что с устранением из рядов КП(б)У и историков-марксистов Украины самого Яворского еще не устранена опасность национал-шовинистических тенденций, развиваемых его последователями в украинской историографии. Общее собрание Об-ва выражает твердую уверенность, что историки-марксисты Украины под идейно-политическим руководством ЦК КП (б) У быстро и успешно ликвидируют следы и результаты идеологического вредительства Яворского, развернут еще

более интенсивную работу в области изучения украинской истории на основе марксизма и ленинизма и вместе со всеми нами поведут решительную борьбу с ревизионистами, разоблачая, как национал-демократические, так и великодержавные тенденции в исторической литературе СССР.

СПИСОК

членов Общества историков-марксистов, избранных на общем собрании членов общества 19 марта 1930 г.

В члены Совета:

1. Алимов, А. А.
2. Ванаг, Н. Н.
3. Гоберник, М. Н.
4. Горев, Б. Н.
5. Горин, П. О.
6. Глазков, В. В.
7. Газганов, Э. Я.
8. Гайстер, А. И.
9. Дубына, Т. М.
10. Захаров, С. В.
11. Кин, Д. Я.
12. Кривошеина, Е. П.
13. Кривцов, С. С.
14. Лепешинский, П. Н.
15. Лукин, Н. М.
16. Максаков, В. В.
17. Минц, И. И.
18. Мирошевский, В. М.
19. Невский, В. И.
20. Панкратова, А. М.
21. Нечерский, И. Ф.
22. Покровский, М. Н.
23. Попов, К. А.
24. Пугачевский, Б. И.
25. Рязанов, Д. Б.
26. Савельев, М. А.
27. Самойлов, Ф. Н.
28. Сидоров, К. Ф.
29. Татаров, И. Л.
30. Фридлянд, Г. С.
31. Шестаков, А. В.
32. Шмидт, И. П.
33. Ярославский, Е. И.

Кандидаты в члены Совета.

1. Пионтковский, С. А.
2. Власова, Е. А.
3. Ломакин, А. И.
4. Молотов, К. М.
5. Ваке, Г. И.
6. Гуковский, А. И.
7. Бочаров, Ю. М.
8. Мамет, Л. П.
9. Дубинский, Б. М.
10. Касименко, В. А.

В члены ревизионной комиссии.

1. Антонов-Саратовский, В. П.
2. Удальцов, А. Д.
3. Дубровский, С. М.
4. Крамольников, Г. И.
5. Моносов, С. М.
6. Сорин, В. Г.
7. Васютинский, А. М.

СПИСОК

членов президиума Совета Общества историков-марксистов, избранных на заседании Совета Общества от 28 марта 1930 года.

1. Ванаг, Н. Н.
2. Гоберник, М. Н.
3. Горин, П. О.
4. Захаров, С. В.
5. Кин, Д. Я.
6. Лукин, Н. М.
7. Максаков, В. В.
8. Невский, В. И.
9. Панкратова, А. М.
10. Покровский, М. Н.
11. Пугачевский, Б. И.
12. Савельев, М. А.
13. Фридлянд, Г. С.

К ЮБИЛЕЮ Д. Б. РЯЗАНОВА

На общем собрании членов общества историков-марксистов выступил М. Н. Покровский с заявлением в связи с юбилеем Давида Борисовича Рязанова.

„Товарищи, вам всем известно, что на-днях празднуется шестидесятилетний юбилей жизни и 40 лет революционной деятельности Д. Б. Рязанова. Едва ли есть какая-нибудь надобность говорить о том значении, какое имеет тов. Рязанов в марксистской исторической науке. Нужно сказать, что Рязанов собственно один из первых историков-марксистов, которые существуют вообще, ибо он начал свою работу как историк-марксист раньше, я думаю, чем кто бы то ни было из нас. Когда я начал свою литературную деятельность, во-первых, я был немножко сомнительным марксистом, во-вторых, я не занимал никакого места в революционном движении. Я вошел в революционное движение позже, в 1905 году. Рязанов же в революционном движении 40 лет, т. е. с 90-х годов он стал революционером и историком-марксистом в одно и то же время.

Огромное значение, конечно, он имеет и в настоящем историко-марксистком движении. Я укажу хотя бы на то,—мне пришлось на это указывать и в своей статье,—что идея образования марксистского Института Истории принадлежит Рязанову. Он первый выступил с этой идеей,—правда, у нас возникли разногласия по поводу того места, где нужно построить Ин-т Истории,—но самая мысль была правильно высказана именно Давидом Борисовичем. Все это делает его нам чрезвычайно близким в нашей работе. К сожалению он не принимает регулярного участия в занятиях Общества и Института Истории—вероятно потому, что слишком завален работой в Ин-те Маркса и Энгельса и в разных комиссиях ЦИК'а,

где он участвует. Но тем не менее он здесь, в этом как раз зале, выступал с чрезвычайно интересным докладом на тему из первых времен германской социал-демократии, одним из самых интересных докладов, которые мы заслушали. Он принял деятельное участие в дискуссии по поводу Чернышевского и сделал ряд чрезвычайно ценных замечаний. Все это вместе взятое делает участие нашего Общества в его юбилее вещью само собой разумеющейся. Предлагаю вам приветствовать Давида Борисовича послезавтра на его юбилее от имени Общества историков-марксистов".

На торжественном заседании, посвященном 60-летию Д. Б. Рязанова и 40-летию его политической и научной деятельности, от имени Общества историков-марксистов с приветствием выступил М. Н. Покровский.

ПОПРАВКА

В 14-ой книжке „Историка-марксиста" рецензия на кн. Сакызова «Bulgarische Wirtschafts-geschicte» ошибочно подписана фамилией И. Егорова. Рецензия принадлежит С. Никитину.

Ответств. редактор А. В. Шестаков. Ответств. секретарь И. Л. Татаров.